

Часть 1. Тестовые соревнования. Зима 2013 года

Глава 1

Зимой 2011-2012 годов моя жена Таня услышала по радио, что с 7 февраля, ровно за два года до начала Олимпийских игр в Сочи, через Интернет начнётся набор желающих стать волонтерами и сказала: «Почему бы тебе не поехать на Олимпийские игры?» Мы посоветовались и решили, что поездка будет неким развлечением для меня, я смогу проявить себя вне нашей деревни, может быть появятся какие-то связи, зацепки, для того чтобы впоследствии получить какую-то оплачиваемую работу.

Спустя несколько недель, когда на соответствующем сайте открыли доступ для записи, я записался в первый же день. Прочитав всю информацию, я понял, что у меня есть даже преимущество: я буду волонтером «серебряного возраста», а мне было ясно, что людей моего возраста будет очень немного. Я также узнал, какие именно волонтеры нужны и выбрал для себя следующую специальность: ассистент национальных олимпийских комитетов (НОК). В обязанности такого волонтера входит всячески опекать этих людей, в том числе возить их на автомобиле. Требовалось хорошее знание английского языка.

Потом я прошёл по Интернету психологические тесты и тесты на деловые качества, а затем серьёзные тесты на знание английского языка. Закончился этап отбора очным интервью в Краснодаре. В результате я был прикреплен к волонтерскому центру в Кубанском государственном университете. Летом, как я понимаю, все отдыхали, а осенью началось обучение: меня вызвали в Краснодар на трёхдневное очное обучение, посвященное основам волонтерской деятельности, рассказу об олимпийских объектах и зимних олимпийских видах спорта. В эти же дни я получил по электронной почте письмо, в котором мне предлагалось принять участие в тестовых соревнованиях сезона 2012-2013 года. Тестовые соревнования проводятся на вновь возведённых олимпийских объектах с целью апробирования этого стадиона или трамплина и т.п. спортсменами, а также для испытания волонтеров. То есть и сами волонтеры могут оценить насколько «оно им надо», и организаторы соревнований могут оценить личные качества волонтеров.

Из предложенного списка я выбрал соревнования по лыжным гонкам и биатлону с 20 января по 4 февраля 2013 года. Лыжные виды спорта я выбрал потому, что имел к ним когда-то какое-то отношение: ходил на лыжах в детстве и уже в зрелые годы вместе с женой, а также потому, что просто хотелось побывать в горах, в Красной Поляне, о которой так много слышал в последнее время.

Прошёл 2012 год и половина января 2013-го, а никаких звонков или электронных писем с приглашением на тестовые соревнования не было. Тогда я написал письмо на электронный адрес координаторов волонтеров-ассистентов НОК с просьбой прояснить ситуацию. Мне ответили через несколько минут, что все вопросы следует адресовать в мой волонтерский центр в Краснодаре. Краснодарцы были не так оперативны, постепенно выяснилось, что ни в каких списках меня нет, волонтеры на лыжные виды спорта уже набраны, но меня могут взять на соревнования по шорт-треку, проходящие в Сочи с 25 января по 4 февраля. Шорт-трек я видел только по телевизору, но, так как я хотел попасть на тестовые соревнования, которые являлись, как я знал, частью подготовки волонтера, пришлось согласиться.

Мой сосед Виктор Павлович, узнав, что я собираюсь ехать в Сочи, предложил свою помощь – довезти меня на своём автомобиле до Анапы и затем обратно, а также дал займы свои зимние ботинки, так как у моих ботинок именно на той неделе лопнули подошвы.

Глава 2

И вот вечером 24 января я вышел из машины Виктора Павловича на автовокзале Анапы в своих осенних полуботинках, так как у нас было тепло (днём – около 15 градусов тепла), а в Сочи по прогнозу должно было быть ещё теплее и, подождав до половины девятого, сел в проходящий через Анапу автобус, следующий по маршруту Порт-Кавказ – Сочи. Прибыть в Сочи мы должны были через 9 с половиной часов в 6 утра, проехав всего 340 км. До тех пор пока не началась эта поездка, я не мог понять, почему автобус идёт так долго и возмущался его тихходностью. Когда же в темноте я увидел, по каким местам мы едем, я не только перестал возмущаться, но и был бы рад, если бы ехали ещё медленнее. Как известно, Кавказский хребет подходит вплотную к Чёрному морю, не оставляя практически никакого места для поселений. Все более-менее крупные поселения расположены в устьях рек, которые разрезают горы и образуют небольшие долины в местах своего впадения в море. Таких мест, начиная с Новороссийска, я насчитал не меньше десяти.

Дорога пролегла на большой высоте вдоль Кавказского хребта, при приближении к речке автобусу приходилось круто спускаться по серпантину вниз, проезжать через мост, а затем снова взбираться на прежнюю высоту. Когда я иногда смотрел вниз, то радовался тому, что мы едем ночью, и я не могу полностью осознать, с какой высоты мы будем падать, если что-нибудь случится.

Мы миновали города, со знакомыми с детства названиями, которые с тех пор так и остались для меня какими-то сказочно-мифическими: Геленджик, Туапсе, Дагомыс. В детстве я только слышал рассказы об этих чудесных местах. Мои родители отдыхали в тех местах, но меня так никогда и не взяли с собой. Я никогда не умел спать в автобусах и самолетах, поэтому провёл бессонную ночь. Этому способствовала также женщина, сидящая на сиденье передо мной, она всю ночь разговаривала по мобильному телефону, разговоры длились часами, я не преувеличиваю.

Наконец, в 6 часов утра мы прибыли на автовокзал Сочи, я спросил у прохожих, где остановка нужного мне автобуса, оказалось, что она была буквально в двух шагах. Я вбежал в отходивший уже автобус, после меня вбежали еще два человека – мужчина и женщина, оба с чемоданами. Свободных сидячих мест не было, я встал со своим чемоданом к окну, напротив девушки, тоже с чемоданом. Я подумал, что она, скорее всего, едет туда же, куда и я. В соответствии с письмом от Оргкомитета ехать нужно было до остановки в Хосте, затем пересесть на другой автобус и уже на нём, наконец, добраться до санатория «Прогресс». Когда я вышел на нужной остановке, оказалось, что вместе со мной вышли и девушка, и мужчина и женщина. Они тоже ехали в «Прогресс». Сочинцы (а может быть правильнее сказать хостинцы?) помогли нам найти нужную остановку и доехать до санатория. Оказалось, правда, что он был достаточно далеко от остановки, и пришлось довольно долго идти со своими чемоданами в гору.

Глава 3

Санаторий «Прогресс» принадлежит Роснаркоконтролю РФ, построен ещё в советские времена и состоит из нескольких больших корпусов, а самое главное и приятное – окружён

со всех сторон дендропарком с субтропическими растениями разных видов, включая пальмы, бананы и бамбук. Несмотря на то, что была вторая половина января, было очень зелено, на некоторых клумбах цвели розы, в середине нашего пребывания на акации серебристой (неправильно называемой нами мимозой) появились первые жёлтые цветки.

После довольно длительной, по причине многочисленности прибывших раньше нас волонтеров, процедуры регистрации в санатории, мы получили талончики на расселение и пошли в свой корпус. Перед тестовыми соревнованиями, нам обещали, что расселять будут, учитывая возраст волонтеров. Слово своё организаторы сдержали, меня поселили в двухместный, недавно отремонтированный номер, соседом оказался мужчина примерно моих лет.

В тот же день нам пришлось ещё довольно долго постоять в очереди за своей экипировкой. Форма оказалась ярко-красного цвета: мы получили по футболке, куртке-толстовке, верхней куртке и брюки. Кроссовки были белого цвета. Нас сразу предупредили, что по окончании нашего пребывания на тестовых соревнованиях мы должны будем сдать всю эту экипировку, и после стирки она будет передана в детские спортивные школы Краснодарского края. Как мы потом узнали, волонтеры, работающие в горном кластере, получили форму голубого цвета.

На обеде я сел за один стол с девушкой, с которой встретился в автобусе. Мы познакомились, её зовут Катя, она из Волгограда, по образованию языковед, занимается ономастикой. Пришлось признаться, что я не знаю, что это такое. Оказалось, что ономастика это наука, занимающаяся изучением имён собственных: людей, названий животных, мифических существ, племён и народов, стран, рек. В настоящее время изучает также и бренды (марка или название продукта, изделия или услуги), чему посвящаются даже международные конференции, на которые Катя регулярно ездит в разные страны. На тестовых соревнованиях она будет работать в качестве переводчицы.

После обеда нас собрали в зрительном зале для того, чтобы провести формальные инструктажи по пожарной безопасности и безопасности на объекте, а в заключение разбить нас на команды. На этом собрании я узнал, что буду работать в функции «спорт», что подразумевает обслуживание мероприятия (в нашем случае – этапа Кубка мира) так сказать изнутри, то есть в помещениях в непосредственной близости от арены и на арене. Большая часть волонтеров была назначена на функцию «обслуживание мероприятия и работа со зрителями». По-английски это звучало как *event service*, сокращённо *EVS*, и, поэтому все для краткости называли эту функцию по-русски ИВС.

Помимо экипировки мы получили также карточку аккредитации, которую должны были в рабочее время постоянно носить на груди. На аккредитации помимо имени и фамилии различными визуальными способами, цветом, условными обозначениями и т. п., обозначены функции человека, участвующего в мероприятии, а также зоны доступа на объекте, то есть куда ему позволено проходить. Волонтеры функции «спорт» имели доступ к арене и внутренним помещениям вокруг неё, а ИВС – нет. Их зоной доступа были помещения снаружи арены и трибуны для зрителей (были также трибуны, выделенные для команд).

Нам предложили самим разбиться на команды. Попросили подняться со своих мест тим-лидеров (это снова английский термин, *team-leader*, для руководителя команды) и предложили нам подходить к тем, кто нам больше нравится или подходит. В моей функции «спорт» встали четыре человека, из них только один молодой человек, остальные – девушки,

причём две – совсем молоденькие, поэтому я пошёл в команду к Антону. Позже, когда мы уже немного познакомились, я спросил его, почему он оказался тим-лидером, он ответил, что написал это пожелание в анкете, и оно было удовлетворено. Антону было тогда, насколько я помню, 27 лет, он живёт в Балашихе рядом с Москвой, закончил университет по специальности социальный работник, но работает профессиональным фотографом, снимает свадьбы и делает для молодожёнов Love Story (как оказалось, весьма популярные у современной молодёжи). Несмотря на то, что работает один, он захотел испытать себя в качестве лидера. Забегая вперёд, хочу сказать, что он прекрасно справился со своей задачей.

Глава 4

В нашей команде оказалось четырнадцать человек. Не все ещё приехали 25 января, так как тренировки спортсменов начинались 27-го, а соревнования должны были пройти с 1 по 3 февраля. Антон собрал нас вечером в холле нашего корпуса и провёл знакомство в очень интересной форме. Мы сели в круг, и первый человек, это был Антон, кратко рассказал о себе: «Меня зовут Антон, я живу в Балашихе, работаю фотографом, люблю футбол и биатлон». Дальше, следующий человек по часовой стрелке, должен был повторить то, что сказал Антон и в таком же формате рассказать о себе. Третий повторял уже информацию про предыдущих двоих и так далее. К концу знакомства все прекрасно запомнили информацию про нескольких первых человек. В начале нашей работы мы собирались каждый день после смены и обсуждали прошедший день, как лучше распределять обязанности, как лучше работать и так далее. Позднее необходимость в таких совещаниях отпала, и мы уже не собирались так часто. Впрочем, молодежь собиралась по вечерам, чтобы поиграть в неизвестные мне игры.

Поскольку читающим эти строки интересно, кем же были волонтеры, я немного расскажу про своих «коллег». Сначала женщины, их, как и впоследствии на Олимпийских играх, было большинство, процентов 70-80. Про любимые виды спорта я в большинстве случаев, конечно, забыл. Итак, Ольга из Сочи, около 70 лет, лет 10 назад переехала из Ульяновска, увлекается горными лыжами. Татьяна из Петербурга, около 50, преподаёт языки в одном из университетов Петербурга. Лилия и Галина из Саранска, около 40, тренеры по шорт-треку. Ульяна, около 40, гидрогеолог из Якутска. Настя, около 30, работает в Проктер энд Гембл, Москва, любит фигурное катание. Она была второй по кругу, и поэтому все запомнили про фигурное катание. Оля, около 25 лет, из Саранска, приехала позже, поэтому другой информации о ней у меня нет. Настя, 18 лет, учится в Москве на спортивного психолога.

Мужчин в нашей команде было почти 50 процентов. Помимо меня и Антона это были: Даниил, 18 лет, родом из Кемерово, учится в Томске на политолога, участник телепередачи «Умницы и умники» на центральном телеканале. Виктор (он сам предложил называть себя Витёк), 18 лет, работал в турбюро в станице Ленинградской Краснодарского края. Вскоре после этих соревнований по призыву в армию. Баир из Краснодара, около 30 лет, сотрудник международного отдела КубГУ, родители переехали в Россию из Афганистана после вывода советских войск. Дима из Омска, около 25 лет, занимается веб-дизайном.

Вечером я, наконец, познакомился со своим соседом по комнате, во время моего заселения он отсутствовал, но вещи уже лежали на его кровати. Вячеслав на год младше меня, является старшим тренером и совладельцем Анапского дельфинария в Большом Утрише. У него есть свой спортивный самолёт, любит проводить отпуск в США, объездил все штаты. Слава – биолог по образованию, работал в Москве в Институте эволюционной физиологии и

биохимии, попал в Анапу, когда там создали лабораторию по изучению дельфинов. Когда распался Советский Союз, и экономика разваливалась на глазах, сотрудники лаборатории спасали дельфинов от голодной смерти, а затем приватизировали дельфинарий. Сейчас, помимо дельфинария в Анапе, они открыли три филиала, в Ейске, Архипо-Осиповке и Набережных Челнах.

Слава всё свободное время проводил со своими тремя землячками из Анапы, тоже «серебряного возраста», Надеждой, Еленой и Луизой, они вместе гуляли по Сочи, пили чай и так далее. Все четверо попали в функцию ИВС, поэтому общались мы мало. Чуть позже я познакомился ещё с двумя анапчанами, мужем и женой Александром и Татьяной. Они переехали на юг из Благовещенска (Дальний Восток), последнего места воинской службы Александра. Он – подполковник в отставке, она – преподаватель английского языка, для того чтобы поехать на тестовые соревнования, пожертвовала своим заработком преподавателя в школе и репетитора.

К слову, все волонтеры полностью оплачивали поездки, как на тренинги, так и на тестовые соревнования, а позже на Олимпийские игры. В Краснодар на тренинги, например, ездили и из Сибири, не только из Южного региона. Люди тратили не только деньги, но и своё время.

Глава 5

Первые дни я всё свободное время проводил в парке. Санаторий расположен на очень крутом и живописном горном склоне, занимает, наверное, несколько гектаров дорогой сочинской земли. О том, что земля дорогая можно догадаться, если спуститься вниз к морю. Глазам предстают натканные слишком часто здания, особняки, мини-отели и просто доходные дома. Некоторые недостроены, видно, что строительство прекратилось несколько лет назад. И рядом так называемый частный сектор с невзрачными домами, тоже расположенными слишком часто. Скорее всего, владельцы нормальных по площади участков потом делили свою землю на маленькие кусочки и затем продавали её.

Дорога к морю круто спускалась мимо далеко не самых прекрасных дворов, потом выходила на довольно красивую набережную, и совсем близко уже было само море. До этого я был в Сочи, а точнее в Адлере только один раз, на научной конференции в ноябре 1990 года. Это тоже было время вне сезона отдыха, но мы с Таней смогли побывать в замечательном сочинском дендропарке, а также дважды съездили в Абхазию, на озеро Рица, в Гагры и в Новый Афон. Пляж в Сочи нам совсем не понравился. Вместо песка там довольно крупная галька, почти как строительный мусор, пляж узкий, и по его кромке проходит железная дорога. Двадцать с лишним лет спустя пляж лучше не стал, и ещё мне очень не понравились старые бетонные волнорезы. Они выглядели совсем безобразно. Поэтому мне хватило только одного похода на море, я предпочитал гулять по парку нашего санатория.

Вечером я оказался за столом на четверых именно с теми, с кем вместе приехал сюда с автовокзала, с Катей и супругами Александром и Ларисой. Александр тоже подполковник в отставке, они переехали в Геленджик из Бийска (Алтайский край), сейчас он сотрудничает с одной из турфирм, водит туристов по горным маршрутам возле Геленджика. Они сказали, что жить в Геленджике им очень нравится, по их мнению, он – самый красивый и ухоженный город на Черноморском побережье России. Но люди, живущие в нём, нравятся не очень. В связи с тем, что заработать можно только в сезон отдыха, геленджикцы, по их словам, смотрят на тебя только с точки зрения того, что можно с тебя поиметь. Работники столовой попросили нас садиться впрямь за те же столы и с теми же соседями. Поскольку мы

все оказались на разных функциях (Александр и Лариса попали в ИВС) и в разных командах, то после начала работы встречались мы редко, и были искренне рады пообщаться за столом. Катю прикрепили к женщине, члену Международного Олимпийского комитета, она встречала её в аэропорту и потом везде сопровождала во всё время её пребывания в Сочи. Когда мы встречались за столом, Катя рассказывала всякие забавные истории о своей работе.

Глава 6

На следующий день мы на нескольких автобусах отправились на наш объект (именно так называли тогда и позже на Олимпийских играх стадионы), дворец спорта «Айсберг». Нам устроили встречу со всеми руководителями «Айсберга», начиная с начальника объекта Светланы Бажановой, олимпийской чемпионки 1994 года в конькобежном спорте, и кончая нашей будущей руководительницей Мариной Пылаевой. Марина участвовала в четырех зимних Олимпийских играх с 1988 по 1998 гг. Она была одной из первых советских, а затем российских спортсменов, которые начали заниматься шорт-треком в нашей стране.

Обедом нас покормили уже в «Айсберге», и с этого дня мы обедали только в Айсберге, а завтракали и ужинали в «Прогрессе». Хотя я, естественно, предпочитаю домашнее питание, особенно потому, что моя жена Таня превосходно готовит, питанием на тестовых соревнованиях в целом я остался доволен. В «Прогрессе» кормили как-то старорежимно что ли, и мне это нравилось, часто были каши, творог, пирожки. Обеды в «Айсберге» были сытными, порции мяса или рыбы во втором блюде были очень большими.

На встрече с руководителями мы узнали, что наша функция будет трудиться в две смены, причём первая смена будет начинаться в 7 утра в «Айсберге» и заканчиваться в 14 часов, затем обед и отъезд «домой». Для этого нужно будет завтракать в 5 утра, чтобы потом автобусом добираться от санатория до «Айсберга» около часа. Вторая смена будет приезжать к 13 часам, чтобы сначала пообедать, потом сменить первую смену, работать до 21 часа и возвращаться к 22 часам на ужин. Такое длительное время работы было связано с тем, что до начала соревнований время с 7 утра до 9 вечера выделялось спортсменам всех стран, участниц Кубка мира, для тренировок. А мы должны были быть на месте до их утреннего приезда и уходить последними.

Тестовые соревнования проходили в Сочи для того, чтобы испытать готовность дворца спорта, его сотрудников и волонтеров. Это был пятый (из шести) этап Кубка мира по шорт-треку, проводимый при поддержке Международной федерации конькобежного спорта (ISU) и фирмы Самсунг. Причём по-английски название Кубка мира выглядит так – Samsung ISU World Cup, то есть Самсунг стоит на первом месте. Реклама Самсунга была везде, в мыслимых и немыслимых местах. Сначала это меня коробило, но потом я понял, что вырос в советские времена, когда всё было якобы бесплатным. Для организации соревнований и для тренировок спортсменов нужны деньги, и люди, занимающиеся спортом, в частности ISU, ищут и находят спонсоров, которые ради своей рекламы осуществляют финансовую поддержку.

В Кубке мира участвовало 180 атлетов из 27 стран. Под крышей «Айсберга» висели флаги всех стран участниц. Я обнаружил, что могу без проблем распознать от силы один-два десятка. На помощь мне пришёл Даниил, который знал практически все флаги. Оказалось, что многие неизвестные мне флаги принадлежат бывшим союзным республикам, но были и экзотические страны, например, Гонконг, который, несмотря на присоединение к Китаю, оставил за собой привилегию выступать отдельно от Китая на спортивных соревнованиях.

Большинство волонтеров были молоденькими девушками, они хотели по вечерам «тусоваться», как сейчас говорят, поэтому рано вставать им было очень трудно. Как-то так получилось, что наша команда большую часть времени проработала в утреннюю смену и только два раза в дневную. Наверное, потому что мы были в среднем старше, и шли девушкам навстречу.

С моим соседом Славой мы почти никогда не совпадали по сменам. Он приходил вечером, когда я уже был в постели, чтобы встать в половине пятого. Поэтому, к сожалению, много пообщаться не получилось, к тому же у него уже была своя компания, с которой он проводил своё свободное время. Мне приходилось спать с «затычками» в ушах, чтобы не слышать Славу, который смотрел телевизор каждый вечер, и особенно песни и вопли девушек по ночам.

Глава 7

Каждое утро мы, то есть две команды функции «спорт», садились в автобус, который забирал нас с остановки недалеко от нашего корпуса и столовой. Затем водитель очень быстро вёз нас по серпантину по парку санатория и потом по Хосте вниз на главную улицу Сочи, по которой мы уже ехали до Адлера и далее до будущего Олимпийского Парка. Когда мы впервые приехали туда, впечатление было самое мрачное. Кругом была нескончаемая строительная площадка, готовыми стояли только «Айсберг» и вдалеке от него «Шайба». Вся окрестность вокруг стройплощадки тоже была перерыта и представляла собой месиво грязи. Вдоль дороги тут и там были прокопаны глубокие канавы, наполненные водой. В общем зрелище было удручающее, тем более что вскоре после нашего приезда похолодало, и пошли проливные дожди. Трудно было представить себе, насколько всё преобразится ровно через год, но это произошло!

На объекте нам постепенно рассказали наши обязанности и задачи. Во время каждой смены дежурили по две команды, одна команда непосредственно у арены, а другая за её стенами. Те, кто находились за стенами арены, располагались по круглому коридору и должны были, во-первых, не допускать в зону спорта тех, у кого не было соответствующей аккредитации, во-вторых, не позволять представителям масс-медиа проходить туда, куда им не положено заходить, в-третьих, не позволять тренерам заходить в зону судей, в-четвёртых, следить за порядком в том месте, где спортсмены выходят со льда и встречаются с представителями масс-медиа; наконец, просто стоять на своём посту и наблюдать за порядком. В обязанности тех, кто находился на арене, входило: поправлять ограждающие арену огромные маты после падения спортсмена; не позволять класть что-либо на эти маты, чтобы предотвратить травмы спортсменов; следить за порядком; во время соревнований: не разрешать спортсменам подходить к тренерам и, самое сложное, быстро разносить отпечатанные протоколы соревнований от судей в самые разные места как на арене, так и коридоре и даже на других этажах.

Почти во всех случаях мы попросту дублировали или службы безопасности или штатных сотрудников стадиона. Сотрудников безопасности было очень много, были сотрудники из государственных органов и частных агентств. Во время соревнований маты поправляли уже только сотрудники стадиона, но разнос протоколов остался за волонтерами.

Наш тим-лидер Антон оказался идеальным лидером: он никогда никому ничего не навязывал, всех терпеливо выслушивал и всегда улыбался. Мы совместно решили, что у каждого из нас должна быть возможность поработать на каждом рабочем месте, как у арены,

так и в коридоре. Потом у всех нас появились любимые места в обеих зонах, причём они не пересекались между собой, и не было никаких ссор. Довольно быстро мы договорились с другой командой, что «поделим» «Айсберг» пополам, а не на зоны около катка и в коридоре, чтобы каждая команда в течение дня могла дежурить и на арене и в коридоре. Не помню уже, сколько времени мы проводили в каждой зоне за раз, наверное, два часа, а потом менялись друг с другом местами.

Меня попросили, как хорошо знающего английский язык, дежурить около травмопункта, на случай, если придётся оказывать помощь иностранному атлету (к счастью, несчастных случаев не было). Таким образом, когда я работал в коридоре, то стоял на аварийном выходе с арены, чтобы не пускать туда тех, кто хотел сократить свой путь; а рядом был тот самый травмопункт для спортсменов и туалет. Врачи запирали туалет на ключ, чтобы другие не могли им воспользоваться, и мне время от времени приходилось говорить по-английски спортсменам или их помощникам: «Сорри! Это только для врачей, а другой туалет есть в 20 шагах отсюда слева по коридору». Туалеты имелись, кстати, также в раздевалке каждой команды. Так что проблемой это ни для кого, кроме меня (так как было страшно неудобно не пускать человека по нужде, когда ему явно невтерпёж) не было.

Я старался всегда с улыбкой приветствовать всех, кто проходил мимо: атлетов, тренеров, массажистов (в спорте они называются физиотерапевтами), судей и всех остальных, словами «доброе утро, день, вечер» или просто «хай», что по-английски значит «привет». Адекватнее всех отвечали американцы и другие западные атлеты, а представители восточных стран как-то смущались. Оказалось, что большинство канадцев говорит по-французски, то есть шорт-трек у них развивается в основном во французской провинции Квебек. А китайки плохо знают английский язык, наверное, их там учат также как нас в СССР, чтобы они не могли общаться с иностранцами.

В зоне арены я выбрал для себя место, где спортсмены уходят со льда внутрь стадиона, и там нужно было не пускать их к личным тренерам, которые наблюдали за соревнованиями. Тут мне тоже не очень нравились какие-то «полицейские» мои функции. Нам объяснили, что мы должны делать это ради порядка на стадионе. Иностранцы же тренеры начали буквально изводить нас, специально нарушая это правило, они даже сами специально бегали в то место, где спортсмены непосредственно у льда оставляют свою одежду и накладку на коньки, чтобы пообщаться со спортсменами и заодно посмотреть, что мы будем делать. Мы же спокойно подходили к ним и говорили: «Вы нарушаете порядок соревнований, сядьте, пожалуйста, на своё место». Один из них в ответ на это сказал мне: «Передай привет своему другу Путину!», намекая, наверное, на то, что я на самом деле не волонтер, а сотрудник спецслужб. В последний день соревнований я подошёл к нему, мы по-дружески поговорили, он расспросил, откуда и что я, и сказал, что всё понимает, и у него нет никаких претензий ко мне лично.

Глава 8

Пора рассказать про шорт-трек и моё отношение к нему. До поездки в Сочи я относился к шорт-треку скорее никак. Я видел по телевизору как спортсмены бегают как белки в колесе по маленькому кругу хоккейной площадки, касаются льда, чтобы не упасть на поворотах, и не понимал, зачем нужен такой вид спорта, если есть нормальный конькобежный спорт на арене нормального размера. Но после того как посмотрел соревнования вживую, я понял, что это очень зрелищный, динамичный и азартный вид спорта, в котором атлеты должны уметь

не только быстро бегать, но и быстро думать. Особенно понравился мне шорт-трек, когда узнал от наших женщин из Саранска историю Виктора Ана.

Сейчас, наверное, уже все российские телезрители и болельщики знают её, но придётся повториться. Пятикратный абсолютный чемпион мира и трехкратный чемпион Олимпийских игр в Турине в 2006 г. атлет из Южной Кореи Ан Хён Су в 2011 году обратился с просьбой о предоставлении российского гражданства, и гражданство очень быстро было ему оформлено. Ан решил получить российское гражданство, чтобы участвовать в Зимней Олимпиаде 2014 г. в Сочи. На родине у него, во-первых, не сложились отношения с тренерами команды, а во-вторых, в 2008 г. он получил травму колена, не успел восстановиться и не участвовал в Олимпиаде в Ванкувере в 2010 г., так как у него не было никакой поддержки со стороны южнокорейской конькобежной ассоциации. Иными словами в Корею на нём поставили крест. А он решил доказать, что всё ещё чего-то стоит. Скорее всего, именно поэтому он решил взять себе имя Виктор, что в переводе с латыни означает победитель.

Вообще отношение к большому спорту у меня двойственное. С одной стороны не могут не восхищать люди, которые благодаря своему труду, упорству, силе духа достигают новых высот в спорте. С другой стороны, когда узнаёшь какой ценой это всё им даётся, что многие из них заканчивают карьеры фактически инвалидами, а другие, не сумев забыть звёздной молодости, не могут найти себя в другой жизни и спиваются... А ещё эти истории с применением допинга...

Итак, нас расставили по местам, научили, что делать и начались будни. На улице непрерывно шёл дождь, кроссовки, которые мы получили, промокали за то время, пока я проходил от КПП до «Айсберга», вставать приходилось очень рано, на работе, честно говоря, было не интересно. Да и что интересного может быть в том, чтобы не пускать людей в туалет или не давать проигравшей спортсменке порыдать на плече у своего тренера? Дня через три я начал думать: «А что я здесь делаю? Не лучше ли поехать домой к своей любимой жене, ведь я волонтер, доброволец, я никому ничего не должен?»

Потом, я до сих пор не знаю почему, произошло резкое изменение в моём настроении. Может быть, потому что погода наладилась, может быть, потому что втянулся в работу. Но скорее всего, потому что был окружён позитивно настроенными людьми, как волонтерами, так и руководителями стадиона. Я уже упоминал про постоянно улыбающегося Антона, а сейчас вспомнил про Баира и Витьку. Не знаю почему, они, несмотря на разницу в возрасте лет в десять-пятнадцать, быстро подружились. Баир дал Витьку прозвище Ковальски, по имени персонажа пингвина из какого-то американского мультфильма. И это прозвище к нему так приклеилось, что девушки думали, что это его настоящая фамилия.

Баир и Ковальски всегда ходили и работали парой и постоянно балагурили, то есть произносили вслух весёлые слова или шутили. На завтраке в 5 утра это неизменно повышало настроение всех присутствовавших, хотя приходили на сам завтрак они, как правило, поздно, так как по вечерам долго тусовались и поздно ложились спать. Не переставали они шутить и на обеде и на ужине, а также во время работы. На арене они попросились работать в зоне выхода спортсменов на лёд, чтобы, во-первых, выдвигать и задвигать мат, служащий как бы калиткой, и, во-вторых, ставить на место маты, выбитые спортсменами при падении. Как я упоминал, маты довольно тяжёлые, и двигать их сподручнее было, конечно, мужчинам.

На инструктаже нам запретили приставать к спортсменам с автографами и просьбами сфотографироваться, чтобы не отвлекать их от тренировок и соревнований. Это правило

нами, в общем, соблюдалось, зато в последний день соревнований Баир и Витёк, как сейчас выражаются «оторвались по полной», и, благодаря своей раскованности и непосредственности, сфотографировались почти со всеми атлетами и взяли у них автографы.

Другим важным фактором было отношение к нам руководства нашей функции «спорт». Марина Пылаева тоже всегда улыбалась, в течение дня она несколько раз обходила по кругу наши «посты», останавливалась, чтобы спросить, нет ли каких проблем или пожеланий. Нам была выделена комната отдыха, в которой мы могли попить чай, кофе или просто воду из кулера. Так как времени на отдых нам вообще не полагалось, то Антон на время заменял того члена команды, которому нужно было отлучиться в туалет или попить чаю. Почти сразу после начала работы стало ясно, что нам всем, даже женщинам, тяжело ждать обеда в два часа дня, после того, как завтрак был в пять утра. Та же проблема была и во вторую смену. Тогда, довольно быстро, дня через два, Марина смогла обеспечить нас всевозможными пирожками и печеньями.

На своих постах первое время мы только стояли, но так как многие стали жаловаться на усталость, то нам нашли стулья на каждый пост. Об этом тоже позаботилась Марина. Я пользовался стулом редко, предпочитал или ходить взад-вперёд или делать физические упражнения. У Марины было несколько сотрудниц, которые тоже часто проходили мимо нас, улыбались, спрашивали как дела, а во время соревнований ещё и приносили нам бутылки с питьевой водой. В общем, благодаря усилиям сотрудников Оргкомитета и самих волонтеров, атмосфера у нас постоянно была дружественная и весёлая.

Татьяна из Петербурга выбрала себе пост у служебного входа в «Айсберг», то есть того места, где, начиная с утра, входили атлеты, их тренеры, массажисты, сервисмены (те, кто обслуживает спортивный инвентарь) и другие члены команд, и неизменно радушно всех приветствовала. Оля из Саранска стояла у входа в Athlete's Lounge (место отдыха для атлетов), фактически что-то вроде бесплатного кафе. До начала соревнований она должна была никого туда не пускать и объяснять, что лаундж откроется за день до соревнований и что вход туда строго только для атлетов (аккредитации различались цветом, и атлетов было легко выделить). Так как Оля была самой красивой девушкой в нашей команде, а может и не только в нашей, то вокруг неё неизменно вились мужчины из всех служб Оргкомитета, сотрудники «Айсберга» и члены команд. А она приветствовала всех не по-английски, а по-русски «доброе утро» или по-украински «здоровеньки булы». Сказала мне, пусть привыкают к тому, что находятся в России.

Хорошо знали английский в нашей команде только Татьяна и я, у остальных уровень был или средний или гораздо ниже среднего. Татьяна, как очень деятельный человек и преподаватель, даже организовала занятия по языку в нашей команде, давала задания и потом проверяла, насколько «ученики» усвоили материал. Оргкомитет также пытался улучшить языковую подготовку волонтеров. В середине нашего пребывания каждый получил лист бумаги с наиболее употребительными фразами, нужными для нашей функции.

Глава 9

Как я уже говорил, со своим соседом по комнате Славой я пересекался мало. Но иногда мы всё-таки вместе пили чай на балконе у наших соседок. В дни, когда не было дождя, было довольно тепло, у меня даже есть фотография, где я сижу на балконе только в майке. Он и его подруги из Анапы жаловались, что им совершенно нечего делать на «Айсберге». Их привозили позже, чем нас, затем проводили тренировки, а потом предоставляли самим себе.

Ведь их будущая работа заключалась в том, чтобы обслуживать зрителей: приветствовать на входе, проверять билеты, показывать, как пройти в нужный сектор и, наконец, помогать найти своё место на трибунах. Во время тренировок зрителей не было, и волонтеры этой функции слонялись без дела. Некоторые из них, например, супруги из Анапы Татьяна и Александр добились того, чтобы им дали другую работу. Позже так же поступили и супруги из Геленджика Лариса и её Александр. Молодёжь же, как я понял, особенно не переживала, они просто общались, развлекались или, как сейчас говорят, «тусовались».

Могу предположить ещё одну причину, по которой молодёжи не было скучно. Они все приходили на работу со своими смартфонами или планшетными компьютерами. Одним из первых вопросов, заданных на первом тренинге был: «Скажите нам пароль для пользования Wi-Fi». Пароль им сообщили, и они потом могли часами сидеть наедине со своими гаджетами.

Зато до нас доносились слухи о том, как тяжело приходится волонтерам, которые работают в горном кластере на тестовых соревнованиях на лыжных конках. Они жили в другом санатории, но у многих наших волонтеров были там друзья, и они узнавали от них, что, во-первых, дорога только в одном направлении занимает у них два часа, а во-вторых, они без конца чистят снег. В то время когда у нас шли дожди, на Красной Поляне шёл сильный снег, и основной работой волонтеров оказалась именно уборка снега. И я подумал тогда: «Всё что Бог ни делает, делает к лучшему», ведь я мог бы оказаться на их месте.

Самой большой привилегией волонтеров функции «спорт» была, конечно, возможность наблюдать тренировки атлетов. Мы видели большой тренажёрный зал, но во время тренировок, естественно, туда не заходили. Зато многие атлеты бегали трусцой или с ускорением или задом наперёд по коридору мимо нас. Интересно было смотреть, как на одного из атлетов или атлеток надевали что-то вроде сбруи, затем он (она) пытался бежать, а второй атлет пытался удержать его на месте. А во время дежурств у арены мы наблюдали тренировки на коньках.

Довольно скоро я увидел различие в стиле тренировок разных команд на катке. Тренеры трёх наиболее сильных в шорт-треке восточных команд, китайцев, корейцев (речь идёт всегда о Южной Корее) и японцев что-то резко кричали, а спортсмены послушно, как автоматы, бегали по кругу, причём все вместе. Тренеры европейских и американских команд никогда не кричали, а спортсмены казались гораздо более расслабленными, чем азиатские атлеты, и почти всегда тренировались индивидуально.

Во время дежурств около льда я познакомился с двумя молодыми людьми, сотрудниками Оргкомитета, ответственными за состояние льда, матов, в общем, всего того, что находится на арене. Они много рассказывали мне о нюансах шорт-трека, а также о том, кто есть кто. От них я узнал, что многие тренеры в командах являются иностранцами. Например, австралийцев тренирует тренер из Кореи, голландцев – канадец. Именно с голландским канадцем или канадским голландцем у меня возникало больше всего проблем, он нарочно изводил меня, например, демонстративно клал «планшет» на мат и смотрел, что я буду делать.

Главным тренером российской команды тоже оказался иностранец, Себастьян Крос из Франции. Интересно было наблюдать, как работает Себастьян. Мне казалось, что он вообще ничего не делает. Он не кричал, не бегал по беговой дорожке. Он только улыбался и смотрел, как российские спортсмены делают на льду каждый то, что хочет.

Прожив до этого четыре года в деревне, я пропустил момент внедрения в жизнь планшетных компьютеров, или сокращённо «планшетов». А тут я увидел, что практически все тренеры приходят на каток с этими гаджетами, снимают видео на них, делают какие-то записи. В нашей команде «планшет» был только у Даниила, причём маленького размера и очень лёгкий, iPad-mini производства Apple. Я сначала расспросил его обо всех достоинствах этой модели, потом попросил взять ненадолго напрокат, попользовался им и захотел купить себе именно такой, тем более что мой старенький и тяжёлый, но прослуживший почти десять лет фотоаппарат Canon приказал долго жить именно во время этой поездки, и мне не удалось сделать столько фотографий, сколько я хотел бы.

Постепенно я узнал в лицо не только наших, российских тренеров, но и других членов команды – тренеров, физиотерапевтов (так на Западе называют массажистов, и это у них написано на карточке аккредитации), психолога. Психолог, полная женщина лет пятидесяти, по-матерински обнимала наших атлетов, говорила им ласковые слова и называла их всякими уменьшительными именами, в общем, создавала семейную атмосферу. У меня с ней тоже произошёл небольшой конфликт. Во время соревнований я не пускал её в зону, в которой должны были находиться только тренеры. Мы должны были смотреть на их аккредитации, а затем оргкомитет выдал им жёлтые нарукавные повязки, чтобы их можно было сразу отличить и не останавливать для разглядывания аккредитации. Наш психолог очень обиделась на меня, когда я не пускал её в эту зону, сказала, что я не патриот, что она просто необходима около льда, чтобы ободрять наших спортсменов. Пришлось «закрывать» глаза и пропускать.

Увидев, как рьяно я не пропускаю никого, кроме тренеров, один из русских тренеров подошёл ко мне и сказал: «Вот вы наших-то не пускаете, а тут стоит китайская спортсменка, я знаю, что она не тренер, хотя и надела жёлтую повязку. Она вас обманула». Я подошёл к молодой китайке, она в это время болела за свою мужскую команду, но я попросил её покинуть тренерскую зону. На самом деле любой спортсмен, не участвующий в данное время в соревнованиях или только что их закончивший, мог подняться на специально отведённую для них трибуну и болеть там. Но стоять у льда было, конечно, лучше. На следующий день, когда вручали медали, я узнал, что так безжалостно обошёлся не с кем-нибудь, а с неоднократной чемпионкой мира Ван Мэн, мне почему-то стало неловко и стыдно, хотя я только выполнял свою инструкцию.

Однажды, тоже во время соревнований, мне довелось подежурить в микс-зоне. Это место в коридоре, сразу после выхода атлетов с катка, в котором представителям масс-медиа разрешено брать интервью и делать фото- и видеосъёмки. Так как это были тестовые соревнования и всего лишь один из этапов Кубка мира, то корреспондентов было не так много. В моё дежурство их не было совсем, так как проходили квалификационные, а не финальные забеги. Поэтому я отважился и заговорил с единственным израильским атлетом, только что вышедшим со льда. Оказалось, что он прекрасно говорит по-русски, родом с Украины. Меня очень интересовало, где же в Израиле можно заниматься зимними видами спорта. Он ответил, что живёт в маленьком городке, 12 тысяч жителей, но у них есть крытый каток, и на нём-то он и занимается шорт-треком.

В нашей команде не случайно было несколько женщин из Саранска. Несколько лет назад Саранск был выбран центром развития российского шорт-трека. Лилия и Галина работают детскими тренерами по шорт-треку и поэтому попросили нас позволить им постоянно дежурить только у льда, потому что хотят видеть, как проходят тренировки у мировых

лидеров. Мы, конечно, пошли им навстречу, спросили только, уверены ли они, что не простудятся, так на арене было гораздо прохладнее, чем в коридоре. После дежурства на арене я обычно долго согревался в коридоре, несмотря на то, что был там в тёплой куртке. Лилия и Галина сказали, что абсолютно уверены, что не заболеют, потому что в Саранске они работают в таких же условиях, а также имеют опыт работы в «Айсберге». Оказывается, они уже участвовали в тестовых соревнованиях в конце декабря 2012 года, это был чемпионат России по фигурному катанию. Естественно, видели всех наших знаменитых фигуристов и их тренеров.

«Айсберг», в отличие от других олимпийских стадионов, является ареной для двух видов спорта: фигурного катания и шорт-трека. Интересно, что во время Олимпийских игр соревнования будут одновременно проходить по обоим видам. В первой половине дня будут состязаться атлеты шорт-трека, а во второй – фигуристы. И каждый день персонал стадиона должен будет менять ограждающие арену маты на хоккейные щиты. Менеджеры стадиона показывали мне специально разработанные места для хранения матов и щитов. Современные технологии позволяют намораживать разный лед – мягкий, «теплый» для фигуристов и жесткий, «холодный» для конькобежцев. Я видел как тренеры и сервисмены команд время от времени замеряли температуру льда.

Глава 10

Хотя в нашей команде мужчин была почти половина, в других командах преобладали девушки. Многие приехали целыми командами. Например, из Екатеринбурга приехало более двадцати девушек, и все были студентками физкультурного университета. Они были самыми весёлыми и шумными среди всех волонтеров. У них всегда наготове были всякие подвижные игры, они с готовностью танцевали под музыку и без музыки, учили остальных волонтеров играм и разным ритмичным движениям. Молодые люди с готовностью откликались на такие предложения. Поскольку я находился в женском окружении, то довольно быстро узнал, каких атлетов обожают девушки. Среди российских спортсменов больше всех нравился Семён Елистратов, а среди зарубежных – канадец Шарль Амлен. Девушки были счастливы просто оказаться рядом с ним на трибуне. Со своей, мужской стороны, могу сказать, что спортсменки из многих стран были очень симпатичными. По телевизору это не видно из-за того, что во время соревнований все надевают защитные шлемы.

Девушки веселились не только во время смены. Санаторий по ночам гудел, они пели, кричали, визжали. Я мог спать только благодаря берушам. Так как команда, которая работала с нами по очереди, состояла почти целиком из таких молоденьких девушек, то они каким-то образом упростили нас, чтобы мы чаще работали в первую смену, а они могли поспать. Когда начались соревнования, то мы всё время работали в первую смену и могли наблюдать только квалификационные забеги. Нам предложили, что если мы хотим смотреть финальные соревнования, то можем оставаться на вторую смену и сидеть на трибуне. Но большинство не пошло на это, так как в таком случае получалось, что мы приезжали бы «домой» очень поздно, а наутро надо снова вставать в пять утра. К тому же, наши атлеты, и мужчины и женщины, не очень нас радовали, мужчины завоевали серебряную и бронзовую медаль, а женщины – одну бронзовую. А хотелось увидеть победные выступления.

Но в последний день соревнований, который был одновременно и последним днём нашей работы, мы все, конечно, остались на финальные забеги. И были вознаграждены тем, что стали свидетелями того как наша мужская сборная завоевала золотые медали в эстафете на

5000 метров. Не очень понимаю, почему организаторы тестовых соревнований не сделали так, чтобы на соревнованиях были полные трибуны. Нам говорили члены Оргкомитета, что зрителей будет не очень много из соображений безопасности, но что будут приглашены все те, кто работает на олимпийских объектах и уже проверен, а также зрители из Сочи. В первые два дня, по рассказам другой смены, зрителей было очень мало, хотя режиссёры телевизионной трансляции умудрялись показать трибуны так, что создавалось впечатление, что они переполнены. На третий и последний день зрителей было всё-таки больше, что нас порадовало.

Как я уже упоминал, шорт-трек оказался очень зрелищным и интересным видом спорта. Эстафета, по моему мнению, оказалась самым азартным событием соревнований. Наша команда до четвёртого этапа была всего лишь третьей. Но на этом заключительном этапе тренеры поставили Виктора Ана, и он за два круга до финиша сделал рывок вперёд и финишировал первым. Трибуны ликовали, и я вместе с ними!

Во время забегов Даниил с помощью «планшета» и «Скайпа» показывал своему другу в Петербурге то, что происходит на катке. А потом решил, как я его понял, заставить себя стать частью болельщиков и начал кричать: «Россия, вперёд!» Он кричал так громко и неистово, что наши болельщики, даже те, кто сами громко кричали, начали недоумённо оборачиваться и смотреть на него. Когда мы возвращались домой, оказалось, что он сорвал голос.

После соревнований мы все, то есть четыре команды функции «спорт» собрались в нашей комнате отдыха, и Марина Пылаева поблагодарила всех за работу, нам вручили памятные грамоты, сувенирные набедренные сумки «Сочи-2014» и афишу Кубка мира с автографами российских спортсменов.

В начале лета Марина мне позвонила и предложила уже сейчас записаться к ней, снова на функцию «спорт» в тот же «Айсберг». Мы долго с ней разговаривали, я хвалил её за работу, за оптимизм, за заботу, но в заключение сказал, что хочу попробовать себя в другой роли, ассистента НОК. Мы договорились, что если у меня не получится стать ассистентом, то она меня с радостью возьмёт.

Поздно вечером того же дня наша команда собралась вместе, чтобы отпраздновать завершение соревнований и нашей работы. Баир и Витёк сбегали довольно далеко в магазин в Хосте и купили три бутылки вина, что было чисто символическим количеством на 13 человек. По предложению Антона каждый из нас по кругу говорил о том, почему приехал, чего ожидал, что получил от этого и так далее.

На эту заключительную встречу не пришёл Даниил. Он сказал мне, что не верит во все эти игры, «что мы теперь одна команда», что мы будем переписываться после этого и так далее. Он был таким же рефлексирующим интеллигентом, как я, правда, в его годы я ещё не был таким пессимистом. Во время вечеринки Баир ходил к нему, уговаривал, но он отказался прийти, сославшись на нездоровье.

Я был одним из последних выступающих и начал с того, признался в том, что приехав сюда, довольно быстро разочаровался в роли скорее полицейского, чем помощника команды, на которую я рассчитывал, когда записывался в волонтеры. На третий или четвёртый день я был даже готов уехать домой, потому что не мог понять, зачем мне это было нужно. Но в какой-то момент наступил перелом, и я почувствовал, что мне начинает нравиться пребывание в

«Айсберге». Трудно объяснить самому себе, почему это произошло. Может быть потому, что почувствовал себя частью большой команды, которая работает на одну большую задачу – проведение Олимпийских игр в Сочи. Может быть потому, что поддался общему приподнятому настроению, весёлой атмосфере. В общем, не знаю. Я также признался, что страдаю графоманством и собираюсь написать книгу под названием «Как я был волонтером». То, что я сейчас её пишу, отчасти связано с тем, что я стараюсь держать свои обещания.

Рано утром следующего дня я отправился домой снова на автобусе, на этот раз до Варениковской, с пересадкой в Новороссийске. Я ехал той же горной дорогой в дневное время и поэтому выбрал место с той стороны автобуса, которая смотрела на горы, а не на обрывы. Тем не менее, когда дорога делала крутой поворот, я всё равно мог видеть далеко внизу море, и оно было прекрасно!

Поздно вечером автобус прибыл в Варениковскую, меня, как обычно, встретил Виктор Павлович. Он стал расспрашивать о моих впечатлениях, и я, наверное, говорил слишком эмоционально (что мне обычно не свойственно), потому что к концу нашей пятнадцатиминутной поездки он сказал, что тоже хочет поехать волонтером в Сочи. Я стал говорить, что набор, наверное, давно уже закончен, да и насколько хорошо он знает английский и так далее. В общем, отговаривал, как настоящий рефлексирующий интеллигент, вечно ни в чём не уверенный и сомневающийся. Но Виктор Павлович сказал: «Кто хочет, тот всегда добьётся» и добился. Единственным серьёзным препятствием для него был тест по английскому языку, который я сделал за него, взяв с него слово, что он им потом всерьёз займётся. В итоге через год мы оба поехали волонтерами на XI Зимние Олимпийские игры в Сочи, но об этом – позже, во второй части.

Приложение. Марина Пылаева

Вернувшись домой, я нашёл в Интернете несколько статей о Марине. И узнал, что она очень сильный человек. В 1986 году, будучи мастером спорта в спринте, решила перейти из конькобежного спорта в абсолютно новый тогда для СССР шорт-трек. Поехала из родного Сыктывкара тренироваться в Ленинград, жила то у знакомых, то в общежитии. Денег не было. Инвентаря для шорт-трека, специальных коньков, тоже не было. Но Марина очень упорный человек. В 1991 г. становится серебряным призёром на чемпионате мира в Сиднее (Австралия), дважды абсолютной чемпионкой Кубка Европы (в 1989 и 1993 гг.), на Всемирных студенческих играх (1989 и 1991 гг.) и на Играх доброй воли (1996). Была многократной чемпионкой и призёром кубков, первенств и чемпионатов СССР, России, абсолютной чемпионкой Спартакиады народов СССР.

Её спортивная карьера пришлась на сложные времена в истории нашей страны. Достаточно сказать, что на Олимпийских играх в Калгари (1988) она была в составе сборной СССР, затем в Альбервилле (1992) выступала за сборную СНГ, а потом в Лиллехаммере (1994) и Нагано (1998) за сборную России. Когда она закончила выступать в шорт-треке, то столкнулась с полным забвением. Она никому была не нужна, несмотря на свои спортивные достижения и два высших образования (педагогическое и историческое).

Тогда Марина через своих друзей в Италии устроилась на работу в итальянском клубе по шорт-треку. Там поняла, что не хочет зависеть от работодателя, да и перспективы карьерного роста у неё нет. И тогда она занялась бизнесом. Экспортом пиломатериалов из родной Коми

в Италию, а затем Венгрию и Австрию. И тогда о ней вспомнили. Стали приглашать на различные мероприятия, чиновники вспомнили.

Сейчас Марина сменила сферу деятельности, занимается биологически активными добавками и косметикой. Живёт в Сыктывкаре, является президентом федерации конькобежного спорта своего региона. На вопрос журналиста: «Зачем вам эта гонка?», она ответила: «Но ведь жизнь не репетиция и не тренировка. Она дается лишь раз, и мне неинтересно тратить свою жизнь на дело, которое мне не нравится. Это самообман, и ничего хуже его нет».

Часть 2. Олимпийские игры

Год между тестовыми соревнованиями и Олимпийскими играми.

Давно замечено теми, кто жил задолго до нас, что с возрастом время течёт всё быстрее, и уже не струится плавно, как в детстве, а летит подобно птице. Год между тестовыми соревнованиями прошёл быстро, хотя за это время в моей жизни произошло довольно много событий.

В конце февраля – начале марта я съездил на родину, в Дубну, повидался с мамой, сестрой, племянницей и друзьями. 29 июля, когда я на велосипеде ехал за молоком, из одного двора за мной побежала большая собака. Вместо того чтобы остановиться и пригрозить ей, как потом советовали мне все соседи, я решил посоревноваться с ней в скорости и нажал на педали. Как оказалось, это её только раззадорило, она догнала меня и вцепилась в кроссовку. От такого торможения велосипед упал, я на него. Когда встал, то увидел, что большой палец левой руки неестественно вывернут. Пешком, ведя перед собой велосипед со свёрнутым рулём, я пришёл домой, где Таня обмыла сильные ссадины на обеих ногах и руках. На правой ступне были отчётливо видны следы укуса.

Наш сосед Александр Павлович отвёз меня в поликлинику. Травматолог быстро вправил вывих. Потом, регулярно посещая поликлинику, так как на всякий случай делал уколы против бешенства, я решил, что пора всё-таки разобраться с проблемой, которая меня давно беспокоила. В результате 3 октября в Краснодаре мне совершенно бесплатно сделали лапароскопическую операцию по поводу двусторонней паховой грыжи. Про этот эпизод своей жизни тоже напишу когда-нибудь подробный рассказ.

Теперь я был готов к поездке в Сочи не только морально, но и физически.

Тренинги

18 апреля я прошёл финальное интервью в Краснодаре, его проводила Анна Ключкова, которая приехала из Москвы. Она сразу сказала мне, что я подхожу на выбранную мною функцию и могу больше не беспокоиться о том, поеду ли я на Олимпийские игры или нет и в каком качестве.

По электронной почте я получил два письма с предложением Оргкомитета продолжить своё обучение через Интернет-порталы как общим вопросам проведения Игр в Сочи, так и английскому языку. Я добросовестно занимался на обоих порталах. В конце августа я получил письмо с анкетой, в которой нужно было указать, в какие сроки я могу приехать на Игры и выбрать три страны, с командами которых я предпочёл бы работать.

Потом пришлось ещё три раза ездить на обучение в Краснодар: в конце августа, в конце сентября и в конце ноября. Тренинги проводила та же Анна Ключкова, с помощью Валерии Асцатуровой. Первые два тренинга были двухдневными, и мне пришлось ночевать в Краснодаре. К счастью, КубГУ предоставил волонтерам недорогие места в своём общежитии, причём волонтеры приезжали буквально со всей страны.

На тренингах нам рассказывали о специфике нашей будущей работы, о том, что мы будем делать и как должны это делать. Нас предупреждали, чтобы мы были очень осторожны при общении с прессой, так как главная цель многих изданий – не информация, а скандал. Нам также неоднократно говорили, что мы должны быть готовы к тому, что все наши таланты

окажутся не востребованными, а мы будем делать самые простые вещи для той команды, в которую попадём.

Мы узнали, что у нас будет существенное отличие от волонтеров других функций. Фактически мы будем подчиняться только нашим шеф-де-миссьон, а не российским координаторам функции. Шеф-де-миссьон по-французски означает глава делегации. Несмотря на то, что подавляющее количество терминов на Играх английского происхождения, этот термин звучит по-французски как дань памяти Пьеру де Кубертену, который возродил Олимпийские игры в 1896 году. То есть все расписания работы, сама работа, выходные и так далее будут зависеть только от главы делегации страны, в которую мы попадём.

Честно говоря, можно было бы все тренинги сделать короче, двух- и трёхдневные уложить в один день. Но, как я теперь предполагаю, целью было отобрать самых выносливых и ответственных, тех, кто не бросит начатое на полпути.

В мае я помог Виктору Павловичу пройти собеседование по Скайпу. Мобильная связь в его доме совсем слабая, и поэтому мы, взяв с собой мой ноутбук и веб-камеру, отправились на машине к станции Варениковской. Не доезжая её, остановились на обочине недалеко от элеватора, на вершине которого расположена антенна МТС, и связались с Оргкомитетом. Нам повезло, заряда уже подсевшего аккумулятора ноутбука хватило в самый раз на интервью.

Виктор Павлович записался на функцию EVS, тоже ездил на тренинги в Краснодар, но в другой университет. Осенью он получил приглашение работать на Medal Plaza (Площадь наградений), но потом, узнав про другую возможность, перевёлся и стал водителем шестиместного гольф-кара. Возил зрителей по Олимпийскому парку.

В августе я узнал от него, что его племянница решила переехать из Санкт-Петербурга в Сочи и на первом этапе оформилась на работу в Оргкомитет Сочи-2014 в качестве временного сотрудника. Она владеет японским языком. Он спросил меня, не хочу ли и я устроиться на очень хорошую зарплату на срок с начала октября до конца марта? Деньги нам не помешали бы, и я обсудил этот вопрос с Таней. И хотя я понимал, что работа волонтером, особенно ассистентом НОК, была бы гораздо интереснее, я решил «наступить на горло своей песне» и послал своё резюме на Интернет портал Оргкомитета Сочи-2014. Вакансий было очень много, по многим специальностям.

По совету Виктора Павловича, я выбирал только руководящие позиции, но так как ответа не получал, то позже стал подавать и на заместителей. Ответов на свои предложения я так и не получил. Осенью стало окончательно ясно, что этот вариант не проходит, и мы с Таней расслабились, нам не очень-то хотелось расставаться на такое длительное время. Вместо этого я, пробыв в больнице Краснодара всего неделю, сделал операцию.

Осенью темпы подготовки заметно ускорились. Каждую неделю я получал электронные письма с информацией или указаниями. Например, нужно было до конца ноября сделать прививки от гриппа и от кори. От гриппа я сделал без проблем, а вот от кори мне предложили найти ещё 29 желающих, так как ампула рассчитана на 30 инъекций. Я сообщил об этом в Краснодар, добавив, что в детстве корью уже переболел, и эту прививку мне «простили».

31 октября я получил сообщение, что назначен на позицию ассистента НОК на Олимпийские игры. Это значило, что я уже точно еду в Сочи, но только на одни игры, на Паралимпийские мне ехать не предложили. На следующий день мне сообщили запланированные даты моего пребывания в Сочи: с 20 января по 27 февраля 2014 г. Пояснялось, что эти даты помимо периода моей работы, включают время на размещение, получение экипировки и аккредитации, и прохождение тренингов.

11 ноября я получил письмо от РЖД, в котором сообщалось, что волонтерам предоставляются 50% скидки от базовых тарифов на проезд в купе и СВ, действующие по всем направлениям в/из Сочи в период с 1 декабря 2013 года по 1 апреля 2014 года. На плацкартные места скидки не распространялись. Я воспользовался этой скидкой и купил билет в купе по цене плацкартного.

9 декабря мне предложили пройти добровольное тестирование на наркозависимость, сначала предлагали ехать в диспансеры Сочи, затем Краснодара. Так как я уже получил подтверждение своего участия в Играх, выслал копию водительского удостоверения, копию справки о вакцинации, купил билет на поезд Краснодар – Сочи и отправил его копию, я проигнорировал эти письма.

На августовском тренинге нам сказали, что в ноябре мы узнаем, к команде какой страны нас прикрепят. Лишь 25 декабря я узнал, что, скорее всего, буду работать с командой Швеции. Между прочим, Швеция в моём списке из трёх желаемых стран не значилась. До этого, 20 декабря, получил приглашение на получение аккредитации и униформы на 17 часов 20 января.

10 января мне пришло письмо об окончательном утверждении на должность ассистента НОК Швеции. В письме был список всех остальных волонтеров, которые будут работать со Швецией, всего 16 человек. 16 января я узнал, что буду проживать в волонтерской деревне №7, расположенной в горах, в поселке Эсто-Садок. В письме было также написано, как туда добраться. 19 января, за 10 минут до выезда, я получил окончательную информацию, о том, что прикреплен к Дополнительной горной деревне.

Путешествие

Так как зимой 2013 г. мне не очень понравилось ночное путешествие на автобусе из Анапы в Сочи, то на этот раз я решил ехать по более сложному и длительному, но более безопасному маршруту: Варениковская – Краснодар – Адлер. Купил заранее через Интернет билеты на поезд Краснодар – Адлер, который отправлялся в 21:30 и прибывал в 3:45 утра 20 января. Позднее выяснилось, что на автобусе я и не смог бы поехать, так как междугородние автобусы в Сочи были отменены, скорее всего, из соображений безопасности.

На автостанцию в Варениковской меня завёз сын Виктора Павловича Олег, он ехал от родителей к себе домой в Темрюк. Билетов на проходящий автобус Анапа-Краснодар не было, но, на моё счастье, оказалось, что по воскресеньям (а было именно воскресенье) ходит дополнительный автобус Варениковская-Крымск-Краснодар и билеты на него есть.

Железнодорожный вокзал в Краснодаре находится напротив автовокзала, я провёл на нём часа полтора и, услышав объявление о прибытии поезда Москва – Сухум, вышел на перрон. У меня был билет в вагон номер 9, и я с удивлением увидел, что все люди (а их было очень много) идут именно в этот вагон. Мне почему-то вспомнился рассказ Михаила Задорнова

«Девятый вагон». Вагон оказался практически пустым, я сел в своё купе, где был всё-таки уже один пассажир, затем пришли ещё двое. Несмотря на то, что я хотел хотя бы немного поспать, мы большую часть пути проговорили, как это часто бывает в российских поездах.

Двое были железнодорожниками, специалистами по электронному оборудованию железнодорожных сетей. Они уже давно ездят в Сочи, чтобы обслуживать новые поезда «Ласточка», работают вахтовым методом. Ездят из Тимашевска (Краснодарский край). Они сказали, что люди, которые полностью заполнили наш вагон и поезд, так же как они, работают вахтовым способом в Сочи на подготовке к Олимпиаде. Пассажир, ехавший, как оказалось не из Москвы, а их Ростова-на-Дону, оказался этническим греком, который едет навестить свою мать в Гудауты (Абхазия). Они там всей семьёй жили после Казахстана, куда, как я понимаю, были высланы как подозрительная нация во время войны. Он после развала Советского Союза эмигрировал в Грецию. После того как в Греции начались трудности, вернулся в Россию, теперь живёт в Ростове. Разговоры были интересные, но всё-таки часа в два мы уgomонились и уснули.

Железнодорожники сошли в Сочи, я в Адлере, а русский грек поехал дальше в свою родную Абхазию. Для того чтобы войти с перрона в вокзал, пришлось постоять в очереди для прохождения досмотра. Вокзал в Адлере был полностью перестроен специально к Олимпийским играм. Большой и удобный. Но указателей к автобусу В-13, на котором мне предстояло добираться дальше, нигде не было. Так как на тренингах нам показывали видеофильм о будущей униформе волонтёров, я, увидев девушку в такой одежде, радостно устремился к ней, в надежде, что она мне поможет. Она мне действительно помогла, проводила к нужному выходу и показала, где должна быть остановка. Когда я стал её благодарить, упомянув слово волонтёр, она сказала, что является сотрудником Оргкомитета, а не волонтёром.

Я вспомнил, что на тренингах нам говорили, что волонтёры фактически будут сотрудниками Организационного комитета Сочи-2014, и одежда у нас всех будет одна и та же. Если во время тестовых соревнований на наших куртках было написано «Volunteer» (волонтёр), то сейчас этой надписи нигде не было, а на карточке аккредитации было написано по-английски OCOG, что означало «Организационный комитет Олимпийских игр».

Из информации, которую я получил от Оргкомитета, я знал, что автобус В-13 начинает своё движение в 4 утра. Я быстро нашёл остановку, минут через пять подошёл автобус. Помимо меня в нём ехали только два человека. Один из них сидел около водителя и разговаривал с ним. У другого на груди была аккредитация, я снова подумал, что он тоже волонтёр и хотел с ним пообщаться, но он сухо сказал, что работает в Оргкомитете и явно не хотел общаться. Тогда я сел на сиденье за водителем и присоединился к разговору.

Оказалось, что второй собеседник был тоже водителем, и они вместе изучали маршрут, по которому ехали впервые. Из их разговора я узнал много интересного, например, что большинство водителей и соответственно их автобусов были из Подмосковья, что они совсем недавно начали стажироваться и изучать свои маршруты. Совсем скоро мы выехали на старую дорогу, ведущую в Красную Поляну, водители показали справа новую дорогу, которая в то время была закрыта в связи с недавно произошедшим в одном из туннелей ДТП с участием бензовоза и вспыхнувшего в результате этого большого пожара.

20 января. Первый день

Меньше чем через час мы доехали до Эсто-Садка. Я вышел из автобуса, вместе со мной вышел и другой пассажир. Я хотел было спросить его, куда мне идти, но он очень быстро ушёл. В информационном письме обещали, что на остановке будет схема прохода к волонтерской деревне и будут стоять волонтеры, чтобы показывать дорогу. Ни волонтеров, ни схемы не было. Было около пяти утра, темно, на улице лежал снег, и, конечно, ни одного прохожего. Немного похаживая взад-вперед, я увидел на одном из огромных зданий вывеску Marriott и вошёл в холл гостиницы. На главной стойке, несмотря на ранний час, было несколько девушек и молодой человек. На мой вопрос о волонтерской деревне они ответить не смогли, но предложили воспользоваться их телефоном, чтобы я мог позвонить своему координатору. На тренингах координаторы говорили, что можно звонить в любое время, и я воспользовался этим.

Я, конечно, разбудил её, связь почему-то была очень плохая, я мало что понял из объяснений, понял только, что деревня совсем близко. Я немного поговорил со служащими гостиницы, узнал, что её ещё не открыли, но все места к Олимпийским играм уже забронированы.

Выйдя из отеля, я перешёл улицу, вдоль этой стороны тянулся нескончаемый забор, я снова стал ходить взад-вперед, нашёл даже лазейку в заборе, но идти дальше неизвестно куда по снегу, с тяжёлым чемоданом, не хотелось. В это время на улице появились две девушки, тоже с чемоданами. Я понял, что они – мои коллеги-волонтеры. Они были русские, но одна из них приехала из Финляндии, а другая из Канады. Они тоже не могли понять, куда нам идти. Я достал листок с телефонами координаторов и предложил им позвонить. Первый телефон не ответил, скорее всего, координатор хотела спать и отключила его. Вторым телефоном ответил, связь снова была плохая, но девушки что-то поняли, и мы довольно быстро дошли до дома и подъезда, в котором располагалась ресепшн (место, где нас определили по квартирам, дали ключи и рассказали, где получить постельное бельё).

К сожалению, мы, русские, как-то слишком поспешно заимствуем иностранные слова, вместо того, чтобы использовать свои эквиваленты. Хотя, при всём моём желании, я не смог бы сейчас одним словом перевести этот термин. Ресепшн происходит от английского глагола принимать, и это очень точное определение таких комнат или стоек в холлах гостиниц. Так как Олимпийские игры в Сочи были по определению международными, и рабочими языками были русский и английский, то мы часто пользовались английскими терминами, потому что они были короче и точнее.

Моя квартира оказалась в соседнем подъезде, на четвёртом этаже. Во время тренингов нам рассказывали о том, в каких условиях мы, скорее всего, будем жить. Предполагалось три варианта: 1) однокомнатная квартира – четыре человека; 2) двухкомнатная квартира – семь человек; 3) трёхкомнатная квартира – десять человек. Обещали, что при расселении учтут возраст. Я мечтал об однокомнатной квартире, но войдя в дверь, понял, что попал в третий вариант. Заглянул по очереди во все комнаты, в двух из них спало по одному человеку. Тогда я занял кровать в третьей комнате в нелепой надежде, что я буду один, хотя в ней стояло три кровати.

Волонтерская деревня в Эсто-Садке

Волонтерская деревня располагалась в нескольких пятиэтажных домах, образующих собою стилизованную цифру восемь, как пишут на почтовых конвертах. Дома были специально построены к Олимпийским играм, и после их окончания жильё в них получают очередники. На

ресепшн я узнал, что в первом дворе сделают огромный шатёр, в котором будет развлекательно-информационный центр, а во втором – шатёр со столовой. Но придётся подождать несколько дней.

Прихожая в нашей квартире была большая, кухня тоже большая. А вот комнаты, по-моему, – не очень большие. Длина их была метра четыре, так как вдоль помещались только две кровати и тумбочка. А ширина – метра три. Моя комната оказалась самой маленькой, а две других почти одинаковые, хотя в одной из них стояло четыре кровати.

На кухне был стол, десять табуреток, десять чашек в американском стиле, одна большая тарелка и электрический чайник. Около мойки стояли: пластиковое ведро, швабра и таз, в котором была упаковка резиновых перчаток, половая тряпка, три рулона мусорных пакетов и электрическая сушилка для обуви. Была газовая труба, но газовой плиты не было. На тренингах нас об этом предупредили, сказали, что это в целях нашей же безопасности, чтобы мы не взорвались из-за чьего-нибудь разгильдяйства.

В ванной комнате была раковина, зеркало с полочкой, среднего размера ванна со шторками. Проблемой с ванной было то, что она не была закреплена, просто стояла на ножках, и первое время мы чуть не падали в момент выхода из неё на пол. Потом привыкли сохранять равновесие. Для туалета каждому из нас каждую неделю наряду с постельным бельём и двумя полотенцами выдавали по рулону туалетной бумаги, под конец на бачке унитаза стояли штабеля этой бумаги.

В каждой жилой комнате помимо кровати стояли прикроватные тумбочки с настольными лампами, в двух тумбочках были электрические удлинители, очень нам пригодившиеся, так как все подзаряжали свои телефоны и другие гаджеты. Во всех комнатах были сушилки для белья, а через семь-десять дней нам привезли металлические вешалки для нашей одежды. До этого гардеробом служили наши чемоданы.

Эсто-Садок

На ресепшн нам сказали, что пока не сделают нашу столовую, придётся ездить автобусом на завтраки и ужины в кафе, расположенное на железнодорожной станции Красная Поляна. Спать было уже поздно, я принял душ и отправился на поиски кафе.

До шоссе было пять минут ходу, на улице я помог сориентироваться волонтерам, которые, как и я пару часов назад, искали, куда им идти. Дежурный по остановке волонтер так и не появился, как впрочем, и впоследствии. Но позже такой сервис уже был и не нужен, так как нас, волонтеров, прибывало с каждым днём и часом всё больше, и каждый из нас с радостью объяснял, как пройти в волонтерский городок.

Сел в автобус на той же остановке, где сошёл, и за пять минут доехал до конечной, которая называлась по-русски ТПУ Красная Поляна, а по-английски хаб Красная Поляна. Аббревиатура ТПУ означает транспортно-пересадочный узел, конечно хаб гораздо короче и понятнее для владеющих английским языком. Таких ТПУ было несколько: уже упомянутая Красная Поляна, Роза Хутор, Эсто-Садок, аэропорт Адлер, вокзал Адлер, станция Олимпийский Парк, вокзал Сочи. На всех ТПУ были автобусные остановки и станция железной дороги (кроме Роза Хутора и аэропорта). На всех ТПУ горного кластера помимо этого были станции канатных дорог. Особенно много станций было в Роза Хуторе.

Автобусы разделялись по маршрутам и по категориям пассажиров, которые могли в них передвигаться. Волонтёры имели право бесплатного проезда на автобусах В, на автобусах ТМ должны были ездить представители масс-медиа (журналисты, фотографы, операторы). Автобусы WF (work force) предназначались для перевозки рабочих, которые до сих пор продолжали работать на всех объектах. Волонтёры тоже могли ездить на них. Водители при входе смотрели на аккредитацию и, в случае не соответствия категории, просили выйти и ехать на другом автобусе. Автобусы М перевозили бесплатно всех, включая зрителей к местам соревнований.

Я уже не бросался на людей в волонтёрской униформе, но один из немногих пассажиров, в униформе, сам стал со мной разговаривать. Он кипел от возмущения тем, что ничего не готово. Куда бы он ни пошёл или ни поехал, везде бардак и недоделки. По его словам, хотя он и волонтёр, но в его функции входит именно контроль готовности всех объектов к Играм. Он рассказал мне, что всё нас окружающее построено тремя главными спонсорами Игр: Газпром, Сбербанком и РЖД. После окончания Олимпийских игр многое будет распродаваться по рыночным ценам и таким образом эти компании рассчитывают вернуть вложенные деньги.

Благодаря встрече с ним, мне не пришлось ничего искать, он приехал несколько дней назад и знал уже, как говорится, все входы и выходы. Для того чтобы пройти в кафе, нужно было сначала сойти на конечной автобусной остановке на большой площади. Затем миновать пункт личного досмотра (мы для краткости именовали его КПП), так как кафе располагалось на территории за вокзалом Красная Поляна. Каждый раз, когда мы приезжали на завтрак или ужин, приходилось проходить личный досмотр и досмотр личных вещей, пройти сквозь первый этаж вокзала, потом большую пустую площадь, которая впоследствии стала конечной остановкой других автобусов, с литерой М для перевозки зрителей на спортивные объекты Роза Хутора. А в то время это была большая занесенная снегом, скользкая площадка.

Кафе располагалось на втором этаже большого здания с надписью Альпика, на фасаде которого была изображена газпромовская зажигалка. Мы неплохо, на мой взгляд, позавтракали, я узнал, что мой сопровождающий бывший полковник, а его жена работает в Газпромбанке и со своим начальством приедет только на сами Олимпийские игры.

После завтрака я снова сел в автобус на конечной остановке. Водитель, выезжая на шоссе, обернулся к нам, пассажирам, и спросил: «Кто знает, сейчас куда? Налево или направо?» Мы, как говорится, «выпали в осадок», но сказали, что ехать надо налево. Водитель, оправдываясь, пояснил, что он стажировался по Сочи семь дней, но вот в Красную Поляну попал впервые.

Я вернулся в свою квартиру, где познакомился с соседями, которые приехали раньше меня. В трёхместной комнате слева от моей расположился Роман. В прихожей стоял привезённый им с собой сноуборд, потом он положил его под кровать. Длина сноуборда точно соответствовала длине кровати. Рома приехал из Новой Зеландии. Его родители эмигрировали из России 18 лет назад, когда ему было 12 лет. Жили в ближайшем Подмосковье, в Мытищах, его брат до сих пор живёт там. Из дальнейших моих расспросов я узнал, что он живёт отдельно от родителей, в своём доме, на берегу Тихого океана. Родители живут в 40 минутах ходьбы от океана, отец последние пять лет ежедневно купается в океане и поэтому не пользуется мылом.

На мой вопрос, чем он занимается, Рома скромно ответил: «Я – банкир». Я опешил было, но потом быстро вспомнил, что на Западе банкирами называют всех служащих банков, и спросил: «А если точнее?» Он ответил, что занимается операциями юридических лиц. А сноуборд – это его хобби. Он рассчитывает покататься здесь на олимпийских трассах, пока Игры не начались. После Игр Рома собирался навестить брата. А на Играх будет ассистентом НОК своей Новой Зеландии.

В комнате на четверых расположился Младен, приехавший из Хорватии. Будет ассистентом НОК Словении. На мой вопрос, сколько ему лет, он ответил: «Я – старый». На мой взгляд, ему около сорока. Младен хорошо говорит по-английски и довольно хорошо по-русски. Постепенно я узнал, что он – капитан яхты, которая принадлежит, правда, не ему, а другому человеку. Совершает круизы по Средиземному морю, в основном с хозяином и его семьёй, в августе хозяин сдаёт яхту в аренду. Арендуют её и русские, благодаря этому Младен научился русскому языку. Он просил меня не говорить об этом нашим соседям, но теперь, я думаю, можно добавить, что среди его русских пассажиров часто бывают российские космонавты, не буду называть их фамилии.

Младен

Младен, наверное, был самым загадочным и интересным человеком из моих соседей. Он не очень хорошо говорил по-русски, но иногда проявлял такие познания в современном разговорном языке, что закрадывалась мысль, а не специально ли он подготовленный разведчик, который только притворяется, что плохо знает язык.

Он был, наверное, самым весёлым и общительным человеком не только в нашей квартире, но и во всём Горном кластере. Я замечал, как люди начинали улыбаться, только увидев его в столовой или в кабинке канатной дороги.

У него есть удивительное свойство. Казалось бы, ни с того, ни с сего он вдруг подходил ко мне и говорил о том, что в большой степени соответствовало тому, о чём я думал или размышлял в это время. Например: «А знаешь, у богатых людей точно такие же проблемы, как и у бедных. Даже хуже. Я знаю. Я много их видел». И всё. А я именно в это время думал о деньгах, как хорошо было бы разбогатеть.

Сергей Кёниг

Днём в мою комнату зашёл коренастый человек средних лет, спросил, можно ли будет поселиться вместе со мной. Я ответил: «Конечно». Мы познакомились. Он оказался моим тёзкой, тоже Сергеем. Будет работать с командой Германии. Приехал из Германии, в которую переселился со своей семьёй из Казахстана в 1999 году. Ему сорок один год, работает воспитателем людей с физическими и психическими проблемами. У него четверо детей: старшей дочери 17 лет, старшему сыну 12 лет, а почти пять лет назад у них появилась пара близнецов – мальчик и девочка. Жена нигде не работает, занимается детьми. В Казахстане она работала телефонисткой, и даже если бы она захотел работать, сейчас в Германии такой специальности нет, нужно приобретать новую профессию.

Сергей тоже очень весёлый человек, я бы поставил его, пусть он не обижается, на второе место после Младена в нашей квартире. Мне повезло, что они были в моей жизни: при моей склонности к пессимизму и унынию, они были мне просто необходимы.

По вечерам он затевал длительные разговоры. Я узнал довольно много о нём и его семье, его работе, его коллегах. Отец Сергея – казах, а мать – этническая немка. При рождении отец дал ему казахское имя Серик, но мать и он сам предпочитали имя Сергей. Сергей окончил Институт Физической Культуры в Омске.

В Германии при получении новых документов Сергей сменил свою фамилию Темирханов на Кёниг. Я знал, что слово «кёниг» по-немецки означает «король» и удивился его, пусть не обижается, наглости. Но Сергей не обиделся на вопрос и объяснил, что прежняя фамилия фактически значила то же самое. «Темир» значит «железо», а «хан» – «хан, монарх, повелитель». К тому же ни один немец не смог бы её как следует выговорить.

Позже я слышал, как Сергей представлялся: «Сергей Кёниг. Царь. Просто царь». Он цитировал Ивана Васильевича Бунжу из фильма Гайдая. В результате он получил в нашей квартире прозвище Царь.

Получение аккредитации и униформы

На тренингах нас предупреждали, что в рабочие дни завтраки и ужины у нас будут в месте проживания, а обеды – на объекте. В нерабочие дни обед нам не положен. Таня приготовила для меня кое-какую еду, которую я привёз с собой, и в первый день своего пребывания я пообедал дома, то есть в ставшей «своей» квартире. Согласно полученной мною заранее информации, 20 января я должен был с 17 до 19 часов получить олимпийскую аккредитацию и униформу. Аккредитация предназначена для идентификации и доступа на рабочее место во время Игр. Про униформу в электронном письме было написано: «Яркая униформа «Сочи 2014» призвана сделать Вашу работу комфортной и выделить Вас как часть команды Сочи 2014».

Я заранее вышел из дома, на автобусе доехал до станции Красная Поляна, снова прошёл личный досмотр, и в последнюю минуту сел в электропоезд под названием «Ласточка», следующий до Олимпийского Парка. Поезда до Парка до начала Игр ходили с интервалом один час, и во время Игр, по-моему, не чаще. Зато по другому маршруту, до Адлера и далее до Сочи во время Игр поезда ходили с интервалом 15 минут. В поезде я познакомился с двумя волонтерками, с которыми мы вместе потом искали здание, где нужно было получать аккредитации и униформу.

Уже в Эсто-Садке я повсюду видел большое количество спешно что-либо доделывающих рабочих. И это меня расстраивало, я думал про себя: «Ну почему у нас всегда так? Всегда не хватает времени. Неужели нельзя было начать работы на неделю или месяц раньше и не устраивать штурмовщину?» Когда мы приехали в Олимпийский парк, я ужаснулся: везде была грязь, а рабочих было ещё больше, чем в Эсто-Садке, они работали практически на каждом квадратном метре. Одни делали бетонную дорожку, ведущую в здание Формулы-1, в которое мы шли для получения униформы, и поэтому нам пришлось идти по вязкому глинистому газону. Другие выкладывали газоны рулонным дёрном, третьи сажали деревья. И так далее и тому подобное.

Девушки сказали, что их знакомые провели сегодня днём в очереди несколько часов, прежде чем получили униформу. И мы, естественно, были внутренне готовы к тому же. Но нам повезло. Довольно быстро мы получили свои аккредитации, и нам не пришлось, как многим стоять в очереди, чтобы заново сфотографироваться, так как высланные ими по электронной

почте фотографии не подошли. Затем также быстро мы отстояли свою очередь на получение униформы.

Мне очень понравилась организация этого мероприятия. Каждый получил листок со своим номером, по которому вызывали в примерочную кабинку. В следующем зале находились вешалки с одеждой и много кабинок. Около кабинок стояли девушки, которые решали, какой размер лучше тебе подходит. Я примерил брюки, толстовку, куртку. Девушка посоветовала примерить куртку другого размера и записала его в листок. Затем в другой комнате мы самостоятельно мерили обувь и перчатки и сами записывали размеры. Наконец, в последней комнате проходили к прилавкам, где на основании наших листочков нам выдавали упакованную одежду и обувь, а также большую сумку и рюкзак. Всё полученное с трудом поместилось в эту сумку, коробки от обуви не помещались, и их пришлось выбросить.

Всё, что мы получили, было изготовлено фирмой Bosco. Комплект одежды зависел от функции волонтера. Я, как ассистент НОК, получил расширенный комплект, то есть в нём были вещи для работы, как в прибрежном, так и в горном кластерах. В него входили три майки поло, толстовка, куртка с капюшоном, зимняя куртка с капюшоном, повседневные брюки, утепленные брюки, зимние перчатки, бейсболка, зимняя шапочка, кроссовки, зимние сапоги, сумка на пояс и рюкзак.

Хочу в этом месте отметить замечательную особенность униформы Сочи-2014. На тестовых соревнованиях год назад на нас была тоже яркая, красная или голубая, униформа от той же фирмы. И мы все выглядели одинаковыми. К Олимпийским играм Bosco придумали концепцию «лоскутного одеяла» с рисунком ткани на основе российских народных промыслов. И получилось так, как, наверное, задумывали дизайнеры одежды. На самом деле не было ни одной одинаковой вещи. Я получил три поло. На первый взгляд они казались совершенно одинаковыми, но потом я разглядел, что рукава у всех разного цвета. Сначала мы переживали, как будем находить свои куртки и рюкзаки, когда оставляли их где-нибудь вместе. Но постепенно мы научились отличать свои вещи от чужих по их индивидуальным цветовым особенностям.

У кого-то основной цвет куртки был жёлтый, у другого – голубой, у третьего – сиреневый. Очень хорошо, что волонтеры выглядели ярко и достаточно индивидуально. Этим мы выгодно отличались от зрителей. В один из первых дней около «Альпики» ко мне подошли мужчина и женщина, оба во всём чёрном. Я почему-то подумал, что они – сотрудники спецслужб, и внутренне напрягся, но оказалось, что это приехавшие заранее зрители, и они хотели расспросить меня о маршрутах канатных дорог. Потом, во время Олимпийских игр, особенно когда оказывался в Прибрежном кластере, я снова обращал внимание на то, что современная мода заставляет людей одеваться в очень мрачные тона. А одежда волонтеров придавала всем местам соревнований ощущение праздника.

К слову, сотрудники безопасности тоже были одеты в униформу Bosco очень хорошего, неброского, но и не мрачного, сиренево-фиолетового цвета.

Я знал, что электричка скоро отходит, поэтому под дождём и по лужам с тяжёлой сумкой в руках и рюкзаком на плечах побежал на вокзал и снова в последний момент вскочил в вагон. С момента получения аккредитации я имел право бесплатного проезда на поездах. Нужно было подойти к специальной стойке, где девушки, просто увидев висящую на груди карточку, выдавали билеты.

Приехав на станцию Красная Поляна, рядом с которой было наше кафе, я решил, что было бы глупо сначала отвозить вещи, а потом снова сюда приезжать на ужин, и поэтому пошёл снова по лужам в кафе. Там я хорошо поужинал в компании с девушками из Казани, имеющими опыт волонтерства на Универсиаде-2013. Как-то так получалось, что в первые дни, пока я не познакомился со своими соседями, я в основном общался с прекрасным полом. По официальным данным 80% волонтеров были женщины.

Поздно вечером в квартире появились Младен и мой новый сосед Сергей. Они пешком пришли с вокзала с сумками с униформой, так как не надеялись сесть на автобус, который в первые дни ходил с интервалом один час. Им не повезло, они простояли в очереди несколько часов. К тому же не получили аккредитаций, так как у обоих в фамилиях были нестандартные буквы: ö у Сергея и щ у Младена, а им заготовили аккредитации с буквами без умляутов. Так что им нужно было снова ехать за аккредитациями на следующий день. Назавтра они появились с аккредитациями. На фотографиях у обоих на лбах блестели одинаковые большие блики. Присланные ими заранее фотографии почему-то забраковали и сфотографировали их тут же, на месте.

21 января. Квест в Лауре

На вторник нам назначили экскурсию и тренинг на объекте в 13:30. Мы впервые отправились на своё будущее место работы. Нужно было проехать автобусом до станции Красная Поляна, пройти досмотр, дойти до Альпики, за ней повернуть налево, перейти по мосту реку Мзымта, повернуть налево и идти вдоль реки минут 15-20 до станции канатной дороги. Перед станцией снова нужно было пройти личный досмотр. Подъём в кабине продолжался минут двенадцать-пятнадцать. В общей сложности дорога занимала около часа, при условии, что вовремя сел на автобус. А автобусы до начала Игр ходили редко, наш В-13 – один раз в час.

Как поёт Высоцкий «лучше гор могут быть только горы», и я с ним полностью согласен. Лыжный комплекс Лаура расположен в очень красивом месте. После Эсто-Садка с его мокрым, тающим снегом, мы оказались в царстве чистого и глубокого снега. Было, как и в предыдущие дни, пасмурно, но, несмотря на это, виды очень впечатляли. Около станции «канатки» располагается здание под названием «Горный Приют», в нём мы должны были отмечать своё прибытие на смену или делать check-in. Ещё один пример вторжения английского языка в русский. Очень быстро все, даже те, кто был слаб в английском, стали говорить: «я сделал чекин», «я зачекинился», «а ты отчекинился?».

Дорога от станции идёт круто вниз к нашей Олимпийской деревне. У этой деревни, как и у других, было несколько названий. Официальное название на английском языке – Endurance Village, сокращённо EVL, перевести довольно трудно. Слово endurance означает 1) выносливость, 2) способность переносить боль, страдание и т. п., 3) стойкость. На русский язык всё это перевели как Дополнительная горная деревня. Было ещё одно, романтическое, название – Слобода или Sloboda. Мы в своих разговорах чаще всего говорили ИВЛ. А всё место или комплекс называли Лаура по названию лыжного стадиона.

Деревня в Прибрежном кластере так и называлась Coastal Village (CVL), то есть Прибрежная деревня или Усадьба (Usadba). Деревня в Роза Хуторе называлась Горная деревня, Mountain Village (MVL) или Деревня (Derevnya). Не знаю, как назывались волонтерские деревни в Прибрежной зоне, наша называлась «Морозко».

Экскурсии не было, нас сразу провели на тренинг в главное здание комплекса, в большую аудиторию. Мы снова слушали про технику безопасности и о безопасности на объекте. О безопасности говорила довольно молодая женщина, ответственная за наш объект. Она представилась как майор ФСБ в отставке. Никогда не думал, что бывают такие симпатичные майоры ФСБ! Она учила нас, в частности, тому, чтобы никогда не создавать паники и вместо слов «террорист», «труп», «взрыв» и так далее, использовать другие кодовые, но понятные слова. Я их почему-то забыл. Она также отметила, что наш объект самый охраняемый из всех, потому что рядом находится резиденция первых лиц государства, но мы дополнительной охраны, помимо тех, кто работает на КПП, не увидим. Не знаю, что имелось в виду, но мы впоследствии дополнительную охрану видели, и очень даже хорошо.

Нам пообещали, что по окончании мероприятия у нас будет обед в местной столовой, что меня очень порадовало. В заключение нам предложили разбиться на несколько команд и провести квест. Снова английское слово, означает поиск, вся молодёжь сразу поняла, о чём идёт речь, а я, так как в последние четыре года не смотрел телевидения, понял не сразу. Нам дали задание – найти бумажки определённого для каждой команды цвета, с написанными на них буквами. После того, как найдём все 10 или 12 бумажек, сможем составить из них какой-то девиз. И после этого пойдём, наконец, на обед. Тим-лидеры получили листки с номерами комнат, в которых были спрятаны бумажки.

Наше собрание проходило на самом нижнем, втором подземном этаже здания, за двадцать минут до конца с потолка начала сначала капать, а потом литься вода. К нашему удивлению, ведущие реагировали как-то вяло, нас не эвакуировали, и мы досидели до конца. В заключение замигал и погас свет.

Мы вышли в коридор, где свет, к счастью, был, и начался незабываемый квест. Во-первых, номера этажей в лифте не совпадали с номерами этажей, написанными на стене в коридоре. Во-вторых, у комнат часто было по два номера: присвоенный при строительстве и данный позже. На двери значился только строительный, а в бумажке был официальный. Мы бродили по коридорам, которые часто кончались надписью «хода нет», приходилось возвращаться назад, подниматься или спускаться на другой этаж, идти по нему к предполагаемому месту, а там оказывалось, что из этой части здания пройти в то место, из которого мы шли, просто невозможно.

По дороге нам то и дело преграждали дорогу группы рабочих, которые ликвидировали протечки воды в потолках коридоров. Я понял, почему ведущие тренинга были так спокойны, для них это было «дело житейское». Здание было огромное, мы побывали в нескольких ресторанах, кафе, пабах, в торговой зоне, на ресепшн, в зоне спа, видели межконфессиональный центр. Понятно, что целью квеста было ознакомление нас со зданием. Это и была экскурсия, но в увлекательной (как думали организаторы) форме.

Через час мы нашли меньше половины бумажек, но потеряли половину команды. Самые умные отставали по пути, устраивались, наверное, в уютные кресла и включали свои смартфоны, благо, что в здании был Wi-Fi. Я совершенно запутался и потерял ориентацию. В некоторых случаях легенда отправляла нас в другие, близлежащие здания. На улице было уже темно, и я никогда не вызывался сходить туда, так как боялся, что совсем потеряюсь и не найду главное здание.

Через два часа у нас была только половина бумажек и меньше половины команды. Время от времени мы встречали другие команды, у них дела были не лучше. Мы даже помогали друг

другу, сравнивали, кто, что и где нашёл, подсказывали куда идти. Но и это мало помогало. Я был голодный и поэтому злой, и начал говорить, что пора заканчивать, что игра есть игра, надо сдаваться и идти назад в аудиторию. В конце концов, ко мне прислушались, и мы вернулись. Также поступили и другие команды. Нам сказали лозунг, который мы не смогли найти, и разрешили идти в столовую. Обед по времени оказался уже поздним ужином, а в конце него снова что-то замкнуло, и мы доедали его в полумраке, при аварийном освещении.

Когда я вернулся вечером в наше жилище, мне позвонила Таня и попросила, чтобы я позвонил в Крымск диспетчеру электриков с просьбой восстановить электроснабжение в нашем селе.

В это время дома, в Новопокровском

Оказалось, что пока я «развлекался» на квесте, у нас дома прошёл ледяной дождь. То есть с неба лился дождь, который, достигая земли, превращался в лёд. Таня говорила мне, что травинки обросли льдом толщиной в карандаш, на деревьях и кустах лёд был толщиной сантиметра два. Деревья рядом с нашим участком стали гнуться под его тяжестью и ломаться. Упал и грецкий орех, растущий рядом с нашей террасой. К счастью, он упал параллельно дому и ничего не сломал. Но в 3 часа ночи электричество в нашей деревне отключилось. И всю ночь Таня слышала треск ломающихся и падающих в лесу деревьев.

Дождь прошёл 21 января. И потом в течение четырёх суток не могли восстановить электроснабжение. Мы отапливаем дом газовым котлом, оснащённым по последнему слову техники электроникой, которая поддерживает постоянную температуру и обеспечивает безопасность. К сожалению, в этом есть и большой минус. При отсутствии электричества котёл просто не включается, срабатывает блокировка. А соседи со старыми моделями котлов могли ими пользоваться, и у них было тепло.

Три дня Таня жила одна в постепенно остывающем доме. К счастью, на следующий день, 22 января на улице днём было +13 градусов, и весь лёд растаял. Следующие дни было около нуля. Наш деревянный дом очень хорошо себя зарекомендовал. На третий день, когда Таню забрали к себе Реваз и Лена (соседи, о которых тоже нужно писать отдельный рассказ), в нём было 13 градусов тепла. На четвёртый день, когда в доме было уже только 8 градусов, Реваз привёз к нашему дому свой запасной бензиновый генератор, запустил, подключил котёл к его розетке и уехал. Когда генератор проработал четыре часа, наконец, появилось электричество.

Но на следующий день оно снова пропало на несколько часов. И так повторялось каждый день на протяжении недели. На улице сильно похолодало, 30 и 31 января ночью было минус 15, а в первую неделю февраля по ночам было от минус 15 до 20 градусов. Конечно, несмотря на то, что теперь у нас стоял наготове генератор, Таня страшно нервничала. На мои постоянные звонки диспетчер электросетей объясняла мне, что порваны километры проводов не только с 220 вольт, но и линейные провода с 110 киловольт.

22 января. Авто-тренинг

На следующий день к 11 часам мы отправились в Олимпийский парк на авто-тренинг. На завтрак я не поехал, перекусил тем, что привёз из дома. Не хотел ездить туда-сюда, так как потом нужно было бы снова ехать на станцию, чтобы отправиться на авто-тренинг. Во время краснодарских тренингов нас предупреждали, что с вероятностью 85% волонтеры нашей

функции будут водить автомобили, чтобы обслуживать свои команды. В анкетах мы указывали свой водительский стаж и номер водительского удостоверения, и нас должна была проверить ГИБДД на безаварийность вождения. Летом нам обещали, что в декабре в Сочи пройдёт трёхдневный тренинг по вождению. Сказали также, что водить мы будем автомобили марки Туарег фирмы Фольксваген, официального спонсора Олимпийских игр в Сочи. Вернувшись домой с того тренинга, я нашёл в Интернете эту машину и её стоимость. Самая дешёвая модификация стоила 1,5 миллиона рублей. Это полноприводная машина с автоматической коробкой передач. У моего Логана – механическая коробка передач.

Осенью нам сказали, что с тренингом ничего не получается, так как фирма, которая подряжалась его провести, заломила несусветную сумму. Но предупредили, что мы должны будем приехать в Сочи раньше многих других волонтеров, чтобы всё-таки пройти авто-тренинг, который Оргкомитет организует своими силами. Нам обещали, что каждый наездит самостоятельно по 8 часов.

Погода снова была пасмурной, моросил дождь. Огромное количество волонтеров собралось на площадке около автобусных остановок Олимпийского парка. Мы ожидали, что подъедут автобусы и заберут нас в автопарк, как нам сказали. Вместо этого подъезжали микроавтобусы и легковые машины. В электропоезде я познакомился с двумя коллегами «серебряного возраста». Теперь у нас было время продолжить наше общение. Один из них, Раймонд Домбровски, был ассистентом НОК Австралии. Он – бизнесмен, живёт половину времени в США и половину – в родной Латвии, где купил себе хутор на трёх гектарах земли. Много лет назад он выступал на Олимпийских играх за команду США как лыжник, а теперь уже не первые Игры помогает команде Австралии, просто потому что они ему нравятся.

Второй – Игорь, лет около 70, ассистент НОК Люксембурга, представился тестем композитора Матвиенко. Я сказал, что знаю только одну Матвиенко. А он спросил, знаю ли я группу Любэ или Иванушки-интернешнл, так вот этот другой Матвиенко пишет музыку для них, и не только для них. Я рассказал о ледяном дожде, который случился вчера у меня дома, что пропало электричество. Игорь меня «ободрил», сказав, что такой же дождь произошёл в Москве два года назад, и даже у них на Рублёвке не было света целых три дня.

Когда подошла наша очередь, мы были почти последними. Нас подвезли на легковой машине, высадили и сказали, что теперь осталось пройти немного пешком, объяснили одному молодому человеку, куда идти, и мы пошли. Вскоре оказалось, что мы заблудились, пришлось идти назад и ждать, когда привезут очередных волонтеров и присоединиться к ним. Потом мы долго шли пешком по тротуарам, по обеим сторонам которых газоны были посыпаны каким-то неестественного зелёного цвета порошком. Мы начали ехидничать, что это их покрасили зелёной краской, чтобы издали, особенно с вертолёта Путина, казалось, что они покрыты травой.

Наконец, мы подошли к автобазе. Теперь стояли на площадке около неё. Ехидные разговоры про газоны продолжались до тех пор, пока я не услышал, как одна женщина сказала, что она работает ландшафтным дизайнером и знает, что это такое. Это смесь семян газонных трав с удобрениями, покрашена она для того, чтобы видно было, где и сколько посеяно. Благодаря специальным удобрениям трава быстро вырастет. Потом я видел, что она была права.

Нам объяснили, что перед тренингом положено пройти медосмотр, поэтому мы и стоим в очереди. Медосмотр состоял в том, что нам измеряли давление и писали на бумажке «к

рейсу допущен», дата и подпись врача. В одной очереди стояли и волонтеры и водители автобазы, поэтому двигались мы очень медленно.

Пока мы стояли, нас попросили разбиться по три человека, чтобы потом сразу разойтись по машинам. Младен, Рома и я решили тренироваться вместе. Видя, что времени у нас много, Рома сбегал в продуктовый магазин, купил на нас булочек и воды, и мы с аппетитом поели, фактически пообедали. Наконец, нам определили машину, мы сели в неё, но сидели так долго, что вышли и стали прогуливаться. Водитель сказал, что они разбиты на группы по пять машин, у них есть старший, и мы ждём, когда он даст команду ехать, причём ехать будем гуськом, группой. Ждали мы не меньше часа, старший ходил, разговаривал по мобильному телефону, осматривал машины и т.д. Потом мы узнали, что одной из его проблем было то, что водитель пятой машины, не отпросившись у него, уже давно уехал самостоятельно проводить тренинг.

В конце концов, мы тронулись. Нашей целью было изучить дорожное движение в Адлере, особенно вокруг Олимпийского парка, в Сочи и Красной Поляне; изучить места подъезда ко всем объектам и места стоянки у них; научиться безопасному вождению в горных условиях. И, наконец, учиться парковать машины в очень стеснённых условиях, нас предупредили, что на некоторых стоянках в Олимпийском парке разметка нанесена так тесно, что после парковки выйти из машины практически невозможно.

В этот первый день мы проехали сначала в аэропорт, железнодорожную станцию Адлер, затем в Сочи, там посмотрели вокзал, торговые и развлекательные центры. Всё это могло нам понадобиться при работе с нашими клиентами. Во время поездки мы разговаривали с водителем. Выяснилось, что он совсем не инструктор и даже не профессиональный водитель.

Он нанялся работать водителем на время Олимпийских игр, чтобы возить VIP клиентов. До этого он два года работал тоже водителем в компании Google (Гугл), которая проводила космическую съёмку всех улиц по нашей стране. объездил вдоль и поперёк несколько областей. Сейчас он проходил стажировку на машине марки Ауди, на которой и будет впоследствии работать, а за руль нашего Туарега сел впервые сегодня утром и знает далеко не все кнопки. А кнопок было много, гораздо больше, чем у моего автомобиля. Например, машина могла менять высоту дорожного просвета. При нажатии кнопки она или опускалась в положение «спорт», или поднималась в положение «комфорт», не помню, как называлось среднее положение. Был климат контроль и подогрев сидений и т.д. и т.п.

Время было уже далеко послеобеденное, начался дождь. Нас предупредили, что тренинг должен закончиться при наступлении сумерек, так как вождение в таких условиях небезопасно. Из Сочи поехали в Красную Поляну.

Ехали по новому шоссе, лил дождь. Наконец увидели дорожный указатель «Красная Поляна». Машина «старшего» свернула с шоссе, мы за ней. Проехав с полкилометра, наш старший развернулся, и мы поехали обратно, снова выехали на шоссе и снова свернули в Красную Поляну. Так повторилось ещё два раза. В конце концов, мы продолжили свой путь по шоссе. Вскоре увидели указатель «Эсто-Садок» и поняли, что мы на верном пути. Если бы мы были в Туареге старшего, то подсказывали бы ему дорогу. Немного не доезжая железнодорожной станции Красная Поляна, мы свернули налево и поехали по шоссе в нашу Дополнительную горную деревню.

Перепад высот между Эсто-Садком и Лаурой составляет около 1000 метров. Дорога идёт серпантинном круто вверх. Внизу шёл дождь, а здесь он сменился мокрым снегом. Позже кто-то назвал эту дорогу, извините за выражение «блевотной дорогой». У меня вестибулярный аппарат в этом отношении устойчив, но вот уши, как в самолёте при наборе высоты, закладывало всё время.

Прибыв на Лауру, мы искали место стоянки для автомобилей НОК и, наконец, нашли то место, где она должна будет быть. Стоянку делать ещё не начинали, а место было покрыто метровым слоем снега. Уже смеркалось, и стало ясно, что тренинг заканчивается, а мы так и не посидели за рулём.

23 января. Продолжение авто-тренинга

На следующий день мы снова отправились на автобазу. Так как дорогу мы уже знали, то от станции Олимпийский парк дошли до неё пешком. Но это мало что изменило, снова пришлось ждать в очереди на медосмотр, которая была ещё длиннее, чем вчера. Руководство автобазы попыталось ускорить прохождение медосмотра, и теперь давление нам не измеряли, спрашивали только: «Какое у вас было вчера?», записывали куда-то и выдавали нам бумажку о том, что к рейсу мы допущены.

Накануне нам говорили, что мы могли бы обменяться номерами телефонов со своими водителями и сегодня снова поехать с ними. У нас претензий к водителю не было, но с тем же самым старшим ехать совсем не хотелось, поэтому номера телефона мы не взяли. Рома сказал, что он поедет на другой машине, с девушками. Нам пришлось искать третьего, им оказалась русская девушка Лера из Ванкувера. Координатор вождения определил нас в машину, и мы поехали. На этот раз самостоятельно, без старших.

Первым делом отправились в Олимпийский парк, там проехали по всем стадионам, посмотрели места стоянок и парковок, и каждый совсем немного поводил. Я был за рулём всего минут пять, ездил по стоянке около «Айсберга» и понял, что мне для переучивания с «механики» на «автоматику» этого времени далеко не достаточно. Человек на «автоматике» должен забыть, что у него есть левая нога, и пользоваться только правой, управляя педалями и газа и тормоза. А я не мог так сразу забыть о левой ноге и тормозил ею, в результате получалось резкое торможение. И хотя мне, конечно, хотелось бы поводить дорожную и престижную машину, про себя я решил, что откажусь от вождения, чтобы не подвергать опасности жизни как своих клиентов, так свою. Позже Сергей сказал мне, что водил я хорошо, плавно, не в пример Лере, которая кружила по стоянке с такой скоростью, что нас кидало друг на друга, и наш инструктор просил, чтобы она ездила помедленнее.

В заключение мы съездили на комплекс трамплинов «Русские горки», расположенный практически напротив станции «Эсто-Садок», и тренинг пора было заканчивать, так как уже смеркалось. В этот день пообедать вообще не удалось. Это был третий день без обеда, и мне это очень не нравилось. Потом я узнал от одной девушки, что они вместе со своим водителем очень хорошо пообедали в Адлере в кафе с названием что-то вроде «Закусим» всего за 150 рублей. Я совсем не ожидал, что в Сочи могут быть такие низкие цены.

География Олимпийских игр

В этом месте, наверное, уместно немного рассказать о географии Олимпийских игр и особенно района Красной Поляны. Устроители Игр в Сочи разместили все объекты в двух

зонах: прибрежной и горной. В прибрежной зоне сосредоточились стадионы для видов спорта, которые проходят под крышей: хоккей, конькобежный спорт, фигурное катание, шорт-трек, кёрлинг. В горной зоне должны были проходить соревнования в тех видах спорта, которые просто невозможно впихнуть под крышу: все лыжные и санные виды спорта, трамплины, сноуборд, фристайл.

Прибрежная зона разместилась в Нижне-Имеретинской низменности, вблизи границы с Абхазией. А дорога на Красную Поляну идёт по долине горной реки Мзымта, которая впадает в Чёрное море немного севернее Олимпийского парка. Долина узкая, в некоторых местах скалы подходят друг к другу почти вплотную. Поэтому все дороги, и старая автомобильная, и новая автомобильная и железная дороги, частично проходят через туннели. Старая дорога проходит через посёлок Красная Поляна, новая дорога объезжает его, оставляя слева. Затем через несколько километров сначала станция, а потом село Эсто-Садок, затем железнодорожная станция Красная Поляна и, наконец, Роза Хутор.

Посёлок Красная Поляна не имеет ничего общего со станцией Красная Поляна, они расположены километрах в десяти друг от друга, между ними находится Эсто-Садок со своей железнодорожной станцией. Почему конечную станцию назвали Красная Поляна, а не Эсто-Садок, например, я не знаю. Может быть, потому что название красивее. Именно поэтому в первый день наш старший водитель и заблудился, когда разворачивался три раза. Он спутал посёлок со станцией.

Учусь быть патриотом

Перед Олимпийскими играми я читал в Интернете критику со стороны нашей оппозиции. Борис Немцов, родившийся, кстати, в Сочи, писал, что проведение зимних Олимпийских игр в субтропиках это безумная идея Путина. Он предрекал полный провал, утверждал, что снег в Красной Поляне растает, не дождавшись Олимпийских игр. Немцов не подумал о том, что горнолыжный курорт в Красной Поляне благополучно существовал задолго до заявки России на Олимпийские игры. Люди, занимающиеся горными видами спорта, знали в какие сроки нужно проводить соревнования.

После строительства туннелей начались крики, в том числе «экологов», что это резко изменило климат в Адлере, потому что через туннели стал проникать холодный горный воздух, путь которому раньше преграждали горы. Но если сравнить сечение долины реки Мзымта, которая всё равно разрезает на своём пути эти горы, и сечение туннелей, понимаешь, что туннели могли добавить лишь какие-то проценты, а кардинально ничего изменить не могли.

Наконец, меня очень смущало то, что я видел своими глазами в Сочи в первые несколько дней. Но и тут мои сомнения были довольно быстро развеяны, и не кем-нибудь, а иностранцем. Раймонд рассказывал мне о своём прошлогоднем опыте на тестовых соревнованиях. За неделю до соревнований казалось, что нужен ещё, по крайней мере, месяц, чтобы привести всё в порядок. Все волонтеры, с которыми он тогда общался, переживали, что же будет. Он говорил: «А я сказал им, что через неделю всё будет в полном порядке. У русских всегда так. Вот увидите. За два дня до соревнований всё равно казалось, что ничего не успеют. Но в день соревнований всё преобразилось, всё было на месте, и всё было хорошо». Разговор с Раймондом сильно меня успокоил.

Ещё одной проблемой для меня были бродячие собаки. Они были везде, кроме горных олимпийских деревень. Их было много, всех мыслимых и немыслимых помесей. Когда начались Игры, в Олимпийском парке я их больше не видел, но у нас в Эсто-Садке они остались. Их прикармливали сотрудники служб безопасности, почти на каждом посту лежала одна или две собаки. Псы были сытые и добрые, и я больше не волновался.

Мои соседи

После второго (и последнего) дня авто-тренинга я вернулся домой довольно рано, было время пообщаться со своими новыми соседями. К этому времени нас было уже восемь человек. Помимо меня, Младена, Ромы и Сергея, в понедельник приехали Дима Тюрин, ещё один, третий, Сергей и Алексей, днём позже приехал второй Алексей.

Дима и Сергей Татарников приехали из Москвы, поселились в комнату с Ромой. Обоим около тридцати лет, они давно знают друг друга по совместным занятиям лыжным спортом в детстве и юности. Сергей работает в Мосгоркомспорте, но не офисным чиновником, а всё время проводит на спортивных объектах. В Сочи он будет работать с командой России.

Дима окончил Институт инженеров гражданской авиации и работает вторым пилотом аэробуса А-320. Его, как и меня, прикрепили к той части шведской команды, которая будет проживать и соревноваться на Лауре. Приятно будет иметь совсем близкого коллегу в своей квартире.

Алексей Богданов тоже приехал из Москвы, тоже около тридцати, он занимается туризмом, работал в частной компании, сейчас работает сам на себя. Сам организует поездки, сам набирает группы, сам их сопровождает, является членом Российского географического общества. На мой вопрос: «А как ты умудряешься конкурировать с крупными московскими турфирмами?», он ответил: «Я даю личные гарантии, что всё будет сделано хорошо и в срок». Он, единственный из нас, приехал с ноутбуком, оснащённым модемом, работающим через мобильную связь, и все мы первые несколько дней просили его попользоваться ноутбуком, чтобы проверить свою электронную почту. Алексея прикрепили к команде Великобритании.

Алексей Измайлов приехал из Уфы, он студент третьего курса, будущий экономист. Его приписали к команде США. Я удивился: «Как же тебя отпустили из твоего университета?» Он сказал, что университет даже приветствовал его участие в Олимпийских играх. Алексей поселился вместе с Младеном и своим тезкой.

Честно говоря, я не помню, что делал в первый вечер, скорее всего, лёг спать пораньше, так как накануне совершенно не выспался. В следующие вечера мы собирались на кухне, пили чай с печеньем и конфетами. Все ребята были щедрыми, всевозможные сладости у нас на столе не переводились, так же как и разные виды зелёного и чёрного чая в пакетиках. Бывало и пиво, но более крепких напитков не было. Никто из моих соседей не курит.

Вечером все получили сообщение по электронной почте о том, что завтра в 11 часов в Горной олимпийской деревне (MVL) состоится собрание всех ассистентов НОК, проживающих в Деревне №7. Цитирую тему из письма: «немного о том, как вы будете переходить в руки Глав делегаций, предполётный инструктаж». В письме было предупреждение, что обед на завтра не запланирован.

24 января. Впервые в Горной олимпийской деревне

Утром 24 января мы с Димой получили сообщение от шведов, что они ждут всех своих волонтеров 28 января в Прибрежном кластере в 10 часов. Получалось, что кроме этого дня у нас впереди ещё три свободных дня, и нужно их чем-то занять. Мы решили, что будем ездить по всем кластерам и изучать объекты на них.

Поскольку нас вели за собой координаторы, я совсем забыл, как мы добирались до Олимпийской деревни в Роза Хуторе и как нашли нужное здание. На собрании сообщили, что скоро мы получим служебные мобильные телефоны с корпоративным счётом. Сказали, что звонить можно не только по делам, но и домой, и просили не злоупотреблять зарубежными звонками. После инструктажа предложили, чтобы волонтеры разобрались по своим командам в разных уголках зала. Мы с Димой, наконец, познакомились со своими коллегами, которые будут работать с нами в EVL и MVL. Помимо нас был всего один мужчина, лет шестидесяти, довольно угрюмого вида, на моё приветствие буркнул что-то по-английски. На его аккредитации я прочёл имя – Эрик.

Нашими ближайшими сотрудниками по EVL оказались две девушки – Юля и Лена. Лена закончила, по-моему, Нефтегазовый институт им. Губкина. Работает в Москве в кадровом агентстве в должности, как она сама её называет «хэд хантер» (от английского head hunter – охотник за головами). На самом деле её основная обязанность – сообщать отказы основному числу претендентов на ту или иную позицию. Юля окончила педагогический ВУЗ по специальности «английский язык», но не преподавала, как она сказала, ни часу. Работает в Рязани в фирме, занимающейся главным образом письменными переводами. Остальные четверо: Татьяна, Катя, Алеся и Эрик, будут работать в MVL.

Хотя обеда нам не обещали, но всё-таки покормили в столовой MVL. Я сел за стол рядом с Татьяной (ассистент НОК Швеции в MVL), Эдвардом и Младеном. Немного узнал о Татьяне. Она живёт в Сиэтле, штат Вашингтон, США. По образованию филолог. Познакомилась с будущим мужем в Москве, куда он приезжал в командировки. У них вспыхнул бурный роман, они летали друг к другу через океан, один раз даже разминулись в воздухе, пролетели мимо друг друга. Сейчас у них двое детей. Четыре года назад они всей семьёй ездили на один день в Ванкувер, где тогда проходили Зимние Олимпийские игры, и Татьяне так понравилось, что она решила поехать волонтером на следующие Игры в Сочи.

Эдвард приехал из Аризоны, США, он уже третьи Игры работает с командой Австралии, просто потому что они ему нравятся. Я узнал от него, что австралийцы первыми привлекли во все экстремальные горные виды спорта профессиональных акробатов и благодаря этому начали занимать высокие места на пьедесталах, затем про это узнали китайцы и сделали то же самое. Он рассказал также, что, в отличие от многих других команд, австралийский шеф-де-миссьон не бывший профессиональный спортсмен, а очень успешный бизнесмен. В период между Играми он живёт на Тасмании, занимается своим бизнесом. На Игры его, благодаря выдающимся организаторским способностям, приглашают вот уже много лет, денег за работу он не берёт, является, по сути, таким же волонтером, как мы.

Иностранные волонтеры

Во время краснодарских тренингов нам рассказывали, что помимо российских граждан, поступило очень много заявок от иностранных волонтеров, в том числе от людей с опытом участия в Олимпийских играх. Оргкомитет решил, что будет иметь дело с теми, кто знает русский язык. Мне было интересно, встречу ли я хоть одного иностранца. Теперь я видел,

что наша страна действительно открыта для всех, и для бывших соотечественников, и для иностранных граждан.

Не знаю, сколько иностранцев было среди волонтеров других функций, но у нас, ассистентов НОК, их было довольно много. Причём мало кто из них, если они не были бывшими соотечественниками, владел русским языком. Младен был счастливым исключением. Они, как и мы, прошли тренинги. Большая часть проходила их по Интернету, а Сергей, например, был в Германии на очных тренингах, так как их было человек сорок.

Снова Младен

После обеда, уже в своей квартире, я общался с Младеном. На этот раз он дал мне прочитать заметку на своём «планшете». Заметка была на английском языке и опубликована в 2014 году. Потом я нашёл похожую заметку на русском языке, опубликованную в 2010 году. Вот выдержки из неё: «Средняя продолжительность объятия три секунды. По мнению ученых, одно дополнительное объятие продолжительностью 20 секунд в день помогает человеку чувствовать себя более счастливым и расслабленным, а дети, ежедневно заключаемые в объятия, развиваются быстрее своих сверстников, не вступающих в физический контакт с родителями.

Женщины и мужчины обнимаются, потому что так они чувствуют себя не только любимыми, но и защищенными. Объятия успокаивают, утешают, дарят чувство близости, оказывают психологическую поддержку, создают ощущение тепла и заботы и, наконец, дают возможность почувствовать себя нужным кому-то. Исследователи доказали, что прикосновения даже малознакомых людей повышают иммунитет, стимулируют центральную нервную систему, снижают кровяное давление, то есть уменьшают риск сердечных заболеваний. Кроме того, повышается уровень окситоцина, который вызывает благожелательное расположение к другим людям, борется с депрессией и чувством одиночества».

Младен рассказал мне про сына-подростка своего хозяина. Родители считают, что, если ему 14 лет, то нянчиться с ним уже не нужно. А на самом деле сыну это очень нужно. На яхте по вечерам он приходит к Младену, и тот обнимает его, причём не 20 секунд, а гораздо дольше, бывает, что подросток засыпает у него на коленях.

Шатёр-столовую только привезли и начали монтировать, обещают, что сделают быстро. А сегодня вечером пришлось осваивать новый маршрут – ехать на ужин на автобусе WF-5 в противоположную «Альпике» сторону до конечной остановки под названием Площадка №6. Там мы несколько дней ужинали в столовой-шатре для рабочих, которые построили и продолжали строить новые дома в Эсто-Садке и Роза Хуторе.

Узнали, что все работающие в EVL уже могут получить телефоны в одной из квартир. Мы с Димой сходили и получили по телефону фирмы Самсунг. Расписались за получение в списке, в котором наши номера ассистентов НОК Швеции шли подряд. Я проверил, сколько рублей на счёте моего телефона. Оказалось 60 миллионов рублей. Это был «корпоративный счёт», т.е. счёт всего Оргкомитета. Первые несколько дней я проверял остаток в конце дня, получался расход около миллиона рублей в день. Столько тратили все сотрудники Оргкомитета, включая нас, «избранных» волонтеров. Потом Мегафон пополнил счёт до 90 миллионов, и я перестал проверять остаток.

25 января. Прогулка по Лауре и Роза Хутору

На следующий день я договорился с нашими женщинами, что мы вместе отправимся после завтрака на Лауру. Так мы и сделали. По дороге я по очереди знакомился и немного общался с каждой из них. Алеся очень удивилась, когда я спросил: «Не в честь ли героини белорусской песни об Алесе её назвали». Сказала, что это действительно так, отец очень любит эту песню, а я первый, кто об этом сам догадался. Она живёт в Москве, её специальность – регионовед, она специалист по Франции. В настоящее время ищет себя, думает стать спортивной журналисткой.

Катя старше Алеси и Юли, работает в одной из московских фирм экономистом, любит горные лыжи. Для неё волонтерство – способ отойти немного от скучной обыденности.

Нас было много, я был единственным мужчиной в компании, разговорился ещё с одной женщиной. Её зовут Лена, работает в Москве. Когда разговор коснулся волонтерства, она сказала, что раньше занималась постановкой любительских мюзиклов и ездила со своей труппой по Европе. Я спросил: «А Вы знаете Юру Орлова?» Она ответила: «Да, знаю. И его жену и ребёнка, и даже его маму». Мама Юры – наш с Таней друг, от неё я знал об этом увлечении Юры. В очередной раз я убедился, как тесен мир. Сейчас у Лены интернет-магазин под названием «Клёвости» (www.klevosti.ru). Позже выяснилось, что она просто присоединилась к нашей прогулке, а ни к Швеции, ни к одной из наших женщин отношения не имела.

Когда мы вышли из кабинки канатной дороги, то впервые увидели горы при ярком солнечном свете. Пасмурная, дождливая погода, наконец, закончилась. Было очень красиво, все тут же достали свои фотокамеры. Я попытался включить свой «планшет», но он не включался. Я похолодел. Не только потому, что испугался, что он вышел из строя. Во время последнего инструктажа нас предупредили: «Если на КПП вы не сможете включить свой телефон или другой гаджет, так как забыли его зарядить, то его у вас изымут в целях безопасности. Будете потом долго ходить, чтобы получить его обратно. Так что не забывайте заряжать свои приборы».

Было очень жаль, что я не могу фотографировать, но меня успокоила Татьяна. Она сказала, что всё дело в низкой температуре, как только iPad попадёт в тепло, он снова заработает. Было совсем не холодно, что-то около нуля. Но, по-видимому, корпус «планшета», сделанный из стекла и алюминия, очень быстро остыл, и вещь, разработанная в Калифорнии, работать в зимних условиях не хотела. К счастью, когда наша длительная прогулка закончилась, и я попал в главное здание, «планшет» через некоторое время включился. Я радостно сделал несколько снимков с террасы. После этого происшествия я в прохладную погоду клал его во внутренний карман куртки, и проблем больше не было.

Мы снимали друг друга около станции канатной дороги, потом пошли по направлению к биатлонному стадиону. Дорога сначала круто шла вниз, а затем также, если не более круто, пошла вверх. Когда мы добрались до поворота на стадион, все запыхались. Мы вышли на стадион и увидели, как рабочих, которые чистили трибуны, чуть не накрыла огромная шапка снега, сошедшая с крыши стадиона. Снега везде было очень много. Ведь то, что было дождём в Сочи и у нас в Эсто-Садке, здесь, на высоте 1500 м, превращалось в снег.

При обсуждении планов на послеобеденное время, оказалось, что они у нас очень разные, и я решил отправиться на очередную экскурсию один. Пообедав в «Альпике», я пешком

отправился в Роза Хутор, нашёл одну из многих канатных дорог «Заповедный лес», которую мне порекомендовали наши девушки, уже побывавшие там, и поднялся на ней до станции «Беседка» на высоте 1350 м. Внизу и вверху открывались виды, один красивее другого. Вместе со мной в гондоле ехали люди с лыжами, которые, как я понял по разговорам, являлись сотрудниками Оргкомитета и совмещали полезное с приятным. От этой станции можно было пешком пройти на другие станции. С одной из них я попытался подняться ещё выше, на высоту 2320 м, но оказалось, что моя аккредитация не даёт мне на это права. Тогда я пошёл на другую станцию «Волчья скала» и сел на кресельный подъёмник на четверых. Мои попутчики все были с лыжами на ногах.

Виды вокруг были замечательные, но поездка в открытом «экипаже» мне не понравилась, было очень холодно, дул не сильный, но какой-то пронизывающий ветер. Поэтому спустившись этой дорогой вниз, к Роза стадиону, и быстро посмотрев на то, как там идут подготовительные работы, я тут же пустился в обратный путь, застегнув все пуговицы и молнии.

Спускаясь обратно тем же путём в Роза Хутор, я с высоты видел узкую в этом месте долину Мзымты, полностью застроенную в последние годы фешенебельными отелями. Среди них были гостиницы, принадлежащие всем известным гостиничным сетям: Marriott, Radisson, Golden Tulip. Это говорило о том, что владельцы иностранных отелей верят не только в успех Олимпийских игр в Сочи, но и в будущее курорта.

Рассказ Младена

Вечером в мою комнату зашёл Младен и рассказал про свою поездку в Голландию, где он пил напиток айяуаска (ayahuasca). Этот напиток изготавливают для своих шаманов племена верхней Амазонки. Группа людей в Голландии устраивает несколько раз в году что-то вроде семинаров. Сначала участников готовят к приёму напитка, каждого опекает опытный человек. Затем наступает время приёма напитка. Младен рассказывал, что он находился в своей комнатке, и его весь день рвало, при этом он чувствовал, как из него выходит всё дурное, и этого дурного так много, что понадобились сутки для очищения. Рядом рвало соседей.

Зато потом начались такие явления, которые трудно описать словами, он почувствовал начало процесса своего духовного обновления и преображения. Ссылаясь на исследования учёных, Младен говорил, что в этом напитке содержится вещество, которое присутствует в мозге человека только при рождении и смерти. Честно говоря, не очень верю таким учёным. Кто мог исследовать мозг новорожденного, какие морально-этические проблемы при этом встают? Тем не менее, Младен хочет ещё раз съездить в то же место в Голландии в ближайшем будущем. Говорит, что стал добрее и мудрее благодаря айяуаске.

В ходе разговора Младен, капитан яхты, свободно оперировал латинскими названиями растений и названиями химических веществ. Меня это сильно удивляло, так как большая часть моих знакомых ненавидит и не знает химию со школьной скамьи. Я спросил: «Откуда у тебя такие познания в химии?» Он ответил: «Я же биолог».

Во время одного из общих разговоров на кухне я хвастался, что сам делаю настоящее домашнее вино. Младен вступил в разговор с очень профессиональными комментариями. На мой вопрос: «Откуда он всё знает», он ответил: «Я же винодел».

26 января. Экскурсия по Прибрежному кластеру

Следующий день начался с необычно раннего пробуждения, в 6 утра. Именно в это время в нашу комнату поселился третий человек, Женя Челомбитько из Харькова. Мы с Сергеем уже было надеялись, что все волонтеры приехали, и к нам никого подселить больше не будут. Но пришлось смириться с реальностью и пытаться продолжить свой сон.

Мы с Сергеем-Царём решили с утра поехать на экскурсию по Прибрежному кластеру, ведь до сих пор мы видели его или издалека, от пункта выдачи униформы, или из окна автомобиля во время авто-тренинга.

В Олимпийском парке мы обошли все стадионы, сфотографировались на их фоне, а также внутри них. Хотели войти в «Фишт», но оказалось, что нашей аккредитации недостаточно. Система отказывалась пропустить нас через турникет. Мы сказали сотрудникам: «У нас же на аккредитации написано – все олимпийские объекты». Они нам ответили: «А «Фишт» – не олимпийский объект. На нём не будут проходить соревнования. Только открытие и закрытие. Именно поэтому вы и не можете пройти». Нам, конечно, очень хотелось туда попасть, мы обошли его кругом, обнаружили ещё один вход, попытались пройти там, но так же безуспешно.

Во время своего путешествия мы увидели, что все стадионы готовы к соревнованиям, за исключением Ледяного куба, стадиона для кёрлинга. Там до сих пор не была готова арена, мы даже не стали там фотографироваться. Это было действительно путешествие, так как площадь Олимпийского парка довольно большая, и расстояния между стадионами тоже большие.

Вечером, когда мы на кухне рассказывали про свою прогулку и неудачу с «Фиштом», Младен сказал: «А я побывал на «Фиште»». На вопрос, как это ему удалось, он ответил: «После того, как меня, как и вас, не пустили, я пошёл вокруг здания, увидел дверь с надписью «Хода нет», около неё никого не было, я и прошёл в эту дверь». Уверен, что на такое способен только славянин, а не законопослушный западный человек! После этого он посмотрел репетицию включения фонтана с цветомузыкой около Олимпийского огня. Думаю, что Младен видел, по-крайней мере, в два раза больше интересного, чем мы.

Этим же вечером мы познакомились с Женей. Ему не больше 30, моего роста, худенький. Когда он получал униформу, ему не дали его размера XS, сказали, что такой одежды мало и её приберегают для девушек. Выдали на размер больше – S. Он окончил Харьковский Иняз по специальности «английский язык». Во время летних каникул однажды съездил в США по программе Work and Travel (Работай и путешествуй). В 2012 году был волонтером-водителем на чемпионате Европы по футболу Euro 2012, который проводился в городах Украины и Польши, в том числе его родном Харькове. Рассказывал, что когда сдавали автомобили после окончания чемпионата, оказалось, что три четверти из них поцарапаны. На Олимпийских играх будет работать с командой Австрии. На время Игр уволился с работы, он уверен, что в случае чего прокормится репетиторством.

Женя быстро влился в маленькую команду нашей комнаты и в большую команду квартиры. Не обижался, когда Сергей отпускал шуточки типа: «Что для хохла хорошо, то для свиньи — смерть». Просил у меня советов, какие книги стоит читать, а какие нет, чтобы зря не тратить времени.

Вечером, наконец, открыли столовую-шатёр, и мы впервые поужинали, не потратив на это много времени.

27 января. На Лауре

На следующий день у Сергея уже начиналась работа с его немцами, а я договорился с Димой и Сергеем Татарниковым, что мы снова поедem на Лауру, чтобы ещё лучше изучить её, ведь это будет нашим основным местом работы.

Ребята предложили мне пройти дорогу до станции канатной дороги пешком, вместо того, чтобы ждать автобуса, проходить КПП на станции, а потом всё равно идти пешком минут 15. Мы дошли по главной дороге до поворота на Лауру, перешли по мосту речку Ачипсе, приток Мзымты, и всего за полчаса быстрой ходьбы мы уже были около КПП Лауры. Впоследствии я часто ходил именно таким маршрутом. На Лауре мы провели весь день, гуляли, изучали главное здание.

Дима узнал, что в отделении почты России в главном здании продаются олимпийские открытки и конверты. Он купил десять штук, чтобы послать всем родным и друзьям. Он был очень возбуждён тем, что впервые в жизни пишет письма на бумаге и посылает их обычной почтой, и консультировался у меня, как писать адреса.

С большим удовольствием пообедав и поужинав там, мы, тоже пешком, вернулись домой.

28 января. Первое знакомство со шведами и работа в Прибрежке

28 января у нас, наконец, был первый рабочий день с нашими шведами. Утром мы встретились у одного из подъездов и отправились к автобусу. На остановке стояло очень много волонтеров с лыжами и сноубордами. Я не раз уже видел парней и девушек, которые оставляли у входа в столовую свои лыжи, а потом шли на автобус. Хотя я никогда не хотел заниматься горными видами спорта, мне всё равно было как-то завидно, что, как мне казалось, они совмещают полезное с приятным. Но мои коллеги объяснили мне, что это волонтеры функции «спорт», и лыжи им нужны на работе. Они расчищают снег по всей трассе, устанавливают барьеры, ездят по поручениям и т.п. Тогда я, наоборот, проникся уважением к людям, многие из которых привезли через всю страну свои лыжи (или сноуборд), и с большими неудобствами возят их каждый день на работу.

Алеся была тим-лидером обеих горных деревень, она заранее узнала, как дойти до нужного нам здания от железнодорожной станции Олимпийская деревня, и успешно довела нас до него. Контраст с Лаурой был разительный. Там лежал снег глубиной до двух метров, а здесь кругом были пальмы, и было, наверное, градусов на десять теплее.

Вообще озеленители в Сочи потрудились на славу. Вдоль всех тротуаров и дорожек в Олимпийском парке, прибрежной Олимпийской деревне, и у нас в Эсто-Садке были насажены тысячи хвойных деревьев: сосен, можжевельников, туй. В Прибрежной зоне к ним добавились пальмы и другие южные деревья. Я видел, как спешно укладывали газонный дерн, разматывая его из рулонов. Не знаю, где вырастили столько саженцев, но считаю, что эта работа была очень важной. Деревья, кусты и другая зелень создавали прекрасную атмосферу в Прибрежном кластере.

После довольно продолжительной прогулки мы нашли здание, в котором должна была разместиться шведская команда. Вначале мы познакомились друг с другом. Шеф-де-миссьон

Швеции, Питер Рейнбо, попросил нас кратко рассказать о себе. Я немного уже знал о женщинах-волонтерах из Горного кластера, а теперь узнал, что Эрик – швед, 40 лет назад эмигрировавший в Канаду, профессиональный фотограф. Познакомился и с теми, кто будет работать в Прибрежном кластере. Нас было 12 человек из 16. Оставшиеся четверо были прикреплены по двое к хоккейным и кёрлинговым командам.

К сожалению, поскольку мы потом практически не общались, я плохо запомнил, кто есть кто из прибрежной четвёрки. Дженни Хиппел, лет 40 – канадка, профессионально занималась плаванием, не первый раз работает со шведами. Трое остальных не старше 30. Дарья Антонова – приехала из Иркутска, единственная из нас, кроме, конечно, Эрика, говорит по-шведски. Виктория Глазкина учится в Вене, Австрия. Татьяна Орлова – тим-лидер всей нашей команды, по-моему, из Москвы.

Питер сказал, что очень рад, что мы согласились помогать его команде, и представил нам некоторых членов команды, тех, кто занимается организацией и обслуживанием мероприятий. Это были его заместители, врачи, администраторы, специалист по связям со СМИ, специалист по компьютерным технологиям и т.д.

Затем он сказал нам, что в ближайшие дни нашей основной задачей будет проверка «жилого фонда» команды. А также мы будем разгружать грузовики, которые привезут оборудование и одежду для атлетов известной шведской фирмы H&M. Сначала мы все вместе поработаем здесь, в Прибрежной деревне, затем в Дополнительной горной деревне и закончим в Горной деревне. Одновременно с этим будем встречать в аэропорту людей, которые обеспечивают техническую сторону соревнований. Атлетов будем встречать позже, они прилетят 2, 4 и 6 февраля.

Здание, в котором проходила встреча, было довольно большим по площади, пятиэтажным, и шведы делили его с норвежцами. Нашей работой было провести инвентаризацию всех комнат, то есть проверить наличие мебели, штор, лампочек и т.д. Нужно было проверить, открывают ли двери ключи, течёт ли вода в раковинах и душе, смывают ли унитазы, включаются ли лампочки и т.д. В некоторых комнатах наши «работодатели» решили менять мебель, и девушки мужественно таскали тяжёлые кресла из одной комнаты в другую.

Мужчинам, которых было всего трое, достались диваны и совершенно неподъёмный шкаф, который нужно было перенести аж из соседнего здания в наше. Когда мы спустили его на первый этаж того здания, я сказал: «Между прочим, я в октябре сделал операцию по поводу паховой грыжи». Дима ответил: «Я тоже недавно сделал эту операцию». Эрик промолвил: «У меня тоже грыжа, но я операцию не делал». И мы понесли шкаф дальше.

Было жарко и очень хотелось пить. Питер вручил Диме специальный пластиковый ключ в виде бутылочки к автомату фирмы Кока-Кола, стоящему на улице недалеко от нашего здания, и попросил принести как можно больше бутылок разных напитков для нас и шведов. Для того чтобы получить напитки, достаточно было приложить ключ к автомату. Среди прочих напитков был новый для меня Powerade. На этикетке были написаны красивые слова о том, что этот специальный напиток для спортсменов восстанавливает водно-солевой баланс и т.п. Мы пили, сколько хотели, и взяли домой по бутылочке. Ключ Диме оставили на всё время Игр, такие же автоматы были и в нашей олимпийской деревне.

В первый день Олимпийских игр в столовой Лауры появились стойки-холодильники с напитками Кока-Колы, в каждый приём пищи можно было брать по пол-литровой бутылке

Кока-Колы, Спрайта или Бонаквы. Хотя я понимал, что для здоровья лучше пить только негазированную обычную воду Бонакву, чаще всего брал Спрайт, а на втором месте у меня была Кока-Кола. Что поделаешь, слаб человек, хотелось сладенького.

Вечером я спросил Диму про его грыжу: «Ты же молодой и спортсмен. Другое дело я...» А он ответил: «Знали бы вы, какие тяжести мы с Серёгой таскали на тренировках». Оказалось, что у Сергея тоже прооперированная грыжа, но в отличие от нас с Димой, ему сделали традиционную, а не лапароскопическую операцию.

Кстати про здоровье. После операции, уже дома, у меня было три осложнения. В Интернете я прочитал, что каждое из них бывает в 1-2% случаев. В школе учили, что вероятности перемножаются, получалось, что вероятность всех трёх сразу была 10^{-6} , то есть одна на миллион прооперированных. Но они у меня были все вместе. Одно из осложнений, невралгия в пояснице, обострилась перед поездкой. Также беспокоила ноющая боль в суставе вывихнутого большого пальца руки (проклятый пёс!). Таня предсказывала мне, что в Сочи это должно у меня прекратиться, и оказалась права. На второй-третий день я осознал, что никаких болей у меня больше нет!

После совместного обеда в шатре-столовой Прибрежного кластера (на жаргоне волонтёров – Прибрежка) мы какое-то время продолжили свои дела в шведском доме, а потом они сказали нам, что пора вместе пойти на автомобильную стоянку, где мы найдём наши автомобили и затем сможем поехать на них с целью знакомства с городом. А в полночь мы на трёх Туарегах должны встретить в аэропорту техников (сервисменов), которые смазывают лыжи.

Когда я представлялся шведам, то сказал, что водить автомобиль не буду, чтобы не подвергать никого опасности. На стоянке стояли сотни одинаковых автомобилей, мы с трудом нашли свои. Эрик предложил мне сесть в одну с ним машину. В две другие сели оставшиеся шесть человек из нашего Горного кластера. Мы с Эриком совершили ознакомительную поездку сначала в аэропорт, потом поехали к нам в Красную Поляну, нашли там, недалеко от ТПУ Лаура, въезд на территорию Гранд Отель Поляна, где будут жить техники. Эрик сказал мне, что теперь всё понял, моя помощь ему не понадобится, он один их встретит и отвезёт сюда ночью. Я был рад такому предложению, и мы с ним расстались, припарковав машину около нашего дома (Эрик жил в соседнем подъезде).

29 января. Работа в нашей деревне

На следующее утро все восемь человек из двух горных деревень отправились на работу в нашу EVL. Мы с Эриком снова были только вдвоём в машине. При выезде с нашей улицы на главное шоссе, нам нужно было бы повернуть налево, но шоссе разделяла двойная сплошная линия, пришлось поворачивать направо и искать место, где дорожная разметка позволяла сделать такой манёвр. Мы проехали несколько переулков, но сплошная линия нигде не прерывалась. Эрик что-то бурчал себе под нос, а потом, поравнявшись с очередным переулком, резко взял влево и, переехав сплошную линию, поехал в обратном, нужном нам, направлении. Надо отметить, что в Эсто-Садке на каждом перекрёстке стояла машина ДПС. Я видел, что и в этом в переулке стояла полицейская машина. Я спросил Эрика: «Ты видел полицейскую машину?» Он ответил: «Конечно, видел, но я также видел, что в ней никого нет!» К сведению тех, кто не водит машину, пересечение сплошной линии карается лишением водительских прав. Через пару дней, когда мы поехали в сторону Сочи, оказалось, что до места разворота мы не доехали всего метров 100-200.

После кружения по горной дороге мы въехали на нашу автостоянку. Здесь Эрик стал парковаться и задел крылом стоявший рядом роскошный чёрный «Мерседес» с эмблемой Газпрома. Как назло он оказался не пустым, в нём сидел шофёр. Он выскочил, осмотрел машину, нашёл царапины и начал на нас орать и требовать возмещения ущерба. Я вежливо извинился, сказал, что Эрик – иностранец, что он нечаянно и так далее. Водитель потребовал две тысячи рублей, Эрик сказал, что у него таких денег нет, и он согласен ждать полицию, чтобы она оценила ущерб, который будет выплачен Газпрому через нашу страховку. Все машины Оргкомитета имели страховку КАСКО.

Я ещё долго успокаивал водителя, царапины, на самом деле, были очень мелкие и почти не видны. В итоге он сказал, что в этом месте полицию придётся ждать весь день, и поэтому он нас прощает. Я сел в наш автомобиль, чтобы сообщить об этом Эрику, а он протянул мне две тысячи, которые у него, оказывается, всё-таки были. Он позвонил Питеру, выяснил, что тот возместит ему эти деньги, и теперь готов был раскошелиться. К его радости я сказал, что его простили. После этого они долго жали друг другу руки и мы, наконец, пошли пешком через КПП и дальше к зданию, где нас давно уже ждала остальная часть команды, которая не могла понять, куда мы запропастились.

В EVL шведской команде дали одно трёхэтажное каменное здание в Apart-Hotel и два спаренных двухэтажных коттеджа из бруса. Работа была та же, что в Прибрежной зоне – инвентаризация помещений, проверка всего оборудования, а также обустройство зоны совместного отдыха на первом этаже. Шеф-де-миссьон Питер представил нам Томаса, своего заместителя и спортивного директора команды. Томас будет главным в этой горной деревне, его заместитель, администратор София, должна приехать на следующий день.

В Апарта-отеле на каждом этаже было по четыре номера, в каждом номере было по две комнаты. В них будут жить Томас, София, врач Линда, биатлонисты, а также те, кто будет обслуживать биатлонистов и лыжников – врачи, массажисты, сервисмены (те, кто готовит лыжи, мази, трассу). Один номер на третьем этаже будет занимать лыжник с Багамских островов (?). Команды лыжниц и лыжников и два массажиста будут жить в коттеджах, или, как их чаще называли постоянно работающие сотрудники Лауры – шале.

Пообедали мы в столовой для персонала, причём шведы обедали вместе с нами. До открытия столовой для олимпийцев они питались в нашей столовой. Я оказался за одним столом с Питером, и мы немного поговорили. Он расспросил меня, а я узнал, что он работает с олимпийской сборной с 2006 года. Организация спорта – его постоянная работа. На этих Олимпийских играх он впервые стал главой делегации. Питер мне понравился, он очень высокого роста, худощавый, приветливый, ровный в обращении со всеми.

После обеда мы осматривали коттеджи или шале. На мой вкус это было самое лучшее жильё во всех олимпийских деревнях. Они сделаны из очень толстого бруса, наверное, 30x30 см.

Работы было не так много, и уже в 4 часа мы с Эриком были на стоянке. Извилистую дорогу непрерывно чистили от снега машины, а люди на специальных машинах с «люльками» счищали снег с высоких бетонных стен, ограждающих лавиноопасные участки. Когда на обратном пути мы подъехали к перекрёстку с нашей улицей, на шоссе снова была двойная сплошная линия, но Эрику она была не помехой, и он всё равно свернул туда, куда ему было нужно. Мне он объяснил: «Всё равно никто не видел». Полицейской машины почему-то в этот раз не было.

Я приехал домой рано, в пять часов вечера. В квартире никого не было. Вскоре приехал Дима и тут же лёг спать. Он, как и другие мои соседи, хронически не выспался. Дело в том, что в первый же день Рома познакомился с девушками, тоже ассистентками НОК, одна из них была из Польши. И с тех пор они устраивали посиделки на кухне часов с десяти до двух ночи. Так как я уже побывал на тестовых соревнованиях, то запасся «берушами», что давало мне возможность спать, несмотря на взрывы смеха за стенкой. К счастью, с началом Олимпийских игр эти «бдения» прекратились, так как у многих из нас начались так называемые «ненормированные рабочие дни».

Поздно вечером раздался дверной звонок – появился десятый житель нашей квартиры. А мы-то уже рассчитывали, что так и останемся вдвоем... Ребята даже перетаскивали из «четвёрки» десятую кровать в кухню и превратили её в «диван» для гостей. Пришлось ставить её на место.

Десятого звали Никита, он студент второго курса МИРЭА (Московский институт радиоэлектроники и автоматики), живёт в ближайшем Подмосковье. В прошлом году был волонтером на Универсиаде в Казани. Никита не смог влиться в наш дружный коллектив. Произошло то, что Сергей-Царь называл синдромом «лишней курицы». Когда в курятнике появляется новая курица, то её чаще всего забивают до смерти «старожилки». Подобное, по его словам, происходит и с людьми, правда без жертв. Мы прожили вместе уже девять дней, и Никите трудно было вписаться, да он и не стремился к этому, так как у него уже была своя компания – знакомые по Казани, по вечерам он редко бывал дома, проводил время с друзьями.

30 января. Эрик

30 января мы с Эриком выехали в 9 утра, поднялись на Лауру только для того, чтобы вскоре снова спуститься вниз, чтобы забрать из «Гранд Отель Поляна» двух человек и отвезти их в аэропорт. Как объяснил мне Эрик, это водители, которые пригнали из Швеции грузовик с оборудованием команды, а теперь их отправили домой, они вернутся сюда после окончания Игр.

По дороге они разговаривали по-шведски, а я смотрел в окно – горная дорога никогда не наскучит. В аэропорте я вызвался проводить их к стойке регистрации, потом хотел задержаться, чтобы быть уверенным, что всё в порядке. И тут один из них на чистом русском языке говорит: «Не нужно, дальше мы сами...» Я спросил его, где он так хорошо научился русскому языку, а он ответил: «Да я русский, эмигрировал в Швецию 12 лет назад». Я понял, что благодаря его русскому языку они без проблем пересекли нашу огромную страну на своём грузовике. Но не понял, почему он сразу не сказал, что он русский, ведь моя помощь была совсем не нужна...

Мы отправились в обратный путь, ехали по Олимпийской дороге и разговаривали. Эрик расспрашивал меня о моей жизни, а я о его. Ему ровно 60 лет, снимает людей, занимающихся танцами, потом он послал мне SMS с адресом своего веб-сайта (<http://themediaweb.com>) с фотографиями танцоров. У него семь сестер, две от одного и того же отца. Отец бросил семью, когда Эрику было два года. В 20 лет Эрик покинул родную Швецию и эмигрировал в Канаду. Живёт в небольшом городке (пять тысяч жителей), недалеко от Ванкувера, в котором проживает его сын.

С олимпийской командой Швеции сотрудничает уже четвертую Олимпиаду, включая юношеские. От него я впервые услышал, что с 2010 года раз в четыре года проходят Юношеские Олимпийские игры (ЮОИ). В 2010 г. состоялись Первые летние ЮОИ в Сингапуре, а в 2012 г. в Инсбруке были Первые зимние ЮОИ. Он также побывал в Лондоне на «взрослых» XXX Летних Олимпийских играх. Я понял, что многие волонтеры заражаются этим на всю жизнь.

Шоссе Адлер – Красная Поляна двухполосное с прерывистой разделительной полосой между полосами. В один момент Эрик решил обогнать идущий впереди автобус, выехал на встречную полосу и довольно долго мы ехали по ней, а навстречу нам очень быстро приближался другой автобус. Наконец, когда я уже думал, что столкновение неминуемо, Эрик вернулся на свою полосу и спросил меня: «А разве движение на шоссе не одностороннее?» Я понял, что мы только что счастливо избежали аварии. Позже вечером я поделился этой историей со своими соседями, и кто-то из них сказал, что Эрик был по своему прав – в Канаде на двухполосном шоссе прерывистая линия идет на желтом фоне, а здесь он думал, что она просто разделяет две полосы, идущие в одном направлении.

Мы вернулись на Лауру перед обедом. Наши коллеги, пока нас не было, потихоньку носили привезённые накануне шведами вещи. После обеда в одном из кафе было открытие нашей деревни, выступил мэр деревни Максим Чудов, трёхкратный чемпион мира по биатлону, кто-то ещё из Оргкомитета, а потом народный ансамбль песни и пляски. Нам всё равно было нечего делать, так как София, появившаяся, наконец, невысокая полненькая женщина лет сорока, сообщила нам, что мы должны ждать грузовик с вещами и оборудованием шведов. Ей обещали, что грузовик прибудет к семи часам вечера. Мы прождали до половины девятого, София отпустила нас домой, а грузовик, как мы потом узнали, появился в девять часов, и его благополучно разгрузили молодые люди – волонтеры функции «транспорт».

Пока мы сидели в холле и ждали, из своего номера время от времени появлялся Томас, одетый в разную одежду от фирмы H&M. Накануне вечером разгрузили машину с чемоданами и сумками с комплектами одежды этой фирмы для всех атлетов. Каждому атлету полагалось, по крайней мере, четыре комплекта одежды, а может и больше, мне как мужчине, сложно это оценить. И вот Томас примерял у себя в комнате эту одежду и выходил покрасоваться перед Софией, а заодно и нами. Было забавно видеть, как не самый красивый пятидесятилетний мужчина тешится как ребёнок с одеждой. Надо отметить, что одежда была красивой, функциональной и использовала цвета национального флага Швеции – синий, белый и жёлтый.

Ещё одним развлечением оказалась комната врача Линды. У неё был двухкомнатный номер-офис на первом этаже. В первой проходной комнате были медицинская кушетка и большая раковина, именно в этой комнате находились до приезда спортсменов нашей деревни сложенные нами чемоданы с комплектами одежды от H&M. Линда сказала, что сегодня она хотела впервые закрыть дверь в эту комнату и не смогла. Приглядевшись, я увидел, что раковина находила на входную дверь, и ту просто невозможно было закрыть. Все по очереди заходили в комнату, многие сначала не понимали, в чём дело, а потом все смеялись. Скорее всего, одни рабочие сначала навесили дверь и оставили её в распахнутом положении, другие повесили раковину, а вот ответственный за все работы не увидел этого «ляпа». Нас попросили дать заявку на ремонт, и через день дверь уже открывалась, но при этом стучала по раковине.

31 января – Мой «звёздный» час

31 января утром мы снова с Эриком (он сказал мне: «Из нас получилась хорошая команда, не правда ли?») отправились сначала на Лауру, а потом, как накануне, получив задание, почти сразу спустились вниз. Поездка по серпантину вверх-вниз восторга у меня не вызывала.

Во время этой поездки Эрик сообщил мне, что на Олимпийские игры должен приехать король Швеции, он посещает все Зимние игры, потому что сам не только болельщик, но и хороший спортсмен-лыжник. Он участвует в традиционном ежегодном 90-километровом (!) лыжном марафоне, и со своей будущей женой познакомился на Мюнхенских Олимпийских играх 1972 года. Я знал, что в Швеции конституционная монархия, и власть у короля чисто номинальная, и поэтому спросил: «А чем вообще занимается королевская семья?» Эрик ответил, что король и семья много ездят по всему миру и занимаются благотворительностью.

Мы спустились и подъехали к гаражу, который находился перед входом на канатную дорогу Лауры. Эрик объяснил мне, что наше задание – обеспечить подключение к электросети автофургона шведов, стоящего на первом этаже этого гаража. В фургоне располагается мастерская для шлифовки лыж. Всё делается на специальных станках, а они не могут работать по причине отсутствия электричества.

Мы нашли шведскую машину, около неё нас уже ждал молодой человек по имени Матц. Он сказал, что он и Лоренц (мастер по шлифовке лыж находился в холодном фургоне у своих станков) уже почти договорились с местными работниками о помощи. При этом шведы не говорили по-русски, а наши ни по-шведски, ни по-английски. Выяснилось, что Оргкомитет определил место стоянки таких автомобилей-фургонов именно здесь, и обещал, что скоро сюда проложат силовой кабель с 380 вольт. Это скоро продолжалось уже три дня. Рядом стоял российский фургон, а дальше фургоны других стран.

Мы втроём, я, Эрик и Матц, пошли в находящийся здесь же автосервис, нашли начальника, и он, как ни странно, подтвердил, что готов помочь. При этом вопрос того, сколько это будет стоить, не обсуждался. Нам нашли электрика, мы вместе с ним нашли щиток совсем рядом с фургоном, он разобрался, что в нём есть 380 вольт, потом согласовал со своим начальством, что оно разрешает подключить к этому щитку шведов и сказал, что пойдёт и поищет подходящий по длине кабель и ... исчез. Мы ждали его минут 20, полчаса, он не появлялся. Я предположил, что настало обеденное, «святое» время, но и после часа дня он не появился.

Тогда Матц сказал, что ждать больше нечего, нужно самим ехать покупать кабель и специальные трёхфазные вилки-разъёмы. Я узнал, что ближайшие магазины находятся в посёлке Красная Поляна, и мы снова втроём отправились туда. Эрик в качестве водителя, Матц знал, что ему нужно, а я был переводчиком. В Красной Поляне нам пришлось побывать в трёх магазинах, прежде чем мы купили всё, что нам нужно, причём в первом был только кабель, во втором разъём, а в третьем ответный разъём.

Мы вернулись в гараж, снова нашли электрика, и он, наконец, подключил шведскую машину к электросети. К нам подошли сервисмены с российской машины и позавидовали нам. Получилось так, что шведская машина оказалась подключенной к электросети на два дня раньше всех остальных и даже российской. Это был мой «звёздный час»! Ничего более серьёзного я впоследствии, как мне кажется, не совершил...

Обрадованный Лоренц показал мне станки для шлифовки лыж, рассказал, что он умеет делать на лыжах разные рисунки, подобно узорам на протекторах автошин. Он также, наконец, мог включить кондиционер для обогрева фургона.

Было довольно прохладно, мы всё время находились на улице, и я почувствовал, что подмерзаю. Все двери автосервиса открывались только с помощью пластиковых карточек, так что погреться где-нибудь в офисе я не мог. Я попытался постоять у авто-слесарей, но они сказали, что находиться у них строго запрещено, они и так уже всё нарушили, когда помогали нам и разрешали находиться у них. Пришлось снова идти на улицу.

Когда всё благополучно закончилось, часа в два мы с Эриком поехали в Горную деревню или «Слободу» или MVL или Роза-Хутор. Когда подъехали к проходной, то оказались в таком густом тумане, что показалось, что уже наступил вечер. Потом я понял, что это был не туман, а на гору, на которой находилась деревня, село облако. От проходной мы буквально «на ощупь» доехали до ближайшего дома, и Эрик решил оставить машину здесь, и дальше мы отправились пешком. Нашли столовую, неплохо пообедали в ней. Во время обеда Эрик начал кашлять, причём не прикрывал лицо ни платком, ни руками. Он сказал мне, что ему нравится работать со мной, что мы с ним вместе замечательная команда, и он попросил Питера разрешения, чтобы я поменялся местами с кем-нибудь из волонтеров, работающих в EVL.

Я задумался. Честно говоря, мне очень понравилось на Лауре. Я и сейчас считаю, что деревня Слобода была самой лучшей деревней из всех трёх олимпийских деревень. Я сказал Эрику, что сначала нужно найти желающего поменяться, а потом продолжать этот разговор.

После обеда мы нашли норвежско-шведский дом и стали помогать остальной команде. Мы снова ждали машину с грузом оборудования и тех же чемоданов с одеждой H&M. Во время обеда Эрик шутил: «Появился новый олимпийский вид спорта – вэйтинг (waiting)». В переводе с английского – ожидание. Ещё до приезда машины выяснилось, что лифт сломался и, хотя его пытаются починить, нам придётся таскать довольно тяжёлые чемоданы на четвёртый и пятый этажи пешком по лестнице. Получилось так, что машина появилась тогда, когда мы, волонтеры, пошли на ужин, и наши шведы, не дожидаясь нас, перетаскали наверх большую часть чемоданов.

Я спросил у Юли: «Как ты думаешь, кто-нибудь из команды MVL мог бы поменяться со мной местами?» Она ответила, что Алесе с радостью поменялась бы со мной, ей нравится EVL, и к тому же они успели подружиться с Юлей. Я снова задумался. Путь к отступлению, казалось бы, не было. Если я соглашусь, то сделаю приятное двум человекам, Эрику и Алесе, если не соглашусь, то хорошо будет только мне. И я согласился, хотя мне очень не хотелось меняться. Мне нравилась Лаура, и мои новые коллеги-волонтеры меня вполне устраивали. На обратном пути домой мы с Эриком заехали в аптеку, и он купил себе таблетки от кашля.

1 февраля. Генеральная репетиция Церемонии Открытия Игр

1 февраля мы должны были уже работать врозь, каждая команда в своей деревне. Вчетвером отправились на работу на машине, которую вёл Дима. Утром, когда мы только собирались идти на завтрак, он сообщил мне, что я сегодня еду на Генеральную репетицию открытия Игр, он только что получил электронное письмо об этом на свой смартфон. Я попросил прочитать это письмо и убедился, что всё правильно. До этого на тренинге в Лауре нам сказали, что билетов на генеральную репетицию открытия будет мало, и чтобы мы приняли

это спокойно. Дело в том, что ранее на тренингах (в моем случае – в Краснодаре) нам обещали, что мы все (функция ассистентов НОК) побываем на репетиции.

Вот выдержки из этого письма (я его тоже получил утром на работе в EVL, где везде был Wi-Fi):

«Для нашей функции выделили всего 28 билетов, и мы передали их ассистентам сервисных центров и ассистентам операционных команд. Сегодня нам удалось выпросить еще около 100 билетов (на 800 ассистентов). Чтобы никого не обидеть, наша Команда приняла решение сделать подарок коллегам:

- дни рождения которых пришлись на олимпийский период (операционной деятельности Программы): с 15 января по 28 февраля 2014 года;
- мы хотим сделать приятный подарок для наших «серебряных» волонтеров.

Очень просим Вас одеться тепло и взять «сидушки»: в зависимости от погоды на трибунах может быть холодно. Также, обратите внимание, что вы участвуете в репетиции как зрители в свое свободное время. Униформу одевать не следует – это будет нарушением раздела «Униформа» политики PO.WKF.014.

И теперь самое важное!

Всем участникам генеральных репетиций церемоний выпала уникальная возможность прикоснуться к главной тайне Игр – согласно традициям Олимпийского движения, все подробности церемоний открытия и закрытия Игр держатся в строгом секрете, чтобы сохранить интригу для гостей Игр и миллиардов телезрителей по всему миру.

Напоминаем, что раскрытие информации о церемониях третьим лицам, а также осуществление фото-, видео- и аудиозаписи во время генеральных репетиций церемонии открытия Олимпийских игр строго ЗАПРЕЩЕНО.

Давайте поддержим многолетнюю Олимпийскую практику и не будем портить сюрприз всем тем, кто станет свидетелями грандиозного шоу на стадионе «Фишт» 7 февраля 2014 года!

В ближайшее время мы сообщим об участии в репетиции церемонии открытия Олимпийских игр 4 февраля 2014г.»

Эрик, как и я «серебряный волонтер», тоже был в списке. Больше никого из моих коллег или живущих со мной в одной квартире не было. Я понимал, что мне очень повезло! До обеда я работал в EVL, выполнял всякие мелкие поручения. С этого дня наша работа состояла именно в выполнении таких поручений, которые нам давала София. Чаще всего нужно было что-нибудь требовать от Оргкомитета, например, в тот день удлинители для телевизоров. Оргкомитет поставил в холле два больших телевизора, но шведы поставили их по своему, в те места, где рядом не было розеток.

Поначалу мы звонили и давали заявки, а потом, чтобы это было более лично, ходили в главное здание и давали заявку в сервисном центре. Девушки из сервисного центра звонили тем людям, которые работали на Лауре, и те потом делали то, о чём их просили. В первые дни на просьбы откликались очень медленно, и мы постепенно поняли, что лучше всего самому сходить к конкретным людям, от которых это зависит, поговорить с ними лично, и тогда всё будет быстро сделано, особенно если подарить маленький шведский олимпийский значок.

В этот день одной из задач было развесить шведские флаги на балконах всех комнат. Я присоединился к Юле и Лене, и мы вместе занимались этим увлекательным делом.

Днём мне позвонила Алеся и сказала, что она разговаривала с Питером об обмене, и он категорически против. Он сказал, что Эрик, который не знает русского языка, для них здесь практически бесполезен, и пусть всё остаётся, как было. Для меня это было огромным облегчением! Алеся добавила, что Эрик сегодня не вышел на работу, заболел.

На первой встрече со шведами нам сказали, чтобы мы ни в коем случае не приходили на работу, если почувствовали, что простудились. Если мы появимся в таком состоянии, то поставим под удар спортсменов, которые готовились к Олимпиаде четыре года.

Сергей Татарников потом рассказывал, что российская команда буквально выгнала одного из ассистентов НОК, который появился на работе явно простуженным. Они сказали, что это с его стороны диверсия, и пусть он ищет себе место на Играх в другом качестве или вообще уезжает домой.

Накануне у нас уже появились первые заболевшие: в MVL простудились Татьяна и Линда, ответственная за связи со СМИ. Теперь в этой деревне заболел ещё и Эрик. В EVL заболел Томас, его отправили болеть и жить вниз, в одну из гостиниц Роза Хутора.

После обеда я поспешил домой, чтобы переодеться и на электричке ехать в Прибрежный кластер. Там нужно было забрать билет в главном офисе ассистентов НОК, поужинать, и потом спокойно идти на репетицию.

В электричке я услышал, как девушка, сидящая через проход от меня, восторженно рассказывает кому-то по телефону, что она едет на генеральную репетицию. Так как нас просили переодеться в обычную одежду, волонтёры теперь ничем не выделялись. Я пересел к ней, завязал разговор, мы познакомились. Лиза работает в одном из многочисленных офисов в Москве и решила поехать волонтёром в Сочи, чтобы отвлечься от скучных будней. Она совершенно не ориентировалась в Прибрежном кластере, поэтому ей повезло, что мы оказались вместе. Я заранее по телефону выяснил, где находится наш главный офис. Он располагался в Олимпийской деревне, по пути к домам для спортсменов, поэтому я быстро нашёл его, мы получили свои билеты, поужинали в волонтёрской столовой, немного погуляли и пошли к стадиону «Фишт».

Когда мы подошли к стадиону, то увидели, что на репетицию идёт совершенно «не волонтёрский» народ, по ступеням поднимались семьи с детьми, представительные дамы и господа и так далее.

Мы взяли билеты на соседние места, они оказались довольно высоко, как и все места для волонтёров. Часто приходилось смотреть не на арену, а на один из огромных экранов, расположенных наверху каждой из четырёх трибун. Также как и церемония официального открытия, репетиция началась ровно в 20:14. Перед этим выступил Константин Эрнст, поприветствовал нас и попросил никому не рассказывать о том, что видели, и тем более не делать фотографий и видеосъёмки.

Полагаю, что все читающие эти строки, смотрели церемонию открытия, поэтому не буду описывать того, что происходило на арене. Замечу лишь, что на репетиции все пять снежинок благополучно превратились в олимпийские кольца. Отрабатывалось всё, даже выступления официальных лиц. Выступление Томаса Баха, невыразительно и запинаясь,

прочитал какой-то волонтер. Когда я потом смотрел реальную церемонию открытия, то заметил, что текст выступления Баха был совсем другой, и говорил он очень хорошо и сердечно.

Волонтеры участвовали также в «параде атлетов». Если команда страны была немногочисленной, то шло 5-10 волонтеров, если большой, как например команда США, то шло всего два волонтера, первый держал верёвку такой длины, какой должна быть предполагаемая колонна спортсменов, а конец верёвки держал второй волонтер. Выглядело это довольно забавно.

Несмотря на запрет съёмок, трибуны то и дело освещались вспышками. На следующий день Юля с возмущением говорила мне, что фото- и видеосъёмки с репетиции появились во всех социальных сетях.

В письме нас заранее предупредили, чтобы мы оделись потеплее и взяли «сидушки». Я надел тёплое бельё, осеннюю куртку, в которой приехал в Сочи, взял с собою шерстяной шарф, вязаную шерстяную шапку и кожаные перчатки. Утром я спросил у своих коллег-волонтеров, что такое «сидушка». Оказалось, что все, кроме меня, знают, что это такое. Это квадрат, сделанный из изолирующего материала, чтобы подкладывать его под «пятую точку». На моё счастье такие «сидушки» были у шведов, и София дала мне свою.

Несмотря на мою подготовленность, довольно скоро я начал мёрзнуть. Ведь, хотя над зрителями есть крыша, «Фишт» всё равно является открытым стадионом. На трибуне была та же температура воздуха, что и на улице. Церемония проходила вечером, солнца, хорошо согревающего Олимпийский парк днём, не было, поэтому мне было холодно. К тому же, мы, как нас просили в письме, заняли свои места задолго до 20 часов, а представление продолжалось часа два с половиной. Всё это время приходилось сидеть на одном месте. Дискомфорт усиливал лёгкий ветерок, который то и дело обдувал нас, ведь Олимпийский парк находится на берегу моря. Позже я узнал из интернета, что вечером было всего +6 градусов.

Чтобы согреться, я с удовольствием вставал, когда зрители начинали «гнать волну» или вставали, чтобы поприветствовать, например, «нашу команду». Большую часть парада атлетов, которая проходила под танцевальную музыку, я стоя пританцовывал, чтобы согреться. Российскую команду представляли не двое с верёвочкой, а столько же волонтеров, сколько было в команде. Все зрители встали, чтобы их приветствовать и я, конечно, тоже.

Церемония ещё не закончилась, а многие зрители уже устремились к выходам. Я удивился, но потом, когда сразу после окончания церемонии начался фейерверк, понял, что они заранее знали сценарий и хотели посмотреть салют во всей красе на улице. После фейерверка огромная толпа людей двинулась на выход. По всему маршруту через каждые 20-50 метров стояли волонтеры и через громкоговорители произносили приятные слова, вроде «приятно, что вы были с нами» и говорили, куда двигаться дальше.

Ближе к выходу нам говорили, чтобы те, кому нужно на вокзал, шли по дорожкам слева, а те, кому нужно на автобус или свой автомобиль, по дорожкам справа. Так что никакой толкучки не было, всё было прекрасно организовано, волонтеры поднимали всем настроение. Мы с Лизой благополучно добрались до вокзала, сели на «Ласточку», доехали до станции «Эсто-Садок», там сели на автобус и, наконец, добрались до своей волонтерской деревни.

2 февраля. Работа в EVL и MVL

На следующий день утром я почувствовал признаки простуды, першило в горле, начинался кашель. Но я поехал на работу в EVL, единственное, что мы там сделали, это забрали в службе логистики удлинители. А ещё София попросила меня выяснить в столовой для атлетов, обеспечат ли специальным питанием четырёх шведских спортсменов-аллергиков. Она дала мне листок с их конкретными аллергенами, который я показал в столовой. Там мне сказали, что предусмотрено всё, и каждое блюдо сопровождается описанием его ингредиентов, так что аллергики могут быть спокойны, они не останутся голодными.

Некоторых волонтеров НОКи (не Швеции) приглашали в столовую для атлетов (хотя это было строго запрещено), и побывавшие там были в восторге от ассортимента и качества пищи.

Потом мы съездили в MVL, чтобы помочь и там развесить флаги на балконах, потому что их команда волонтеров уже сократилась вдвое. Ещё через день там осталась только Алесь.

Мой рабочий день закончился в 5 часов, по пути домой я попросил остановиться около аптеки и купил себе настойки календулы и эвкалипта. Дима оставался дома всего один день, а сегодня уже вышел на работу. Я спросил у него, как он лечился. Он ответил, что купил эти настойки и вместо того, чтобы полоскать горло их растворами, добавлял по одной чайной ложке настойки в тёплый напиток (чай, кофе, неважно) и медленно пил его. Пил много. Я прислушался к его совету, так как он был в своё время почти профессиональным спортсменом, и лечился таким же образом. Таблетки я не пью уже лет 20-25, и обычно преодолеваю простуду за три дня.

Мои коллеги вечером встретили в аэропорту первых девять шведских спортсменов. Они прилетели не из Швеции, а из Италии, где у них были сборы.

Сергей Кёниг становится «звездой»

По вечерам Сергей захлёб рассказывал, как он дает интервью немецким журналистам. Корреспондентка региональной газеты Тюрингер Ландес Зайтунг ещё до Игр договорилась с ним о такой возможности. Теперь они вместе ездят по всяким живописным местам, где его снимают на видео и задают вопросы. Продолжалось это дня три, а может и четыре. Благодаря журналистам, он побывал даже на самой высокой точке горнолыжного курорта Роза Хутор – Роза Пик. Там оказалось очень холодно, высота этого пика 2320 метров над уровнем океана, а мы привыкли к 1500 м.

Он говорил, что, несмотря на то, что он человек открытый и разговорчивый, давать интервью оказалось делом очень даже не лёгким. Ещё во время нашего пребывания в Сочи статья появилась в газете и на её сайте. Права на печать его интервью получили у этой газеты даже центральные немецкие издания: еженедельный журнал «Шпигель» (Der Spiegel), крупнейшая ежедневная иллюстрированная газета «Бильд» (Bild) и другие. Так что Сергей стал знаменитостью у себя в Германии!

Я расспрашивал его, каким образом он попал на Олимпийские игры. После переселения в 1999 году в Германию, Сергей работает воспитателем в Доме людей с ограниченными способностями. Как я понял, в основном с ограниченными умственными способностями. Помимо своей основной работы он является волонтером в организации под названием Интеграция через спорт (Integration durch Sport Thüringen Landessportbund) при Германском

Олимпийском Комитете (DOSB). Цель этой организации – помочь иммигрантам войти в современную немецкую жизнь через спорт.

Помимо академических занятий за партой немецким языком, у людей появляется возможность широкого общения с разными людьми, коренными немцами и такими же иммигрантами как они, через это они также значительно лучше овладевают языком и усваивают нормы социального поведения в Германии.

Сергей проводит тренировки по футболу три раза в неделю по полтора часа. Играют в футбол люди от 10 до 55 лет! Хотя он волонтер, но получает денежную компенсацию 70 евро в месяц за свои расходы на бензин, инвентарь и т.п. Люди, с которыми он работает на основной работе, тоже разного возраста, не только дети, но и взрослые. В его обязанности входит помогать этим людям во всём, в том числе проводить отпуск! Благодаря этому летом он ездит во всякие курортные места, но при этом находится на работе.

3-5 февраля. Болезнь

На следующий день, 3 февраля, я не вышел на работу, остался дома болеть. Пил настойки с чаем. В остальное время лежал в постели и читал книги, которые заранее «закачал» на свой «планшет». Постель у меня была комфортная, с двумя матрацами.

Дело в том, что Рома давно уже не жил вместе с нами. В конце января я заметил, что второй вечер подряд не вижу Ромы. Спросил у соседей, не случилось ли с ним что-нибудь. Они ответили, что два дня назад Рома переехал от нас к своим новозеландцам. Часть команды Новой Зеландии, которая занималась фри-стайлом, предпочла снять для себя какой-то мини-отель, а не жить вместе со всеми в олимпийской деревне. В мини-отеле было ещё место, и они предложили Роме пожить с ними, и он с радостью согласился.

Он не стал сообщать о своём переезде на ресепшн нашей деревни, поэтому его место осталось за ним. Над кроватью остался большой чёрный новозеландский флаг, под кроватью – сноуборд, а я с его разрешения взял себе второй матрац, так как спать на одном мне было жестковато.

Младен, узнав о моей болезни, взялся лечить меня, купил аскорутин и настойку прополиса, давал пить какую-то свою хорватскую настойку с морской солью, которая пахла к тому же хлором. Он тоже не пользуется таблетками и предпочитает помогать собственному организму справиться с недугом самому.

4 февраля кашель усилился, идти на работу не имело смысла, я снова остался дома один, лечился и читал. Вечером Сергей стал меня спрашивать: «Не сварить ли мне уши?» Я его шутку понял, а более молодой Женя – нет. В известном кинофильме «Чапаев» есть эпизод, в котором бойцы-чапаевцы, получившие задание захватить белого «языка», хватают на берегу реки белогвардейского рядового, который удил рыбу. Тот начал плакать и говорить: «Митька, брат, помирает. Ухи просит». Чапаевцы, сжалившись, отпустили его. Через некоторое время он сам пришёл в расположение войск Чапаева. Бойцы спрашивают его: «Ты чего пришёл?» А он отвечает: «Умер Митька-то!» Юмор Сергея был довольно чёрным, но это помогало не относиться к болезни слишком серьёзно.

Этим вечером Женя побывал на второй генеральной репетиции открытия Олимпийских игр. Из нашей комнаты только Сергею не пришло приглашение, и он, хотя виду не подавал, конечно, переживал, что его обошли.

5 февраля кашель немного ослабел, но я снова оставался дома. Выходил только на завтрак и ужин в столовую-шатёр. К этому времени столовая в нашей волонтерской деревне работала уже больше недели, питали нас в ней довольно однообразно, но на завтрак давали столько много разных блюд, что во время болезни я половину забирал с собой, и мне хватало их на обед. Много читал, помыл полы во всех общих комнатах и своей. Уборка квартир лежала целиком на волонтерах. Постельное бельё нам меняли раз в неделю. В нескольких домах были оборудованы прачечные самообслуживания. Мои соседи, Сергей и Женя, несколько раз ходили стирать, а я предпочитал стирать руками, но часто. Благо в каждой комнате стояла сушилка для белья.

Во время болезни мы обменивались эсэмэсками с Эриком. Он тоже сидел дома и скучал. Потом мы лишь изредка случайно встречались в столовой волонтерской деревни.

6 февраля. Вновь на работе

Наконец, 6 февраля я снова вышел на работу. С этого дня завтрак ещё более «усилили». Было, как всегда, четыре блинчика с начинкой и сублимированная каша, добавили йогурт, булочку, и «аэрофлотовские» упаковки масла и джема.

Так как нас вновь было четверо, мы работали в две смены. Мы с Димой начали работу после двух часов дня. Единственная работа, которую сделал я - получил в сервисном центре двадцать пропусков на парад атлетов для команды Швеции и отдал их Софии.

Вечером мы ездили в аэропорт, встречали последнюю большую группу «наших» спортсменов. Вторую группу встречали без меня 4 февраля. Они снова прилетели из Италии. Я впервые участвовал в такой встрече.

С этого дня я почти каждый день ездил вверх-вниз по дороге на Лауру. Недалеко от канатной станции был КПП для автомобилей, там проверяли прикрепленный к ветровому стеклу пропуск, и можно было ехать дальше. Вдоль дороги через каждые, наверное, двести метров стояли замаскированные посты с военными в маскировочных белых халатах. Когда нам говорили, что мы их не увидим, то выдавали желаемое за действительное. Во-первых, до начала Игр мы видели, как обустроивали эти посты, во-вторых, к концу Игр, когда потеплело, начал таять снег, особенно на малых высотах, и белую маскировку стало прекрасно видно. Но и в остальное время только слепой мог не увидеть, как внутри сетчатых шатров ходят или стоят два военнослужащих.

В аэропорту встречающих было много, но сутолоки не было. Мы встретились с двумя «нашими» волонтерами, которых мы ещё не видели. Святослав и Александра встречали шведских кёрлингистов. А двух волонтеров, опекающих шведских хоккеистов, я так никогда и не увидел. Помимо волонтеров прибытия команд ожидали также представители СМИ. Я даже перебросился несколькими фразами с корреспондентами из Норвегии, Швеции и Дании.

Честно говоря, как я потом понял, особой необходимости в том, чтобы мы встречали спортсменов, не было. Оргкомитет организовал всё «от и до». В аэропорту работали волонтеры функции прилетов и отлётов. Кто-нибудь из них встречал команду и проводил атлетов к столам, за которыми сидели также волонтеры, которые совершали все положенные формальности. Затем спортсменов направляли на улицу, там крепкие молодые люди, волонтеры функции транспорт, загружали их багаж в небольшие грузовые автомобили, а

девушки направляли на стоянку автобусов. На автобусах их доставляли в Центр приветствий (Welcome Center), расположенный в Прибрежной олимпийской деревне. Там их приветствовали, выдавали необходимые вещи и документы, а затем, если атлеты должны были ехать в Красную Поляну, их отправляли туда на другом автобусе, а следом ехал грузовичок с багажом.

Но, конечно, спортсменам было приятно, что их встречают «свои люди». На самом деле помимо нас в аэропорту их всегда встречал шеф-де-миссьон Питер и ещё кто-нибудь из шведского НОКа, в Центре приветствий также обязательно был представитель Швеции.

Наконец, начали по одному выходить «наши» спортсмены. Дима знал почти всех лыжников и биатлонистов в лицо и говорил мне, кто есть кто. Мы приветствовали каждого и отводили в место сбора всей «горной» команды. В это время корреспонденты стали брать интервью у самых известных лыжников, сначала у Андерса Сёдергрена (золотого призёра предыдущих Игр в Ванкувере в эстафете), а потом у Юхана Ульссона (золото в той же эстафете, а также золото в гонке на 50 км на Чемпионате мира в 2013 году).

Все спортсмены уже получили свой багаж, вышли в зону прилёта, оформились у стоек, пора было идти к автобусам, а корреспонденты всё не отпускали Ульссона. Интервью длилось, наверное, минут двадцать. Тогда без него мы двинулись на выход, а я покатию его тележку с багажом. Багаж загрузили в грузовичок, но на тележке осталась его куртка, пришлось взять её в руки и ждать, когда же Юхан выйдет. Девушки посадили всех в автобус, и он уже был готов отъезжать, когда, наконец, интервью закончили, Юхан не спеша вышел, я сунул ему куртку и посоветовал поторопиться на автобус. Шведы полностью оправдывали свою репутацию невозмутимых скандинавов. Никто не волновался, что Ульссона нет в автобусе, а он нисколько не торопился.

Мы с Димой сели в свой автомобиль и поехали следом за автобусом. Припарковавшись около Центра приветствий, мы прошли в него, проконтролировали все процедуры, и, дождавшись отправки другого автобуса со спортсменами в Горную деревню, поехали домой уже в одиннадцать часов.

7 февраля. День открытия Олимпийских игр

В день официального открытия Олимпийских игр, 7 февраля, я работал в утреннюю смену с Юлей. Выехали из дома в 9 часов, по дороге Юля купила заказанного накануне Софией чёрного хлеба. Потом мы сливали жёлтую воду из кранов во всех номерах, получали заказанные ранее ёршики для туалетов и зеркала, недостающие в некоторых номерах.

После обеда отправились снова в аэропорт, встречать пять человек, прибывающих рейсом из Осло: три спортсмена, тренер и доктор. Юля жаловалась, что не выспалась, так как ей всю ночь звонили из логистики, чтобы сообщить, что одно из мест багажа, потерянное накануне, нашлось. Потом звонили, чтобы сказать ей, что доставили его в MVL, а нужно было в EVL. Она жалела, что, во-первых, дала свой номер телефона, а во-вторых, не отключила его на ночь.

Встреча прошла нормально, и часов в пять я был уже дома. Вечером вместе с другими волонтерами смотрел на большом экране Церемонию открытия Олимпийских игр в нашей волонтерской деревне. Всё было также как на репетиции, но одна из снежинок не захотела превратиться в олимпийское кольцо. Режиссёр быстро переключил камеры на что-то другое,

а потом показали, что всё в порядке, все кольца на месте. Позже я узнал, что снежинка всё-таки не трансформировалась в кольцо, а нашим российским зрителям в этом месте показали запись репетиции. А в Германии жена Сергея видела всё «живьём» и всё как было на самом деле. Шведская команда в костюмах от H&M смотрелась замечательно, флаг нёс Андерс Сёдергрэн.

8 февраля. Биатлон. Встреча в аэропорте

8 февраля начались соревнования, а работа у нас почти прекратилась. На тренингах нас предупреждали, что во время подготовки у нас может быть очень много забот, а во время Игр, когда все проблемы будут решены, мы окажемся почти «не у дел». Так и оказалось. Изредка нужно было встречать или провожать одного-двух тренеров или врачей. Самой важной задачей стала покупка олимпийских сувениров – талисманов Игр. НОК Швеции вручал всем своим медалистам Мишку или Зайку. Интересно, что Леопарда купить не просили ни разу.

С этого дня София часто говорила нам, что сегодня у нас свободный день, и мы вольны делать, что хотим. Но и в рабочие дни мы большую часть времени проводили в комнате отдыха волонтеров нашей функции, где был большой телевизор и много диванов, кресел и стульев.

В небе над Лаурой появился большой дирижабль. Мы догадались, что это ещё одна мера безопасности. Скорее всего, там стояли камеры наблюдения. Потом я видел такие же дирижабли в Роза Хуторе и Олимпийском парке

После обеда прошло первое соревнование на нашей Лауре – скиатлон среди женщин (7,5 км классическим стилем +7,5 км свободным стилем). Шарлотта Калла заняла второе место и шведы, конечно, были очень рады. София взяла большой лист бумаги и фломастером написала большими буквами имя Шарлотты и нарисовала серебряную медаль. Потом этот лист повесила на стену холла. К концу Игр стены холла были завешены такими листами. Всего шведы завоевали 15 медалей, правда из них всего две золотых, семь серебряных и шесть бронзовых. Большую часть медалей (одиннадцать!) они получили в лыжных гонках.

После завоевания какой-либо медали София заказывала нам купить того или иного «зверя» высотой 50 см. Заранее никогда ничего не покупалось. Не знаю, была ли это западная практичность или боялись «сглазить»? Постепенно Юля, Лена и Дима узнали, в каких магазинах можно купить талисманы дешевле, и вообще купить их, так как со временем их довольно активно раскупали.

Ещё до начала Олимпийских игр НОК Швеции объявил, что никаких денежных поощрений шведским спортсменам не будет. Главной наградой для атлета должна быть медаль. Поэтому у шведов всё было сдержанно: сразу после медали лист бумаги на стене, вечером торт, на следующий день Зайка или Мишка.

Про торт я знаю, не потому что нас приглашали на вечеринку, нет. Мы вообще со спортсменами никак не пересекались. Их ограждали от всяких контактов. Мы общались только с руководством команды и сервисменами. Просто однажды София отправила меня попросить в столовой для атлетов 30 пластиковых ложек, а потом утром мы видели недоеденные куски торта на столе в холле.

Вечером проходила спринтерская гонка на 10 километров среди мужчин. Мы отправились на биатлонный стадион и попытались пройти на трибуны, но наши коллеги волонтеры из функции EVS не пропустили нас, сказав, что мы можем пройти туда, только сопровождая свой НОК. Довольно долго мы ходили вдоль лыжной трассы, встретили своих коллег из MVL Катю и Татьяну, которые присоединились к нам, пока не нашли место напротив трибун, с которого можно было видеть несколько больше чем с других мест. Но и здесь я не успевал разглядеть какой спортсмен передо мной, так быстро они пронеслись мимо нас. Стрельбы мы тоже, конечно, не видели, так как находились над мишенями.

Мы стояли среди зрителей, у которых были билеты без указания места. И вдруг стоявшая рядом со мной молоденькая и невысокая девушка очень громко закричала: «Россия! Давай!» От неожиданности я вздрогнул, она, наверное, это заметила и ещё громче стала кричать те же слова почти каждую минуту: «Давай!», «Давай!»

Во время этой гонки мы поняли, что «вживую» мы мало что можем увидеть и тем более понять, а лучше смотреть теле-трансляции.

Поздно вечером нам с Димой нужно было встретить трёх человек. Этот вечер и ночь мне запомнятся надолго. Вначале всё шло очень хорошо. Мы не спеша приехали в аэропорт, так как знали и были уверены, что люди выходят из зоны получения багажа не сразу. Но оказалось, что они давно уже вышли и искали нас. Нам, конечно, стало неловко. Багажа у них было немного, поэтому мы довольно быстро посадили их в автобус до Центра приветствий. Потом встретили их там. Автобус на EVL уходил буквально через три минуты, мы посадили их в него, сказав, что позаботимся о багаже. Всё получалось очень быстро, и мы могли быть дома на час раньше, чем планировали.

Но тут оказалось, что мы не можем отправить их багаж на EVL, так как правила изменились: в связи с тем, что с сегодняшнего дня поток гостей резко сократился (почти все уже приехали), грузовые автомобили-челноки в горные деревни больше не ходят, нужно их предварительно заказывать. Мы стали выяснять, что же нам делать, познакомились с волонтеркой Наташей, которая занималась этими вопросами. Мы могли, в крайнем случае, загрузить вещи в свой автомобиль и доставить на Лауру, но нам делать это, конечно, не хотелось. Мы уже ездили вверх-вниз утром, а сейчас было уже начало одиннадцатого вечера.

Наташа пыталась что-нибудь узнать и, наконец, сообщила нам, что во дворе стоят два мини-грузовика, заказанные для доставки в EVL багажа большого количества американцев, которые прибудут из аэропорта часа через два. Она договорилась с водителями, они заодно заберут и наш багаж. Мы позвонили Софии, предупредили её, что багаж придёт с большой задержкой и довольные собой отправились домой.

Когда мы почти подъехали к Эсто-Садку, я сказал, как хорошо, что мы так рано возвращаемся домой, но тут Диме позвонила Наташа и сказала, что нам придётся вернуться в ЦП и забрать наш багаж. Произошло недоразумение с шаттлами, водители на самом деле что-то не так поняли, никаких американцев не будет, и в EVL никто не едет. Она ради нас осталась после конца своей смены, чтобы сторожить наш багаж.

Надо было видеть наши лица. Но делать было нечего, мы развернулись и поехали обратно. Мы снова приехали в ЦП, поблагодарили Наташу за заботу, загрузили багаж в автомобиль и повторно отправились в путь. По дороге бортовой компьютер «Туарега» несколько раз

предлагал Диме сделать перерыв и выпить чашечку кофе, правда, этой чашечки он, к сожалению, не заваривал. Каким-то образом машина понимала, что Дима уже устал.

На самом деле Дима не только устал за рулём, но и накануне не выспался. Он, как и почти все другие мои соседи по квартире, включая Сергея-Царя, накануне участвовал в церемонии открытия Олимпийских игр. Те из нас, кого не пригласили на генеральные репетиции, в итоге оказались на самом открытии. По два волонтера функции «ассистенты НОК» выступали в роли сопровождающих команду своей страны, как направляющий и замыкающий. Вторым волонтером команды Швеции была Алеся.

Сергей и Дима потом рассказывали, что вечером 7 февраля они отправились на автобусах от своих Олимпийских деревень, MVL и EVL, в Прибрежную деревню, где был первоначальный сбор команд, а потом колоннами дошли до стадиона «Шайба» и почти час стояли под ним, ожидая времени начала парада атлетов. Было прохладно, стоя на одном месте все замёрзли и поэтому всячески пытались себя развлекать и подбадривать. Как говорили ребята, было весело. Когда начался парад, волонтеров направили на трибуны, где для них выделили места.

Мы сообщили Софии, что доставим багаж сами. На самом деле мы не могли доставить его до здания номер 8, так как у наших машин не было разрешения на проезд в Олимпийскую деревню. Всем машинам НОК была отведена парковка метрах в двухстах от проходной, а дальше нужно было идти пешком круто в гору ещё столько же или немного больше. Грузовики-шаттлы могли бы доставить вещи до места. В общем, пришлось нашей шведской «пятерке» тащить свои вещи на руках от проходной, а мы вернулись домой около двух часов ночи.

9 февраля. Отдых

Следующий день, 9 февраля, София объявила свободным. В такие дни я всё равно ездил или ходил на Лауру, так как там можно было хорошо пообедать, погулять по Олимпийской деревне и трассам и посмотреть соревнования по телевизору. Утром меня подвёз на своей машине Младен, он поехал новым для меня путём, не по главному шоссе, а гораздо короче, по дороге вдоль ближнего к нам горного хребта. С левой стороны улицы (если идти к Лауре) стояли вплотную к практически отвесной горе вновь построенные дома. Справа были уже обжитые дома. Дорога была пустой, никто по ней не ездил, и впоследствии я ходил на Лауру только по ней.

На Лауре проходил скиатлон среди мужчин, но я предпочёл посмотреть его по телевизору в волонтерской комнате отдыха. Поздравил наших шведов с серебряной медалью Маркуса Хельнера. Гулял по олимпийской деревне и фотографировал коттеджи разных команд.

Вечером почти все мои соседи отправились на автомобиле Алексея Богданова на прыжки с большого трамплина, который находился совсем близко от нашей волонтерской деревни. Вернулись они после полуночи в полном восторге. С бесплатных мест они видели практически всё, не хуже, чем с платных, а этот вид спорта оказался очень зрелищным и азартным.

У многих волонтеров нашей функции автомобили находились почти в полном распоряжении. На них возвращались домой, парковали под окнами своего дома, а утром отправлялись на работу. Так было у Младена, Сергея-Царя, Алексея Богданова и Жени. И

довольно долго у нас с Димой. Но во второй половине Игр шведы всё чаще просили нас оставлять машину на парковке у Лауры, так как по вечерам сами пользовались ею. Нам приходилось ходить пешком, а так как работы практически не было, то мне это даже нравилось. Особенно после того как я узнал новую дорогу. Жене австрийцы поручили водить грузовую «Газель», что его очень расстраивало. Все ездили на «крутом» «Туареге», а он на обычной машине. С одной стороны он жаловался, с другой стороны он был очень востребован, австрийцы то и дело посылали его что-нибудь купить или привезти. Часто он вставал рано утром, уезжал, потом возвращался, досыпал час-другой, и снова ехал работать.

10 февраля. Настольные лампы

Утром 10 февраля я подошёл к вешалке и увидел, что на моей куртке слева под эмблемой «Sochi.ru 2014» на оставшейся свободной «липучке» приклеена бумажка с одним словом «террорист». На вешалке в прихожей висели все наши девять одинаковых курток, в самом начале я подписал свою, чтобы отличать её от других. Довольно быстро у каждого определился и свой крючок. Я сразу понял, что это шуточки Младена и переклеил бумажку на его куртку. Он, конечно, её увидел и снял.

Я впервые пошёл пешком по новой для себя дороге. Транспорта почти не было слышно, по весеннему щебетали птицы, пахло весной, на горных склонах цвели первые цветы. В этот день я, наконец, получил в отделе логистики настольные лампы для прикроватных тумбочек атлетов. Борьба за них продолжалась несколько дней. Наша администрация доказывала, что они не положены, в каждой комнате есть торшеры, но София и Питер (выздоровевший к тому времени) показывали мне толстую книгу-инструкцию, где были детально описаны обязательства страны, принимающей Олимпийские игры. Согласно ей лампы на прикроватных тумбочках должны были быть. В итоге я получил в одном месте лампы, и в другом месте лампочки, чтобы вкрутить в них.

Парни из логистики под моим руководством принесли два ящика в наше здание. Я сказал Софии, что мне доказывали, что лампы не положены и в подтверждение этого ссылались на то, что ни одна другая команда ламп не требовала. На это София гордо ответила: «Не знаю как другие, а **наши** спортсмены читают книги!» Действительно они привезли много книг в бумажных обложках, они лежали стопками внизу на столе в холле.

К этому времени оказалось, что очень помогают решить все проблемы олимпийские значки шведской команды. Стоило дать значок в логистике или где-нибудь ещё, как на лицах появлялись улыбки, и все просьбы быстро выполнялись. Мы поняли это не сразу, но, поняв, пользовались этим вовсю. Не уверен, знали ли шведы об эффекте, производимом значками, но привезли они их очень много. Каждое утро София торжественно распечатывала очередной пакет и высыпала их в большую чашу, стоявшую на столе в холле. Она говорила, что мы можем брать столько, сколько хотим. Сначала мы, конечно, набрали значков для себя, своих друзей и соседей по волонтерской квартире. А потом стали пользоваться ими для успешных переговоров.

В остальное время я гулял и смотрел телевизор. Так же было и во все другие дни, когда я бывал на Лауре.

11 февраля. Большой трамплин

11 февраля смена начиналась в 12 часов, единственным поручением было перенести полученные мною накануне лампы в коттеджи. Ящики были не очень тяжёлые, но нести их было неудобно, идти нужно было в гору, поэтому я сходил в «логистику» и договорился о выделении автомобиля. Я поставил по ящику в каждый из двух коттеджей. Интересным было завершение этой истории с лампами. 24 февраля, когда шведская команда уехала, и мы должны были сдавать помещения, я обнаружил, что оба ящика стояли на тех же местах. Из одного взяли две лампы, из другого – одну. Вот вам и любители чтения! Мне стало даже немного обидно, я эти лампы внёс было в список своих «великих дел» для шведов. Пришлось вычёркивать.

После обеда делать было совсем нечего, и я отправился домой, снова пешком. Честно говоря, как-то так получилось, что я был самым незагруженным из нашей «четвёрки». Причинами этому было то, что я отказался водить автомобиль, затем моя трёхдневная болезнь, и, наконец, я предполагаю, возраст. Я не участвовал в поездках по магазинам в поисках талисманов, и мне не поручали, как Диме, носить лыжи от того самого автомобиля со станками для их шлифовки, находящегося внизу, до кабин для смазки лыж, находящихся на лыжном стадионе.

А Диме довольно часто приходилось это делать. Напомню, что на автомобиле мы проехать на территорию Лауры не могли. В результате у него установился хороший контакт с Лоренцем, они улыбались друг другу при встрече наверху, а перед отъездом Лоренц подарил ему майку с шведской олимпийской символикой.

Получалось так, что общения у меня становилось всё меньше. Молодые люди находили себе занятия: ездили в Сочи, в Абхазию. Я там уже побывал лет 30 назад, да мне и не хотелось ездить по эти местам зимой, хоть и тёплой, кавказской, ведь зелени всё равно не было. Человеческого контакта с нашими шведскими администраторами, честно говоря, ни у кого из нас не было. Мои соседи по квартире чаще всего появлялись дома только для того, чтобы поспать. В свободное от работы время они тоже изучали Сочи и Абхазию, а по вечерам обязательно, пользуясь нашими аккредитациями, ходили или ездили на соревнования.

Можно было бы общаться с волонтерами в комнате отдыха, но этого тоже как-то не происходило. Молодёжь предпочитала или смотреть телевизор или чаще всего общаться со своими гаджетами. Благо Wi-Fi работал прекрасно. Также можно было пользоваться тремя стационарными компьютерами.

Поэтому чаще всего я проводил свободное время (а его становилось всё больше) один. На выходе из Олимпийской деревни мне повстречалась группа ряженных молодых людей. Парни были одеты как скоморохи, а девушки в старинных кафтанах. Организаторы старались создать атмосферу праздника, и почти каждый день можно было увидеть у конечной остановки канатной дороги какой-нибудь ансамбль народной музыки и танца.

По вечерам на сооруженной рядом со станцией эстраде выступали какие-нибудь музыкальные ансамбли. Они хотели скрасить зрителям время ожидания своей очереди на «канатку». Хотя во время соревнований параллельно работали две дороги, зрителям приходилось стоять по два, а то и по три часа. Под музыку и песни это, наверняка, переносилось легче.

Так как машину нам давали всё реже, то, если бы я оставался на Лауре до вечера, то потом приходилось бы выстаивать вместе со всеми эти очереди. И я предпочитал спускаться до начала соревнований, чтобы не спеша прогуляться домой и спокойно посмотреть эти состязания по телевизору в столовой или на большом экране в Центре развлечений.

Этот вечер был необычным. Сергей предложил съездить на машине на соревнования по прыжкам с трамплина. Состязались женщины. За день до этого ребята так восторгались этими соревнованиями, что я согласился поехать, пожертвовав своим сном, эти соревнования заканчивались довольно поздно.

Я, конечно, не пожалел, что поехал. Вход у нас, как ассистентов НОК, был свободный, но без мест на трибуны. Единственной проблемой для Сергея оказалась парковка, все места были заняты, он высадил нас у трамплина, а самому пришлось спуститься вниз, оставить машину там и пешком подниматься вверх. Мы стояли сзади главной трибуны и прекрасно всё видели. Я достал свой «планшет», чтобы сделать несколько снимков, и обнаружил, что на стадионе работает свободный Wi-Fi. Я захотел похвастаться и связался по Скайпу сначала со своей сестрой, а потом ещё с двумя друзьями в Дубне. К великому удовольствию Сергея золотую медаль завела спортсменка из Германии Карина Фогт. Вообще в те первые дни Игр Германия лидировала в командном зачёте.

12 февраля. Олимпийский парк

На следующий день, 12 февраля, мы договорились с Виктором Павловичем, что я приеду вниз, в Прибрежный кластер, мы пообщаемся, погуляем и вместе пообедаем. Утром я надел лёгкую куртку и поехал на электропоезде «Ласточка» до станции Олимпийский парк. На вокзале «Красная Поляна» я узнал, что с 7 февраля билеты не нужны, РЖД сделали подарок: во время Олимпийских игр «Ласточка» была бесплатной для всех. Это меня даже как-то немного расстроило. Признаюсь, приятно было чувствовать свою избранность.

В Адлере никакого снега не было и в помине, первое, что бросалось в глаза при выходе из вокзала были высокие пальмы в Олимпийском парке. Виктор Павлович встретил меня у входа, и мы вместе пошли к павильону Кока-Колы, где нам занял очередь его сосед по комнате. В отличие от меня он жил в пансионе в двухместном номере. Соседу было лет 70, он приехал как профессиональный лингвист, и был очень недоволен тем, что его практически не привлекали к работе.

Мы сходили в павильон Кока-Колы, где узнали об истории «создания» этого культового американского напитка, а также о том, что эта компания спонсирует не только Олимпийские игры, но и российский детский футбол. Помимо рекламы своей продукции компания устроила также бесплатный аттракцион: любой желающий мог сфотографироваться с олимпийским факелом, а через день получить свою фотографию через интернет. Конечно, мы отстояли и в этой очереди.

Потом мы вместе погуляли по Парку, после открытия Игр он сильно изменился. Появилось много новых павильонов, площадок, эстрад. Виктор Павлович показал мне наиболее интересные, на его взгляд, места. После обеда ему нужно было спешить на работу, и он, посоветовав мне обязательно посетить Павильон выставки регионов России, вернулся к своему гольф-кару. Во время обеда в столовой-шатре я встретил своих давних знакомых по тестовым соревнованиям, супругов Татьяну и Александра из Анапы. Они снова работали в

«Айсберге», но не в функции EVS, а в функции «спорт». Очень довольны, что смотрят фигурное катание и шорт-трек.

Я долго гулял, сделал, наверное, круга два по Парку. Много фотографировал, иногда просил прохожих сфотографировать меня на фоне олимпийского огня, например. Позвонил Виктор Павлович и неожиданно предложил мне билет на хоккейный матч Латвия – Швейцария. Он сказал, что его племянница, работающая в Оргкомитете, имеет возможность иногда получать бесплатные билеты. Он сказал, что билет я смогу получить только вечером около входа в «Айсберг» перед началом соревнований по фигурному катанию. Он встречается там с племянницей и её мужем, и они вместе идут смотреть парное катание. Я согласился, хотя, конечно, с большим удовольствием пошёл бы на фигурное катание, которое в годы моего детства было культовым видом спорта в СССР. Но что делать, это была не моя племянница.

Мне пришлось довольно долго стоять у входа F, где мы договорились встретиться. Солнце зашло, похолодало, я был в лёгкой куртке и замёрз. Тогда я решил проверить, сработает ли и здесь моя аккредитация. Я обошёл «Айсберг» кругом, нашёл вход для персонала, приложил аккредитацию к турникету и спокойно прошёл внутрь. Немного поблуждав по коридорам и поднявшись на лифте, я вышел к главной лестнице, спустился по ней в холл и оказался по ту сторону турникетов для зрителей. При желании я мог бы попытаться пройти на трибуны, но, как достаточно солидный человек, не стал этого делать.

Позже я узнал, что в этот день многие мои соседи и коллеги таким именно образом прошли на хоккейный матч Швеция – Чехия. На трибунах их просили или занять свои места или покинуть стадион, но они переходили в другой сектор, где через некоторое время начиналась та же история. Некоторые попытались было попасть и на фигурное катание, но там были особо строгие охранники на входах в сектора, которые не пропускали даже на трибуны.

Итак, я отправился на хоккей в стадион «Шайба» и по дороге встретил Женю! Он направлялся в «Айсберг», в надежде проникнуть на трибуны. Хотя я неоднократно был в командировках в Швейцарии, и швейцарцы мне нравились, я не смог болеть ни за них, ни за латышей, посмотрев первый тайм, я решил отправиться домой, тем более что было уже довольно поздно, матч начался в 21 час. Обрато я поехал автобусом. Включив «планшет», я снова, как на трамплине, с удивлением обнаружил, что на этом маршруте работает Wi-Fi.

13 февраля. Жалюзи

13 февраля как всегда дошёл до канатной дороги пешком, после обеда заказал ещё несколько удлинительей. Потом следил за тем, как рабочие устанавливают жалюзи в комнатах первого этажа. Погода установилась солнечная и там, где солнце светило в окно, стало жарко. А ведь совсем недавно мы по поручению шведов купили электрообогреватели для трёх комнат!

В этот день Шарлотта Калла завоевала свою вторую серебряную медаль, на этот раз в гонке классическим стилем на 10 км. Эту гонку, так же как и биатлон, я смотрел по телевизору.

14 февраля. Горные красоты. Лыжные гонки

14 февраля утром Младен предложил мне прогуляться вместе на источник. Он сказал: «Я вижу, Вы любите одиночество и покой. Это место Вам должно понравиться». От нашего дома до родника мы дошли минут за 10-15. До этого Младен несколько раз говорил мне, что недалеко от нашей волонтерской деревни есть источник и ручей. Один раз я даже пошёл в

указанном им направлении, но ничего похожего не нашёл. Теперь стало ясно, что я просто не дошёл до этого места.

В середине февраля цвели белые подснежники и розовые цикламены, шумел ручей, берущий начало высоко в горах. Было просто замечательно. Я потом позвонил Тане и сказал: «А у нас подснежники цветут!», а она мне ответила: «А у нас тоже!» И я понял, что мы с Таней живём тоже в очень даже не плохом месте.

Младен показал мне одно растение, совершенно, на мой взгляд, не похожее на папоротник, и сказал, что это папоротник с интересным названием, «оленьи рога».

Я спросил Младена: «Откуда ты знаешь, где что находится?» Он ответил: «Я, в отличие от вас, активно использую своё время и автомобиль. Словенцы разрешили мне пользоваться им тогда, когда он им не нужен. Я ездил в Сочи, Адлер, съездил в монастырь по дороге из Адлера в Красную Поляну, изучил окрестности Эсто-Садка».

«А откуда ты знаешь, что это папоротник и даже его название?» Мне это было удивительно, потому что большинство моих знакомых называет скворцов воронами и не видит разницы между елью и пихтой. И Младен рассказал, что он в своём родном Загребе получил образование по специальности «ландшафтный инженер», у нас она называется «ландшафтный дизайнер». Это, наконец, объяснило мне его познания в биологии. Проработал по специальности он недолго. Сказал мне: «Я не захотел быть торгашом. Для того чтобы быть успешным дизайнером, нужно обманывать своих клиентов, убеждать их сажать гораздо больше растений, чем это нужно. А ведь для красоты нужно совсем немного». Поэтому он окончил трёхмесячные курсы, дающие право на управление яхтой, и работает капитаном яхты богатого человека.

После этой прогулки мы отправились на работу, вместе пообедали, снова Младен страдал из-за отсутствия хороших вегетарианских блюд. Это было его вечной проблемой. Несмотря на то, что во всех столовых обещали, что со временем качество и ассортимент этих блюд увеличатся, до конца Игр ничего не изменилось. Младену приходилось часто покупать себе продукты в магазине.

После обеда я вместе с Юлей впервые отправился на соревнования на лыжном стадионе, он находится дальше биатлонного и ещё выше. Идти вверх, особенно после плотного обеда было тяжело, и Юля сказала, что за один этот подъём нужно давать медали.

Диме Томас дал дополнительный «апгрейд», который надевался на шею поверх аккредитации и позволял пройти в VIP зону. Мы знали, что Дима заслужил это поощрение, и не завидовали. Нас снова не пропустили на трибуны бдительные волонтеры функции EVS, и мы пытались найти место, с которого было бы всё хорошо видно. Сначала встретили Сергея Татарникова, которого тоже не пускали на трибуны, а потом нашего шеф-де-миссьон Питера с двумя другими членами шведского НОК. Если бы они пошли на трибуну, мы бы попросились с ними, но они пошли смотреть гонку на то же место, которое выбрали мы. Значит, наш выбор был верным!

В этот день была гонка на дистанции 15 км классическим стилем среди мужчин. Выиграл гонку швейцарец Дарио Колонья, а «наши» Юхан Ульссон и Даниель Риккардссон завоевали серебро и бронзу. После соревнований оказалось, что Сергей Татарников всё-таки договорился о том, чтобы его, меня и Юлю могли пропустить на трибуны, но я из-за шума

зрителей не услышал его телефонного звонка. А Дима в зоне VIP видел подносы с шампанским, но взять бокал постеснялся.

15 февраля. Важное задание

Утром нас с Димой захватил с собой на машине Младен. Неожиданно нам дали поручение: найти специальную бумагу для того, чтобы снять с лыж излишнюю мазь после её нанесения. Привезённая шведами с собой бумага кончилась. Нам дали кусок такой бумаги как образец. Уже на машине НОК Швеции мы спустились вниз, и в ближайшем магазине «Перекрёсток» купили несколько рулонов бумажных полотенец. Их текстура лучше всего подходила для наших целей.

После обеда проходила женская эстафета. Мы смотрели её по телевизору. Болели и за наших россиянок и за шведок. Победили сильнейшие, это был триумф Швеции, и особенно Шарлотты Калла! Она бежала на последнем этапе и сумела отыграть у команды Финляндии 26 секунд и вырвать победу на финише. Вечером я прочитал в интернете, что рядом с ней бежал тренер и кричал ей: «Ты самая лучшая в мире!» Вот секрет победы!

16 февраля. Коробки для медалей

Этим утром я обнаружил, что на моей аккредитационной фотографии появились седые усы. К счастью не подрисованные фломастером, а наклеенные! Ясно, кто это сделал. Через день Младен наклеил усы на фотографию Димы, но уже чёрные.

Поднявшись на Лауру, встретил большую группу высоких парней в белой шведской олимпийской униформе. Это была хоккейная команда, которая приехала на экскурсию в нашу Олимпийскую деревню.

София дала поручение забрать коробки для медалей в сервисном центре. Оказывается, их выдают спустя пару дней после награждения медалью. Сервисный центр располагался в главном здании, в зоне спа, там всегда было жарко и влажно, и мне было жалко девушек-волонтёрок, которые там работали. В соседнем помещении находился межконфессиональный центр с отдельными комнатами для основных религиозных конфессий. Немного странно было иногда обедать в столовой и видеть, как молодые «батюшки» стоят в очереди на раздачу в своих подрясниках. Представителей других конфессий я тоже видел, но почему-то в столовой – ни разу.

Неся коробки для медалей по улице, я чувствовал, что как-то ещё больше приобщился к Олимпиаде.

После обеда снова были лыжные гонки. В этот день шведская мужская команда победила в эстафете. Они обеспечили себе отрыв уже после второго этапа и опередили российскую команду почти на полминуты.

Вечером должна была пройти мужская гонка в биатлоне, но её отложили на следующее утро из-за тумана. За час до гонки я вышел из главного здания и почти ничего не увидел. На нас, как несколько дней назад на Роза Хуторе, буквально село облако. Видимость была минимальная.

17 февраля. Совершенно серый день

Утром туман, конечно, не рассеялся, и биатлон перенесли ещё на день. Делать было нечего, соревнований на Лауре не было. Смотрел соревнования по телевизору. Позвонил из Адлера Младен, сказал, что он на рынке покупает сувениры, спросил, не нужно ли и мне что-нибудь, и перечислил варианты. Я выбрал кружку с эмблемой Игр.

18 февраля. Фри-стайл.

Утром, когда я поднимался на канатной дороге, мне позвонил Виктор Павлович и предложил билет на соревнования в 17:15 по фристайлу в экстрим-парке Роза Хутора. Поразмыслив, я согласился. Не сразу, потому что нужно было съездить к нему в Олимпийский парк, взять билет, и ехать обратно в Роза Хутор. В комнате отдыха волонтеров нас ожидали два сюрприза: нам выдавали благодарности с подписями Томаса Баха и Дмитрия Чернышенко и наручные часы швейцарской фирмы Swatch, сделанные с использованием дизайна Bosco, и надписью на ремешке – волонтер.

Пообедав, я отправился в путь. Погода совсем испортилась, в Красной Поляне накрапывал дождь. В Олимпийском парке тоже шёл дождь. Когда я приехал в экстрим-парк, там уже шёл мокрый снег. От остановки автобуса до стадиона нужно было пройти метров 500-600. Через каждые 50 метров стояли волонтеры (лучше было бы написать волонтерки) и жизнерадостно показывали, куда идти дальше. Я подошёл к входу, указанному в билете, и решил ещё раз испытать свою аккредитацию. Я показал её волонтеру, и она беспрепятственно пропустила меня. Билет, как я и подозревал, был не нужен. На таких, не слишком популярных в России дисциплинах, зрители обычно не заполняли стадион, и всегда можно было, при желании, побывать на этих соревнованиях.

Пластиковые сиденья были покрыты мокрым снегом, пришлось стоять, надвинув капюшон себе на голову. Проходили соревнования по хаф-пайпу. В переводе с английского – «пол трубы». Трасса сделана в виде жёлоба с крутыми высокими стенками, и лыжник спускается вниз по этому жёлобу зигзагами, перемещаясь с одной стороны на другую, одновременно делая акробатические сальто-мортале. Далеко не каждому частнику соревнований удавалось достичь конца трассы без падения.

Атмосфера была весёлая, звучала музыка, шутил комментатор... Но всё портил дождь.

На обратном пути автобус подвозил болельщиков к вокзалу Красная Поляна, мне нужно было пройти его насквозь и сесть на привокзальной площади на другой автобус. Внутри вокзала очень весёлый волонтер «серебряного возраста» регулировал людские потоки, пользуясь мегафоном. Заодно он помогал иностранцам сфотографироваться с казаками, которые, как и на других олимпийских объектах, дежурили вместе с другими службами безопасности.

Вернувшись домой вечером, раздевшись и сняв рюкзак, я обнаружил, что почётная грамота, которую я весь день носил с собой, промокла и совершенно потеряла вид, несмотря на то, что рюкзак был водонепроницаемым. На следующий день, когда погода пришла в норму, я подумал: «А ведь такая погода могла бы быть всю Олимпиаду. Слава Богу, что этого не случилось!»

Вернувшийся ещё позже меня Дима сказал мне, что завтра мы с ним должны быть на Лауре в 7 утра, будем провожать одного из спортсменов.

19 февраля. Первые проводы

Пришлось вставать в 5 утра и пешком идти на канатную дорогу, которая начинала движение в 6 утра. Под конец Игр я стал завтракать в столовой Лауры, так как там пища там была не такая «пайковая», как в «Морозко». Провожали мы Ларса Нельсона, олимпийского чемпиона в эстафете. Он произвёл впечатление очень скромного молодого человека, может быть, потому что всю дорогу дремал на заднем сиденье.

При входе в аэропорт мы, как всегда проходили досмотр багажа, багажа было много, так как все лыжники таскают с собой, помимо своих вещей, ещё и лыжи. Я забрал с ленты один из чемоданов и пошёл было вперёд, как услышал какой-то громкий разговор. Девушке, оператору рентгеновской установки, показалась подозрительной одна из вещей в багаже Ларса. Она попросила её показать. Оказалось, что это некая большая коробка. Она попросила открыть её. Ларс открыл, а там лежала золотая олимпийская медаль! Тут девушка закричала от восторга и стала звать остальных девушек, чтобы они тоже посмотрели на медаль. Думаю, что Ларсу было приятно быть в центре такого ажиотажа.

Сергей Татарников вечером рассказал нам, как на том же входе он однажды был свидетелем того, как у иностранного спортсмена обнаружили коробочку с нюхательным табаком и заподозрили, что это наркотик, несмотря на то, что на коробке было написано «Snuff tobacco». Долго нюхали, проверяли, пока, наконец, не отпустили его восвояси. Я удивился: «Зачем спортсмену нюхательный табак?» Тут уже удивился Сергей: «А как им расслабляться? Алкоголь нельзя, курить нельзя. Вот они и нюхают табак. И наши тоже».

20 февраля. Снова проводы

Снова встал в 5 утра. На этот раз мы с Леной провожали техника, который работал в павильоне для смазки лыж на Лауре (wax cabin service man). Он был не такой сонный, как Ларс Нельсон, и нам удалось немного поговорить с ним. Он работает в старой фирме по изготовлению ножей. Лыжи это его хобби, совсем недавно он сам выступал на соревнованиях. А теперь он помогает своей национальной сборной во время отпуска. Живёт в небольшом городке, лететь придётся с двумя пересадками, и он надеется быть дома сегодня поздно вечером. Я спросил его, как ему понравился Сочи, а он ответил, что он всё время провёл здесь, наверху.

Мы вернулись на Лауру, оставили машину на стоянке, поднялись в нашу штаб-квартиру и узнали от Софии, что вся команда нашей горной деревни уезжает 24 февраля утром, на следующий день после закрытия Игр. У меня был обратный билет на 27 число, как было оговорено в информационном письме. Я обратился к нашему координатору, спросил, нужен ли буду после Игр, она ответила, что можно уезжать 24 февраля. Я тут же, пользуясь интернетом, купил себе билет на утро 25 февраля и сдал билет на 27-е. К сожалению, не удалось купить билет на поезд, которым в этот же день уезжал Виктор Павлович. Я приезжал в Краснодар на 40 минут позже него. Но мне повезло и с этим билетом, так как билетов Сочи-Краснодар в продаже практически не было, ведь все возвращались по своим домам после Игр.

После обеда на Лауре я вернулся в «Морозко», потому что решил снова побродить в одиночестве около ручья, который показал мне Младен. Когда я пришёл туда, то понял, что одиночества не получается. Там уже гуляли и что-то собирали две женщины моего возраста. Я подошёл к ним и завязал разговор. Они очень охотно его поддержали. Собирали они клубни цикламенов, которые хотели забрать с собой домой в Ставропольский край. Они показали мне также орехи каштана, которые в великом множестве прорастали под влажной

прошлогодней листвой. Это были настоящие каштаны, очень высокие деревья, с вкусными, съедобными плодами, а не так называемые конские каштаны с красивыми цветами-свечками, но невкусными плодами.

Я хотел было набрать клубней и орехов, чтобы посадить дома, но подумал, что в нашей жаркой волонтерской квартире они быстро высохнут и погибнут, а я ещё успею сходить сюда накануне отъезда. И, конечно, потом времени не нашлось.

Обе женщины работали горничными в гостинице недалеко от «Морозко». Они сказали, что часто приходят гулять на это место, скучают по дому, потому что работают здесь уже полгода. Одна из них сказала, что она ещё больше тоскует по своей родной Абхазии, которая находится отсюда всего в нескольких километрах.

21 февраля. Ещё проводы

21 февраля снова с Леной мы провожали Теодора Петерсона, который завоевал серебро в лыжном спринте. К счастью, его рейс был не так рано, выехали из Лауры в 9 утра. Лена пыталась с ним разговаривать. Он отвечал немногословно. Она спросила: «Как тебе понравился Сочи?» А он ответил: «Я в нём не был. Я всё время был только на Лауре». Так же ответил мне накануне и специалист по смазке лыж. Они приехали сюда не развлекаться, а работать.

Однажды утром, когда мы с Сергеем-Царём завтракали в «Морозко», и он, как всегда, о чём-то громко говорил, к нам подседа девушка и сказала: «Я слышу, вы мои коллеги – ассистенты НОК. Не могли бы вы помочь мне? Я работаю с НОК Ливана. Они каждый вечер просят меня свозить в какой-нибудь новый ночной клуб или ресторан. Я уже устала. Может быть, вы порекомендуете какие-то интересные места здесь, в Красной Поляне?» Но мы ничем не могли помочь ей, ни мои шведы, ни немцы Сергея такими местами не интересовались.

Я также слышал разговор двух волонтеров, которые годом раньше были на Универсиаде в Казани. Они говорили, что в Казани было веселее, атмосфера была более праздничная. Я думаю, разница была в величине ставок. Здесь ставкой были олимпийские медали и всемирная известность, а в Казани – всего лишь студенческие Игры.

Разговоры с Сергеем Кёнигом

Вечером снова долго разговаривали с Сергеем. Я узнал много интересного про Германию, а также про западный мир в целом. Например, зачем гомосексуалисты борются за право законного брака, в то время как гетеросексуалы всё чаще живут без регистрации брака. Оказалось, что официальный брак даёт право на наследство после смерти одного из «супругов», а также отменяется налог на холостяка, который в разных формах есть почти во всех западных странах. Так что никакой романтики, только деньги.

Про культ порядка в Германии я уже много знал от своих знакомых немцев. Одна из них, жившая и работавшая в ГДР, теперь работает и живёт в Швейцарии и говорит, что рада этому, так как в Германии с её порядком жить бы не смогла. А мне порядок нравится, конечно, не доходящий до идиотизма, как иногда, к сожалению, бывает в Германии.

Сергей не жалеет, что уехал из Казахстана. И хотя в нём нет ни капли русской крови и жил он в Казахстане, при разговорах с немцами он защищает позицию России, разъясняя им, что на самом деле происходит в мире.

22 февраля. Последняя прогулка по Олимпийскому парку

Олимпийские игры и моё пребывание на них приближались к концу. Уже очень хотелось домой. Несмотря на то, что я каждый день подолгу разговаривал с Таней по телефону, мы оба скучали друг по другу.

Был очередной свободный день, и утром я поехал в Прибрежный кластер. Сначала погулял по Олимпийской деревне, после этого долго бродил по Олимпийскому парку. В парке атмосфера была очень праздничная, я даже пожалел, что раньше не ездил сюда во все свои свободные дни. На каждом шагу было что-нибудь интересное: очередь, чтобы сфотографироваться с олимпийским леопардом, выступление народных ансамблей, молодые люди, исполняющие брейк-данс около «Айсберга», команда девушек, марширующих под собственную барабанную дробь... Особенно популярна была группа мимов, на ходулях и без них, были зрители, которые ходили за ними по пятам вокруг всего парка.

Мы пообедали вместе с Виктором Павловичем, с которым потом я прокатился на его гольф-каре. Его работа заключалась в том, что он должен был обслуживать тех, кому трудно передвигаться пешком по парку: инвалидов, пожилых людей, детей. Но так как гольф-каров было довольно много, то он и другие водители, чаще всего не отказывали в поездке и обычным пассажирам.

Я видел, что Виктор Павлович был на своём месте. Он улыбался всем, был открыт, приветлив, охотно объяснял, что где находится. Не владея английским, он легко находил общий язык с иностранцами. И ему его работа тоже нравилась, хотя, не в пример мне, он работал каждый день посменно, и вечерняя смена у него кончалась очень поздно, так как он должен был развозить зрителей после окончания соревнований от стадионов к выходу из Олимпийского парка.

Ещё в этот день я предполагал встретиться здесь с Данилой, сыном моей знакомой из Дубны. Он хотел подарить мне бракованные ленточки для олимпийских медалей. Данила печатал рисунки на них, его мама их шивала, находясь, как она писала мне, в состоянии эйфории от того, что чувствовала свою причастность к Олимпиаде. Всего они сделали 1300 ленточек для Олимпийских и Паралимпийских Игр.

Когда в ходе подготовки к Играм, В.В.Путину показывали эти ленточки, он спросил: «Где их делали? В Китае, конечно?» И очень удивился, когда ответили: «У нас, в Подмосковье». Тогда он сказал: «Ну ведь можем же!»

Данила с женой приехали в Сочи на три дня в надежде побывать на Церемонии закрытия Игр. Билеты купить они не смогли, но попали на генеральную репетицию, которая состоялась 22-го числа. Я и не знал, что должна быть и такая репетиция! Встретиться нам не удалось, так как молодой паре помешали другие дела. Надеюсь, что когда-нибудь получу в Дубне обещанные ленточки.

Возвращался я со станции «Олимпийская деревня». Недалеко от неё образовался базарчик, на котором около десяти человек выставили олимпийские значки. Почти все, шедшие на станцию, задерживались в этом месте. У них были значки сочинской Олимпиады

практически всех стран, а также значки с прошлых Олимпийских игр, включая Московские 1980 года. Сначала я подумал, что это наши спекулянты, а потом с удивлением услышал, что один из них говорит по-английски, а другой по-испански.

Один из прохожих завёл разговор с первым из них. Оказалось, что он канадец, постоянно ездит на Олимпийские игры, эти Игры для него пятые. Второй продавец был из Испании. Остальные, скорее всего, были наши, россияне. Значки продавались не дорого, рублей по 100-200. Можно было также и обмениваться. У меня в кармане была горсть шведских значков. К сожалению, почти у всех продавцов они тоже были. Но я всё-таки обменялся на несколько других значков, включая совсем неолимпийский значок с флагом Казахстана. Я подарил его Сергею, он был очень доволен.

Вечером мы узнали о событиях в Украине, о бегстве Януковича, о многочисленных жертвах на Майдане. Младен спросил у Жени: «У вас что, давно войны не было?» Я понял, что он имел в виду. Ведь у них, в распавшейся Югославии, война была всего лишь двадцать лет назад, и Младен был, по крайней мере, её свидетелем.

Поздно вечером, уже лёжа в постелях, снова долго разговаривали с Сергеем. Сергей рассказал мне, что сегодня ему довелось привезти в MVL немецкого протестантского пастора, он собирался пригласить всех желающих членов команды приходить к нему, чтобы побеседовать или вместе помолиться. Они шли от КПП вместе с одним из спортсменов, и пастор спросил его: «Хотите, помолимся о Вашей победе?» А тот ответил: «Нет, пастор, помолитесь, пожалуйста, лучше об Украине». Сергей сказал, что в этот момент он почти прослезился.

23 февраля. Я попал на Церемонию закрытия Игр

Наступил последний день Игр. Впереди были лыжная гонка на 50 км, которую так триумфально пробежали наши лыжники, и финальный матч хоккейного турнира между Швецией и Канадой (мы, конечно, болели за шведов, но, увы, им пришлось удовольствоваться «серебром»). А вечером – Церемония закрытия Игр.

Гонку мы опять смотрели по телевизору на Лауре, а не вживую. Посмотреть хоккей у меня не было возможности, так как в это время я был в дороге. Совершенно неожиданно Томас вручил нам пропуски на парад атлетов. Во время тренировок нам говорили, чтобы мы, даже если нам дадут такие пропуски, ни в коем случае ими не пользовались. Но человек слаб, мы очень обрадовались и собрались ими воспользоваться. Вечером мы должны были встретиться со шведской командой около их дома в Прибрежной олимпийской деревне и вместе пойти до места сбора всех команд, участвующих в параде.

После обеда на Лауре я зашёл «домой», чтобы переодеться в свою «гражданскую» одежду, так же как перед генеральной репетицией. Когда мы в назначенное время пришли к месту сбора, никого из шведов не было. Зайдя в холл здания, мы увидели всего несколько человек, остальные совсем не торопились. Потом я понял, что они совсем не хотели стоять под «Шайбой», как в день открытия, и поэтому намеренно опаздывали.

Наконец, мы вышли на улицу. Питер попросил внимания, и дальше он говорил по-шведски, но думаю, что я понял главный смысл. Вначале он, наверное, сказал, что команда Швеции успешно выступила в Сочи. Потом попросил выйти вперёд всех медалистов, и мы им

поаплодировали. Затем наш шеф-де-миссьон по-английски поблагодарил нас, волонтеров. После этого мы пошли в «Фишт».

Оказалось, что приглашения на парад атлетов получили все наши, «шведские» волонтеры, и мы вместе с командой не спеша, хотя было уже 19:40, пошли из Олимпийской деревни по направлению к Олимпийскому парку. Мы шли по дороге, вдоль неё на тротуарах стояло довольно много людей, которые приветствовали команду Швеции и другие команды, которые шли впереди и сзади нас. Я старался не привлекать внимания и затесался в середину шведской колонны. И вдруг услышал женский голос, который восторженно кричал: «Смотрите, смотрите! Сергей со шведами идёт!» Было уже темно, и я не видел, кто это кричал.

Мне, конечно, хотелось, подобно лягушке-путешественнице, закричать изо всей мочи: «Это я! Я! Я!» Но я помнил конец сказки Гаршина – «И с этим криком она полетела вверх тормашками на землю». Поэтому я постарался натянуть шапку пониже на лоб и идти ещё ближе к середине.

Мы подошли к пропускному пункту между Деревней и Парком, и поднеся к терминалу аккредитацию, успешно миновали этот контроль. Но затем началось. Поскольку то, что мы делали, было нелегально, нас начали отлавливать. Слева и справа от колонны шли люди, которые, обращаясь к волонтерам, говорили: «Вы должны выйти из колонны. Вы не имеете права идти в ней!» Кроме меня, почти все наши были в волонтерской униформе, и их легко было «вычислить».

Постепенно наши ряды редели. Наши девушки по одной выходили из колонны. Я старался изо всех сил стать прозрачным. Этому способствовало то, что перед нами шла японская команда в белых куртках, спортсмены шли нестройно и перемешивались между собой. А я был одет в светло-серую куртку. Второй причиной мог служить мой возраст, трудно было предположить, что такой солидный дядя делает что-то не то.

Мы подошли к ещё одному пропускному пункту, перед входом в «Фишт». Здесь уже нужно было предъявить обе карточки, аккредитацию и пропуск на парад атлетов, был и фейс-контроль, но я специально встал в очередь к турникету между двух атлетов и успешно прошмыгнул дальше. Чувствовал я себя очень скверно, ведь просили же не делать этого!

Мы зашли в «Фишт» с той стороны, из которой выезжали декорации, остановились и довольно долго ждали, когда прозвучит команда на выход. Я был в панике. Что делать? Не мог же я идти со шведами на арену! Если бы я был хотя бы в их униформе! Из колонны я тоже не выходил, боялся, что меня тут же выгонят. И не просто выгонят, а с позором. Наконец, кто-то из администрации команды сказал мне, что мне здесь не место (Sergey! You are not supposed to be here.). И тогда я вышел в сторону.

Огляделся. По обеим сторонам стояли волонтеры. Я обрадовался. Свои. Никто не гонит. Я встал среди них, завёл непринуждённые разговоры, забыв, что одежда-то на мне не волонтерская. Это были молодые ребята, помогающие с декорациями во время церемоний.

Вслед за шведской командой встала команда России. Они стояли в одном шаге от меня. Напротив меня стоял Евгений Плющенко. Какой-то человек вызвал его и других членов команды, включая Виктора Ана, они отошли в сторону и о чём-то совещались. Потом, когда

смотрел я Церемонию, то понял, что это вызвали золотых призёров и инструктировали их, что они должны делать на арене.

Вдруг увидел, что вслед за командой России, которая должна была идти последней, появилась ещё одна колонна – волонтеры, ассистенты НОК, которые по двое сопровождали каждую команду. Я обрадовался им как родным и тут же влез в их ряды. Они меня приняли, нас было много, но своих, «шведских», я не увидел.

Наконец, все двинулись вперёд. Атлеты выходили на арену под аплодисменты зрителей, а волонтерам сказали, что они свободны и могут идти к лифтам на трибуны. Я радостно пошёл вместе со всеми. Меня не выгнали! Ассистентам НОК полагались места на трибуне, но многие из них забыли про это или не поняли. В итоге мы стояли в проходах и, в общем-то, мешали зрителями сзади нас смотреть на арену.

Через некоторое время к нам стал подходить сотрудник безопасности и говорить: «У вас есть билеты? Если есть, займите своё место. Если нет, выйдите из зала!» Мы продолжали стоять. Я оглядывался по сторонам. Сзади меня, справа, было несколько свободных мест. Я подумал, что если ещё через десять минут никто туда не сядет, я займу одно из них. Когда к нам подошли в третий раз, я пошёл и занял пустующее место и благополучно просидел на нём до конца. Я звал и других к себе, но они не пошли, так как из прохода было лучше видно. Сотрудник подходил к ним ещё несколько раз, но его как бы не слышали. Как я понимаю, было указание не устраивать скандалов и не выводить безбилетников силой, чтобы не портить праздник.

По окончании Церемонии объявили, что приглашают всех на арену на совместную с атлетами дискотеку. Но все мои соседи, ещё не дождавшись конца, устремились к выходу. Я мешал им проходить. Я спросил: «Куда вы торопитесь?» Мне ответили: «Сейчас же фейерверк будет!» Тогда и я в общей толпе устремился на выход.

Как только я вышел на ступени стадиона, начался фейерверк. Мне показалось, что он кончился как-то слишком быстро, быстрее, чем при открытии Олимпиады. В Олимпийском парке было много народу. Я ожидал, что сейчас будет что-то ещё. Может быть, начнём брататься. Но все устремились на выход. Ведь всем нужно было ещё сесть на поезд, или в автобус или в автомобиль. Праздник кончился, началась обычная жизнь...

Пошёл и я на остановку своего автобуса. В автобусе я разговорился с соседом по сиденью. Он работал авто-слесарем в олимпийском автобусном парке, вместе с другими свободными от смены водителями и слесарями во время Церемонии закрытия был в Олимпийском парке, купив входной билет. Жили они в Эсто-Садке недалеко от нас.

24 февраля. Последний рабочий день

Рано утром, часов в шесть, мы вчетвером в последний раз приехали в олимпийскую деревню, в шведский дом. Нужна была наша помощь в упаковке общих, командных вещей.

Мы снимали со стен объявления о призёрах и детские рисунки, которые София развесила по всем этажам и лестницам здания. Как я предполагаю, это были рисунки с конкурса, посвящённого тому, как дети представляют себе Россию и Олимпийские игры в ней. К сожалению, многие рисунки были выполнены в мрачноватых тонах, да и содержание у них было какое-то не спортивное, например мужчина (Путин?) с пистолетом.

При упаковке возникли большие проблемы. При приезде шведов мы помогали распаковывать вещи и относили всю упаковку, в основном картонные коробки, в подвальный этаж и складывали там в одной из комнат. Мы отправились за коробками, но там не оказалось ни одной! Горничные или кто-то другой навели порядок и выбросили всё. Мы попытались через менеджера здания найти хоть что-нибудь, но безуспешно.

Ситуация была дурацкая, нам нужны были пустые коробки, но все понимали, что здесь на Лауре их просто негде взять, да и времени уже оставалось очень мало, через пару часов должен был прибыть грузовик. Тогда я пошёл в отдел логистики, в котором у меня уже были налажены контакты, и попросил их найти для нас пустые картонные ящики. Они объяснили, что пустых коробок у них быть не может, то, что они получают, они выдают в таре, а пустую у себя не держат. Но после уговоров и раздачи значков, один из сотрудников пошёл со мною на склад, и мы нашли именно столько пустых коробок, сколько нам было нужно.

К сожалению, пропала тара и от жидкокристаллического телевизора с диагональю 1 метр. В той коробке был пенопласт. Мы спросили Софию, как нам быть, она ответила: «Оберните телевизор картоном и обмотайте скотчем». Так мы с Юлей и сделали, хотя очень сомневались, что телевизор дойдёт до Швеции невредимым.

Приехал грузовик, в который сотрудники логистики загрузили все вещи, и наша работа закончилась. Томас и София поблагодарили нас за работу и вручили рюкзаки с большим количеством сувениров на память о шведской команде. Эти рюкзаки лежали со вчерашнего дня на диване, и мы догадывались, кому они предназначены, так как до этого Лену посылали съездить на автомобиле в Прибрежку и забрать там эти рюкзаки.

После возвращения домой, я долго упаковывал свои вещи, ведь их количество у меня удвоилось, если не утроилось. К моему чемодану прибавилась большая дорожная сумка и рюкзак с «амуницией» волонтера, и теперь ещё и шведский рюкзак. Я с трудом представлял, как всё это дотащу до поезда. Дома было очень жарко, я почти полностью разделся, открыл все окна, устроил сквозняк, и долго упаковывался, стараясь сократить количество «мест». В результате к вечеру я почувствовал, что еще раз простудился. Сказалось, скорее всего, и то, что я снова замёрз в «Фиште», накануне вечером в Сочи было всего +7 градусов.

Этим вечером почти все мои соседи пришли домой с большим количеством подарков на память от своих НОКов. Все рассказывали, кому что подарили, и, честно говоря, хвастались друг перед другом. Сергей Татарников слушал, слушал, а потом сказал: «А нам вот что подарили!» и принёс два вымпела с автографами наших биатлонистов и лыжников. Мы ему сказали, что его подарок, может быть, и ценнее, чем наши.

Потом немного посидели за столом на кухне. Сергей-Царь принёс бутылку хорошего немецкого вина, которое ему подарил, наряду с другими вещами, НОК Германии. Мы распили эту бутылку на прощание, немного пообщались и сфотографировались на память.

В волонтерской деревне был «сухой закон». Когда начались Олимпийские игры, охранники на входе пару дней просили показывать содержимое багажника автомашины. Потом это прекратилось, наверное, потому что волонтеры не увлекались «распитием спиртных напитков». В Олимпийских деревнях тоже был «сухой закон». Однажды Томас сказал нам: «Наши сервисмены привыкли после работы выпить бутылочку-другую пива. Вы не знаете, как можно было бы им помочь?» Он намекал на то, чтобы мы пронесли через КПП это пиво.

Но на КПП заставляли выкидывать из рюкзаков даже бутылки с Кока-Колой или водой. Так что мы и не пытались им «помочь».

А вот НОК Германии поступил очень просто. Всем известно, что немцы – «пивная» нация. Без пива им трудно жить и работать. Они положили много ящиков с пивом и несколько ящиков с вином в контейнеры со спортивным инвентарём и провезли это на грузовике на территорию Олимпийской деревни. Именно оттуда была бутылка вина, принесённая Сергеем, это тоже был подарок от НОК.

Не все ребята уезжали вскоре домой. Женя и Алексей Богданов оставались на Паралимпийские игры. Они оба попали в Прибрежный кластер, договорились, что жить будут вместе, и уже потихоньку перевозили свои вещи вниз, в нижнюю волонтерскую деревню. Женя должен был помогать команде Южной Кореи, а Алексей – США.

Когда я заполнял анкету волонтера, то тоже отмечал, что хочу участвовать и в Паралимпийских играх, но получил приглашение только на Олимпийские игры. В первые дни пребывания в Сочи я слышал, что можно было попроситься на Паралимпийские игры. Места вроде были. Но после ледяного дождя дома стало ясно, что надо возвращаться домой как можно скорее. К концу Игр я уже очень скучал по Тане.

25 февраля. Возвращение домой

В последний день снова нужно было встать довольно рано. Поезд отправлялся из Адлера в 10 часов. Все мои соседи по квартире сладко спали, но Младен, услышав, как я умываюсь и завтракаю, тоже встал и сказал, что поможет мне донести вещи до автобусной остановки. Идти было не очень далеко, минут пять, но его помощь очень пригодилась. Вещей было много, и нести их один я мог, но было неудобно и тяжело. По дороге Младен сказал: «Я думал Вы волонтер... А Вы обычный мешочник!» На полпути я обнаружил, что забыл на вешалке свою аккредитацию, она была уже не нужна как пропуск, но хотелось сохранить её на память. Младен вызвался сбегать за ней и быстро вернулся назад, найдя там, где я её оставил.

На остановке мы обнялись на прощание и Младен проговорил: «Об одном я жалею...» Я почти прослезился, приготовившись услышать что-нибудь вроде: «Жаль, что мало общались». Или «Жаль, что больше не увидимся». Но он сказал: «Жалею, что мало над Вами шутил!» Младен остался Младеном!

Поезд до Краснодара должен был идти шесть с половиной часов. Это оказался украинский состав, следующий по маршруту Адлер – Киев. Состояние вагона было похоже на состояние российских вагонов в «лихие» девяностые годы. Грязно и ободрано. В купе нас было трое, и все – волонтеры. Нам было о чём поговорить.

Женщина моего возраста возвращалась в Ейск. Она работала в функции EVS там же, где и я, на Лауре. Во время соревнований она стояла на дороге, ведущей от станции «канатки» на стадионы, и показывала дорогу зрителям. Несмотря на то, что она жила в Сочи, и добиралась до своей работы больше двух часов, она была довольна тем, что почти каждый день видела, как она говорила, всех спортсменов и известных людей, например, Губерниева, спортивного комментатора. Она считала, как и я, что наша Лаура была самым красивым и уютным местом из всех мест соревнований и проживания.

Молодой человек возвращался в Таганрог, он работал в функции «церемонии» на «Фиште». Поскольку «Фишт» использовался только при открытии и закрытии Игр, то в остальное время он побывал на всех стадионах и соревнованиях, которые ему были интересны. Аккредитация у него была подобна моей и позволяла сделать это. Он тоже был очень доволен тем, как всё было на Играх.

В Горячем Ключе в наше купе села женщина средних лет. Она всю дорогу молчала. Мы были уже недалеко от Краснодара, когда она присоединилась к нашему разговору и сказала, что возвращается с похорон на родину, в Днепродзержинск. После того, как мы немного поговорили о том, что происходит в Украине, она сказала, что, если бы это было возможно, тут же осталась бы в России.

В Краснодаре мы встретились на автовокзале с Виктором Павловичем и вместе отправились домой автобусом до Крымска, где нас должен был встретить наш сосед Александр Павлович.

По дороге Виктор Павлович рассказывал о своей работе и своих впечатлениях от Олимпиады. Оказывается, племянница снабжала его бесплатными билетами почти каждый день, и он побывал на всех аренах и соревнованиях, даже на кёрлинге. Он сказал: «Игра, конечно, интересная, как шахматы. Интересная, правда, только для тех, кто играет».

Все волонтеры, независимо от того, в какой функции и где они работали, были очень довольны. Одна девушка сказала 24 февраля, на следующий день по окончании Игр: «Олимпиада кончилась. Как жить дальше? Что я буду делать?» Наверное, многие из нас задавали себе тот же вопрос. Праздник закончился, но он остался с нами.

Было уже почти десять часов вечера, когда я, наконец, оказался дома.

Заключение и размышления

Прошло полгода. У меня было время поразмышлять о том, что мне дало участие в Олимпийских играх. Я написал участие и задумался: разве я участвовал? Мне кажется, что да. Это были мои Игры, хотя я не был спортсменом или тренером или массажистом или сервисменом.

Волонтеры были в Сочи везде, они создавали атмосферу радости и праздника. Спортсменам было не до этого, они работали, тяжело работали. Организаторы тоже тяжело работали. А волонтеры приехали со всех концов России и мира со своим зарядом оптимизма, жизнелюбия, радости, веселья, доброты, бескорыстия.

В Интернете есть шуточный тест «К какой нации ты относишься». Я, по совету Кати из MVL, его выполнил. По завершении теста получил ответ. Воспроизвожу дословно: «Англичанин. Ты слишком серьезно относишься к жизни. Строгий, как к себе, так и к другим. Консерватор, любишь старые традиции. В этом ты очень похож на жителей Туманного Альбиона. Мой совет: совершай иногда глупости и веселись, как ребенок. Жизнь – одна, другой не будет!»

Это всё обо мне! Серьезный и веселиться не умею! Надеюсь, что Игры хоть немного способствовали тому, чтобы я учился жить одним днём, радуясь тому, что этот день просто есть!

Раньше я недоумевал, зачем так много разных соревнований в одном виде спорта. Например, в лыжных гонках: помимо бега на различные дистанции, ещё и спринт, скиатлон, эстафета, командный спринт, масс-старт. У меня был ответ: чтобы больше развлечь зрителей, сделать этот вид спорта более зрелищным. А теперь я бы добавил: чтобы как можно большему числу атлетов достались медали, и они порадовались бы сами и порадовали своих родных, близких и свою страну.

К сожалению, спорт в очередной раз стал заложником большой политики. Проведение Игр в России сильно не нравилось кое-кому. Сначала попытались сорвать Игры под предлогом того, что у нас преследуют гомосексуалистов. Если задуматься, то это даже хорошо! Более серьёзного повода не нашлось. Потом перед самым началом Игр началась кампания в зарубежных СМИ о том, как всё плохо в Сочи: из смесителей течёт жёлтая вода, на улицах бродячие собаки. Это не было ложью, всё это я и сам видел. Но ведь из любой новой трубы сначала течёт жёлтая вода, а бродячих собак откормили добрые русские строители и работники столовых. Был заказ только на чернуху, и СМИ его отработывали. Правда, когда Игры начались, это всё закончилось, большой спорт с его радостями и слезами оттеснили чернуху на десятый план.

Но те, кому очень не хотелось, чтобы мир увидел новое лицо России, вытащили из рукава ещё одну карту – украинский майдан. Я уверен, что события на майдане произошли именно в это время, в конце Олимпийских игр, не случайно. Целью было смазать впечатление от Игр и в очередной раз выставить Россию чудовищем. Бог им судья – и заказчикам на Западе и исполнителям в Украине.

Было много разговоров про то, сколько стоила Олимпиада России. Я не уверен, что муссируемые в СМИ 50 миллиардов долларов, это реальная цифра. Это может быть частью информационной войны. Но даже если и столько, то на эти деньги Россия сделала всему миру и самой себе подарок – самые лучшие зимние Олимпийские игры за всё время их проведения.

У меня сложное отношение к тому, что я делал на Олимпиаде в качестве ассистента НОК. Честно говоря, нас было многовато, можно было справиться и вдвое меньшим количеством ассистентов. Но, как я понимаю, был сделан запас прочности, и он сработал, когда перед началом Игр многие из нас заболели. Как нас предупреждали на тренингах о том, как всё будет, так и было: работа неквалифицированная, во время Игр работы мало и т.д. Я видел, что практически все ассистенты НОК – очень ответственные люди, мы ворчали, что нас не загружают, другие радовались бы этому и развлекались, а нам всё было мало.

Я впервые общался со шведами и скандинавами вообще. Наверное, всё-таки стереотипные представления о нациях верны. Мы, русские, готовы бросаться на шею, брататься. После этого, правда, бывает, и разругаемся вдрызг и морду набьём. Шведы были ровны в общении (если вообще можно назвать общением то, что нам коротко давали задания, а мы их выполняли), вежливы, но не более того. Никакого личного общения ни у кого из нас не было. Во время Олимпийских игр по утрам, когда мы входили в холл, чтобы получить задание или узнать, что сегодня снова свободный день, на диванах сидели и смотрели соревнования члены команды. И часто никто из них не поворачивал головы, чтобы поздороваться с нами.

Больше всего на Олимпийских играх мне понравились мои соседи по квартире, не только Сергей-Царь и Младен, с которыми я преимущественно общался. Понравились все. У меня нет повода бурчать: «Вот, эта нынешняя молодёжь, то ли дело мы, бывало...» Нормальные,

хорошие ребята. Понравились Юля и Лена, мои коллеги по Лауре, Алеся, Катя и Татьяна, мои коллеги по горным деревням. Понравился Эрик, наверное, потому что он уже стал больше канадцем, а не шведом.

Конечно, понравились и чисто спортивные события. Сюжет Игр, например. Сначала команда России далеко уступала Германии, Австрии и другим, плохо играла наша хоккейная команда. А потом посыпались победа за победой! Понравилось, что Виктор Ан доказал тем, кто списал его из команды в родной Корее, что они жестоко ошиблись. Для меня в спорте важнее то, что происходит в духовной сфере, а не «голы, очки, секунды».

Трудно сказать, что не понравилось. Я в жизни многое повидал, много где побывал, многое привык терпеть и стараться не замечать. Всё, что было недоделано, к 7 февраля было на месте. Были, наверное, какие-то мелочи и детали, но я их не помню.

Самыми яркими событиями для меня были церемонии открытия и закрытия Игр, особенно закрытия, потому что я её увидел своими глазами. Благодаря НОК Швеции!

Изменилась ли моя жизнь после поездки на Олимпийские игры? И да, и нет. Ценных знакомств я не завёл, высокооплачиваемой работы не нашёл. Внешне всё по-прежнему. Но внутри появилось желание снова поехать волонтером, если не в Рио-де-Жанейро, то на Чемпионат мира по футболу в 2018 году. И пообщаться с такими же сумасшедшими волонтерами!